

84/2. Рос-б. Кан-2400/6
1788

Сергей Пудов

Окаймлённая горизонтом



Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

84/2/Рс-6/М-2470/16
1788

Сергей Пудов

Окаймлённая горизонтом

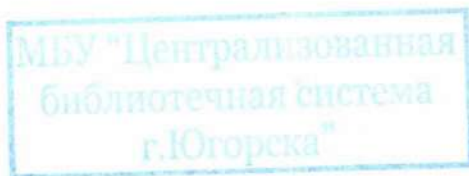
Библиотеке имени
Августа Чадковича
Харизовой с благодарностью
от автора!
Проф-г. Югорск 31.07.2020



Москва
Издательство
Российского союза писателей
2020

119244

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
П88



В книге использованы иллюстрации из фотоархива автора

Пудов, С. П.

П88 Окаймлённая горизонтом / Сергей Пудов. — М. : Издательство РСП, 2020. — 342 с. : ил. — (Серия : Победители литературного конкурса «Георгиевская лента»).

ISBN 978-5-4477-3038-3

В книгу «Окаймлённая горизонтом» победителя литературного конкурса «Георгиевская лента» Сергея Пудова вошли написанные в последние годы очерки, рассказы и повести о русском Заполярье, его истории и современности. Герои книги — неординарные, неутомимые, беззаветно преданные своему делу люди разных эпох и поколений. Но всех их объединяет любовь к Родине.

Книга издана Оргкомитетом литературного конкурса «Георгиевская лента».

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4477-3038-3

© Пудов С. П., 2020

От издательства

Оргкомитет литературного конкурса «Георгиевская лента» представляет книгу Сергея Пудова — победителя в номинации «Проза» за 2018 год.

Литературный конкурс «Георгиевская лента» учрежден Российским союзом писателей в ознаменование Великой Победы над фашизмом и как дань памяти героизму русского народа, проявленному в тылу и на полях сражений, а также во время боевых действий в горячих точках планеты. Задача конкурса — поощрение авторов, воспевающих гражданскую и воинскую доблесть русских солдат и тружеников тыла, важность сохранения и укрепления мира на земле. Название конкурсу дала лента «цвета пороха и огня», учрежденная Екатериной Второй в 1769 году как символ верности и храбрости, мужества и благоразумия, проявленных во славу Российской империи. Георгиевская лента стала прототипом лент советских наград: ордена Славы и медали «За победу над Германией».

В конкурсе приняло участие большое количество авторов из России, ближнего и дальнего зарубежья, весь русский мир — люди, говорящие и пишущие на русском языке. Выбор финалистов и победителей осуществляло жюри конкурса, в состав которого вошли поэты и писатели, литературные деятели, представители ветеранских и военно-патриотических организаций.

Важный этап в жизни каждого писателя — выход книги. Поэтому главный приз для победителей конкурса «Георгиевская лента» — выпуск книги Издательством Российского союза писателей за счет Оргкомитета. Одну из таких книг вы сейчас держите в руках. Мы верим, что новые талантливые авторы, воспевающие воинскую доблесть, героизм и величие души русского народа, составят будущую литературную славу России.

*Оргкомитет литературного конкурса
«Георгиевская лента»*

ЭХО ВОЙНЫ

Повесть

Юность

1942 год. Наши войска ведут кровопролитные оборонительные бои на Волге, дерутся с врагом на улицах Сталинграда. А в это время в глухой деревне Северного Урала Адриановичи подросло новое поколение защитников Отечества.

Окончив среднюю школу, Гошка с группой парней отправился учиться в техникум города Чаши Курганской области. Дети войны, дома ещё как-то перебивались на мамкиных похлёбках да на дарах леса: рыбы наловят, дичи настреляют, луку полевого собирают, шишек кедровых наколотят. А тут, в техникуме, паёк по продуктовым карточкам. И стали наши крепкие деревенские парни таять на глазах от недоедания.

Тяжко вспоминать эти годы. Даже сейчас, через шестьдесят с лишним лет, восьмидесятилетний старик прослезился:

— Нам повезло. У нас был хороший комсорг — фронтовик. Ходил на костылях. Одну ногу потерял на фронте. Он нас всех в комсомол принимал. Приглашает меня как-то в 1943 году на беседу: «Георгий, тебе ещё нет восемнадцати лет, и на фронт тебя не возьмут. Но армии нужны солдаты. После Сталинграда армия опустела. Если ты, как комсомолец, напишешь заявление в военкомат о желании пойти на фронт добровольцем, тебя направят в какое-нибудь военное училище. Мы всё равно победим, а после войны фронтовиков будут чествовать по достоинству и заслугам».

Он меня убедил. На этом закончилась моя юность.

Курсант

Через неделю я был курсантом Троицкого (Челябинской области) военно-авиационного училища. Оно готовило воздушных стрелков и механиков по вооружению самолётов.

В начале лета 1943 года меня направляют на стажировку в боевой 33-й гвардейский военно-авиационный штурмовой полк помощником механика по вооружению штурмовиков Ил-2. Базировались мы в маленьком городишке Песцы, что под Старой Руссой. Мне, курсанту-стажёру, семнадцатилетнему «мужику» ростом 185 сантиметров, тонкому, как тростник, досталась вся тяжёлая работа. Вокруг были только девчонки моего возраста: парни все на фронте. Снаряжали Ил-2 стокилограммовыми бомбами, реактивными снарядами, и всё это вручную. Вылеты были частыми, на отдых времени почти не оставалось.

УХАП

Самым страшным оружием нашего штурмовика был УХАП (универсальный химический авиационный прибор). В этот прибор заливалась горючая смесь КС-4, и ёмкость в 250 литров подвешивалась под самолёт. На бреющем полете на высоте примерно двадцать метров под большим давлением горючая смесь разбрызгивалась над дотами, дзотами, блиндажами и окопами противника. КС-4, попадая в щели, пазы бетонных дотов, при соединении с воздухом воспламеняется, горит и превращает бетон в песок. Человеку от этой жидкости спасения нет, она горит в воде ещё сильнее; остаётся одно — сбросить с себя одежду, а на дворе — русская зима...

Наш полк применял активно УХАП при освобождении Старой Руссы. На старорусском направлении наши войска нанесли

крупное поражение 16-й армии немцев, разгромив три и окружив семь дивизий под Демянском. Бои здесь затянулись. Воспользовавшись этим, фашистское командование перебросило сюда свежие силы. И ударами извне, и со стороны окружённых гитлеровцам удалось пробить узкий коридор в наших боевых порядках и соединиться с блокированными войсками. Они и были мишенью для наших штурмовиков до тех пор, пока немец, боясь ещё раз попасть в «котёл», не оставил Старую Руссу без боя.

Заправка УХАПов всегда проводилась ночью в целях светомаскировки, при искусственном освещении. Жидкость привозилась в столитровых бочках. Мы вдвоём с командиром-техником по вооружению берём бочку на руки и через воронку переливаем горючую смесь в УХАП, похожий на акулу. Потом ещё бочку, затем ещё полбочки — и так двести пятьдесят литров. Завинчивали и вешали под самолёт. Кто хоть раз переливал из бочки любую жидкость, знает, что без брызг при такой технологии не обойтись. Не обходилось и у нас. Мы не были обеспечены спецодеждой, а солдатская прогорала моментально.

— У меня на всю жизнь остались шрамы, — продолжает рассказ старый солдат и показывает руки, ноги, живот. — Одно успокаивало: нам доставались случайные капельки, а немцу — четверть тонны. К концу 1943 года, после освобождения Старой Руссы, применение УХАПов прекратили.

Контузия

Поодаль от взлётно-посадочной полосы стоит, распластав крылья, как подстреленная птица, Ил-2. Одно крыло оперлось о землю, второе — неестественно вздыблено вверх. Вчера пилот с трудом посадил машину. Посидел в кабине, перевёл дух, отдышался, опустился на землю, обошёл вокруг, сосчитал пробоины, похлопал по опавшему крылу: «Спасибо, друг! Ты спас мне жизнь, а тебе предстоит основательная операция». Не зря говорят, что лётчики — самый суеверный народ. Видимо, от близости к Богу.

Сегодня мне предстоит снимать с потрёпанного в воздушном бою штурмовика всё его вооружение. Ранним утром, когда солнышко только коснулось лучами верхушек сосен, а лёгкий ветерок, играя листвою, будил кустарник, я приступил к работе. Хотел управиться до полуденной июльской жары, когда металл обжигает руки. Сначала снял пулемёт с верхнего крыла. Под опущенную плоскость влез на спине, снял ящик с боеприпасами, снимаю пулемёт.

Подошла бригада механиков БАО (батальона аэродромного обслуживания), приступили к демонтажу верхнего крыла, сняли его, и самолёт, окончательно потеряв центровку, навалился нижней плоскостью на меня. Придавил грудь. Я не могу ни вздохнуть, ни вскрикнуть. Кислорода не хватает, сознание отключается. Я понял, что умираю. А мне не было и восемнадцати лет в ту пору. Мысленно простился с родителями, сестрёнками. И только взмолился: «О Господи, спаси!» — слышу через помутневшее сознание крик: «Под плоскостью солдат!» — и отключился... Меня вытащили уже без сознания.

Когда я очнулся, солнце было уже на закате и последними лучами слепило мне глаза, как будто хотело узнать: оживёт, очнётся этот парень? Я ожил...

— Долго жить будешь! — кричали механики-разгильдяи.

Они целый день, оказывается, возились со мной: делали искусственное дыхание и все другие манипуляции, известные им, но врача не вызвали, моему начальнику не доложили. И весь вечер сустились: «Мы твою работу выполнили, ужин принесли. Спаси нас, солдат! Не говори ничего никому, иначе нас в штрафбат отправят». На том и порешили.

Наутро весь полк всё знал. А девчонки — фронтовые подруги, не стесняясь, показывали пальцем и громко сообщали: «Вон тот парень, что на том свете побывал!»

Окончив училище, приехал домой в краткосрочный отпуск. В разговоре и воспоминаниях обнаружилось, что совершенно не помню своего детства — период до школы. И лишь потом я понял: целый блок памяти исчез в результате контузии под Старой Руссой.

Ил-2 – штурмовик

Самолёт Ил-2 строился более высокими темпами, чем любой другой самолёт за всю историю авиации. Выпущенная в огромном количестве (36 163 экземпляра), эта машина стала одним из главных инструментов, с помощью которых Советский Союз разгромил Германию в 1945 году. Одноместный вариант Ил-2 был принят на вооружение за три месяца до немецкого вторжения в июне 1941 года и изначально представлял собой многоцелевой боевой самолёт с двигателем мощностью 1665 лошадиных сил и вооружением из двух 20-миллиметровых пушек, двух 7,62-миллиметровых пулемётов, а также бомб и реактивных снарядов. Этот грозный штурмовик приводил в ужас немецкие наземные войска.

Ил-2 неоднократно модернизировался. Двухместная версия, обеспечившая самолёту защиту с тыла, установка более мощных двигателей, замена пушек на 37-миллиметровый калибр дала машине возможность эффективнее бороться с бронетехникой противника.

— Всё это правда. Всё это так. Но доведена машина до ума была лишь к концу войны, — вздыхает с грустью ветеран. — А в начале она угробила не одну тысячу наших ребят — воздушных стрелков.

Когда я прибыл в полк на стажировку, в первый же день командир приказал: «Вон, видишь, стоит Ил-2? Иди и вычисти место стрелка, завтра сам полетишь». Место всё залито и забрызгано кровью. Вычистил, вымыл. Завтра мне предстоит занять это кровавое место, чтобы послезавтра кто-то другой выгребал мои останки. Дрожь в коленках. О выполнении задания доложил командиру: «Кабина очищена, готов к выполнению боевого задания!» И в этот же день прибыл из нашего Троицкого училища воздушный стрелок. Их перевели, по известным причинам, на трёхмесячный срок обучения, нас же готовили два года.

В первой модификации машина имела один, но очень значительный изъян. Самолёт не имел защиты с тыла. Немцы очень быстро поняли это, заходили сзади и расстреливали самолёт. Ил-2, изрешеченный, иногда насчитывая до трёхсот пробоин, возвращался, выполнив боевое задание, на свой аэродром. Случайное везение? Нет. Гениальность конструктора. Кабина пилота была защищена бронёй сверху и сзади. Вся система управления элеронами, закрылками, рулями приводилась в движение тонкими трёхмиллиметровыми тросиками. И как бы фашист ни стрелял, в тонкий тросик управления пули практически не попадали. На аэродроме «заштопали» пробоины — и самолёт вновь готов к бою.

И тем не менее С. В. Ильюшину было дано задание оборудовать кабину стрелка в хвосте самолёта, как это было сделано во всех зарубежных боевых машинах. При этом нарушилась бы центровка самолёта и, в сущности, требовались новые расчёты конструкции, что повлекло бы изменение технологии производства машин, а время не ждёт — фашист напирал на всех фронтах. Конструктор нашёл лёгкий путь решения проблемы — вырезал сверху фюзеляжа люк, прямо за спиной пилота, и посадил туда воздушного



Ил-2 – штурмовик

стрелка без намёка на какое-либо прикрытие. Фашистские истребители, не меняя тактики, уничтожали сначала стрелка, а потом дырявили самолёт.

Когда всех парней-стрелков перебили, на их место наше командование стало сажать в гнездо стрелка девушек. Но их механики пытались как-то защитить: обкладывали листами кровельного железа — некоторые пули всё же застревали в нем. К Ильюшину опять едут делегации из полков. И только потом он довёл конструкцию до того уровня, что описана в начале этой главы. Воздушный стрелок находился под пуленепробиваемым прозрачным колпаком, вооружённый крупнокалиберным пулемётом. И немцы уже не могли безнаказанно подойти к нашему прославленному штурмовику.

Чёрная смерть

Наш штурмовик обладал ещё одним из многих боевых достоинств. Выполнив очередное боевое задание по уничтожению вражеской бронетехники, блиндажей и окопов, полностью израсходовав боекомплект, он возвращается на базу. Видит на дороге колонну вражеских солдат. Совершенно бесшумно, на бредущем полёте, заходит сзади и винтом крошит, рубит, молотит неприятеля.

Немцы прозвали Ил-2 «чёрной смертью».

По окончании стажировки, перед возвращением в училище, я решил на себе испытать грозную «прелесть» штурмовика. Действительно ли он бесшумно может подлететь к человеку? Попросил разрешение у начальника.

«Иди в ту сторону аэродрома и жди, скоро одно звено возвращается. Стой там — и не только увидишь, но и почувствуешь, с какой машиной работаешь».

У пилотов-штурмовиков было неписаное правило: если возвращаются без потерь, то на бредущем пролетают над местом

посадки, уходят на вираж и лишь потом садятся. А если в звене потери, то посадка идёт в штатном режиме.

Случайно увидел три точки в голубом небе над соснами бора. Самолёты летят прямо на меня. Я присел, на ощупь ухватился за куст, потом лёг на спину — они проходят метрах в пятнадцати-двадцати надо мной. Видна каждая заклёпка, красные звёзды на крыльях наводят ужас. Воздушный поток от винта тянет вверх, гимнастёрка и брюки вздулись, поток поднимает меня... Я ухватился обеими руками за этот несчастный куст, а меня поднимает! Опустись самолёты ещё на пять метров — и меня затянуло бы под винт. Самолёт прошёл надо мной в одно мгновение, а впечатлений осталось на всю жизнь. Они прошли действительно бесшумно, и я хотел было подняться, но тут налетел сзади рёв трёх двигателей. Я невольно оглянулся — и понял, что это отставший звук.

Закончились мои «летние каникулы», практика-стажировка в авиаполку. Вернулся в училище ещё на один год. По окончании его был откомандирован на Украину и приписан к 15-й воздушной армии США. Американцы в то время были нашими союзниками.

Второй фронт

На Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 года) впервые встретились главы трёх великих держав антигитлеровской коалиции — И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль. Они договорились об открытии Второго фронта в Западной Европе в мае-июне 1944 года. О перипетиях открытия Второго фронта написано немало, и совсем скудные, отрывистые сведения — о совместных боевых действиях Большой тройки. Например, о том, что, по договоренности между руководителями СССР и США, со 2 июня и до конца сентября 1944 года проводились челночные операции американской бомбардировочной авиации с посадкой

союзников на советской территории. Для этой цели на основе 169-й авиационной базы особого назначения был создан Полтавский аэродромный узел, куда приземлялись «летающие крепости» американских ВВС, бомбившие германские объекты по пути из Великобритании или Италии.

Полтава

В марте 1944 года курсанты третьего взвода второй роты по ускоренной программе окончили Троицкую (Челябинской области) военно-авиационную школу. Нам присвоили звание сержантов, должность механиков по авиавооружению и отправили в распоряжение 169-й авиационной базы особого назначения (169 АБОН). Штаб находился в Полтаве.

Командир батальона на первом же построении остановился возле нашего только что прибывшего взвода: «Это что ещё за маскарад? Вас откуда прислали? Из концлагеря? Нам предстоит встреча с американцами, а у вас такой вид!»

Вид уральцев явно восхищения не вызывал: изрядно потрёпанные, но до блеска начищенные ботинки, снизу до колена суконные обмотки прикрывают вылинявшие, местами заштопанные неумелой солдатской рукой полугалифе; бледные, исхудавшие лица... Стоячие воротнички гимнастёрки ни за что не хотели приближаться к нашим тонким, длинным синим шеям и с пренебрежением держались от них на почтительном расстоянии.

Нас поставили на усиленное питание, дополнительно свалили во двор казармы воз картошки для самообслуживания. Выдали новую форму, научили нескольким английским словам — и через две недели, розовощеких, с окрепшими мышцами, отправили в Миргород на строительство аэродрома.

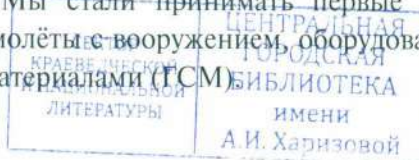
Миргород

Древняя Киевская Русь свободна. Бои идут за пределами нашей Родины. Бушует первая послевоенная весна. Солнце тёплой и грустной улыбкой отогревает озябшую от свинца и железа, истоптанную вражеским сапогом, благодатную и щедрую украинскую землю. Уцелевшие плодовые деревья садов — в полупрозрачных белых и розовых накидках, как невесты в подвенечных платьях, украшены цветами. На зелёных коврах полей алыми каплями солдатской крови расцвели полевые маки. Земля сама, без помощи людской, оплакивала и благодарила своих освободителей...

Город после трёх лет оккупации почти не пострадал. Так же стоит во весь рост на площади у железнодорожного вокзала памятник Гоголю, с грустью взирая со своего пьедестала на поредевшую публику стариков и старушек — молодёжь угнали на работы в Германию.

На окраине города в сжатые сроки с привлечением местного населения был построен аэродром. Американские специалисты вместе с нашими сапёрами уложили на подготовленный грунт взлётно-посадочной полосы металлические гофрированные плиты. Строились склады и другие помещения, необходимые для обслуживания самолётов.

15 мая в Полтаву прибыл заместитель командующего ВВС на европейском театре военных действий генерал Ф.Андерсен, а в числе сопровождающих его лиц — капитан Эллиот Рузвельт, сын тогдашнего президента США. Андерсен и начальник базы А.Р.Перминов обменялись рукопожатиями и с инспекторской проверкой посетили все три аэродрома. Качеством работ остались довольны. Мы стали принимать первые американские транспортные самолёты с вооружением, оборудованием и горюче-смазочными материалами (ГСМ).



Летающая крепость

2 июня полк в каком-то лихорадочном напряжении ожидал первого прибытия 15-й американской воздушной армии. Прислушивались к далёким звукам, до боли в глазах всматривались в безоблачное голубое небо. И вот на горизонте показалась туча. Она стремительно приближалась, закрывая лазурный небосвод. Чёрные тревожные тени побежали по земле. Рёв сотен моторов глушит человеческую речь. Армада «боингов» нарезает круги, перестраивается в три отдельных спирали, и самолёты один за другим идут на посадку. Сто двадцать из них ушли на аэродром Полтавы, шестьдесят пять — на наш, и в город Пирятин приземлился полк истребителей сопровождения.

К моей стоянке подружили два «Боинга-17». Как только стих гул моторов и остановилось вращение последнего винта, прозвучала команда: «К самолётам!» Мы бросились к своим стоянкам. Обгоняя нас, на большой скорости промчались джипы. Они собрали экипажи прибывших самолётов и увезли в свой палаточный городок.

Командующий 15-й воздушной армией генерал Ф. Эккерт доложил о выполнении боевого задания и вручил генералу А. Р. Перминову письмо президента Рузвельта и орден «За заслуги». Соотечественников встречали специально прибывшие в Полтаву посол США в СССР А. Гарриман с дочерью.

На стоянки подвезли американские стокилограммовые бомбы. Они выглядели игрушечными: аккуратно покрашены, на каждой — маркировка фирмы-изготовителя и основные характеристики изделия. Гнёзда под взрыватель закрыты красными, легко отвинчивающимися колпаками. Вся эта красота вызывала удивление — идёт тяжёлая, жестокая война, а тут такие «куколки», как будто от внешнего вида, а не от разрушительной мощи зависит боеспособность снаряда.



Американский тяжёлый бомбардировщик Б-17

Ещё большее удивление вызвали бомболюки. Всё блестит и сверкает никелем, поверхность стоек бомбодержателей, салазки, защёлки, замки и другие детали кричат об аккуратном обращении с конструкциями самолёта.

Бомбы, бомбы, бомбы... В кассетах, уложенные в штабеля. Рядом, словно хищная акула, стоит «боинг», готовый поглотить в своё ненасытное брюхо это огромное количество «чушек», залитых взрывчаткой. В юношеской душе появляется тревога... Тебе своими руками предстоит перенести тяжёлый и опасный груз, при этом соблюсти высокое качество технологического процесса загрузки.

В то время Б-17 был самым совершенным тяжёлым бомбардировщиком дальнего действия. Он мог подниматься с полной бомбовой загрузкой в пять тонн на высоту одиннадцать километров. Четыре двигателя развивали скорость до 500 км/ч. Тринадцать крупнокалиберных пулемётов обеспечивали ему круговую оборону. Пулемётные ленты пополнять почти не приходилось: их, по словам американцев, тратили мало — немецкие истребители тогда не могли подняться на высоту десять-двенадцать тысяч метров.

Их нравы

С неистребимым русским любопытством осматривали мы океанские машины. Дверей у кабины пилотов нет, в самолёте на плечиках висят наглаженные костюмы для любого повода. Лётчики держали в самолёте самые разные личные вещи, будто это был их дом родной. Скорее всего, так у них и считалось. В фюзеляже стояли ящики с продовольственными пайками и большое количество резанной в мелкую ленту фольги, которая сбрасывалась с целью искажения показаний немецких радаров.

У союзников было принято рисовать сверху, на плоскостях, цветные картины — голых женщин, на кабинах истребителей — оскаленные пасти хищников.

Вообще, жизнь американцев, даже в полевых условиях, не могла не удивлять нас, русских, ведь мы ничего о них не знали. Они жили в палатках, имели свой госпиталь, столовую, летнюю эстраду и даже церковь. Войдёшь в их «храм» и рот откроешь от удивления — в святом месте на стенах чёрные силуэты опять-таки обнажённых женщин. Что это означало, до сих пор не пойму, может быть, каждый изображал свою любимую как символ спасения на войне?

С нами они были просты в общении, без предвзятости и высокомерия. При встрече — знаменитая американская улыбка, в работе — без наших неистребимых формальностей. Пример: пришёл эшелон военных грузов из-за океана, через Архангельск. Железнодорожники открывают двери вагонов, представитель базы по снабжению окидывает взглядом груз — «о'кей», что означает — можно разгружать. Никаких накладных и приёмочных актов. Самые ценные и срочные грузы перебрасывались их авиацией через Иран.

По вечерам американцы брали машины, усаживали нас с собой в роли переводчиков и мчались в город. С молодыми украинками весело было проводить время. Они, не стеснясь, пели, танцевали, устраивали целые концерты. Причём все эти вечеринки обходились без спиртных напитков.

В отдельных янки нас удивляла этакая коммерческая жилка: они устраивали целые импровизированные базары — на ящиках раскладывали сигареты, конфеты, шоколад, масло, пиво и даже парашюты и продавали всё это местным жителям.

Совместно работая и отдыхая, конечно, не упускали мы и политических вопросов. Отчаянно спорили, что у нас тоже сильная авиация, особенно «илы», да и вообще Красная армия любому шею намылит. Инцидентов дискуссии не вызывали, хотя ни одна из сторон удовольствия от них не испытывала.

Зато всем нравилось ходить в «соседнюю» столовую. Впервые в жизни наши ребята попробовали «ихние» фруктовые соки из

банок, тропические фрукты. Питание американцев, может быть, считалось лучше нашего, однако консервированные продукты были нам непривычны. Да и гости наши с большим удовольствием приходили за наши столы и за обе щеки уплетали украинский борщ.

Стратегии авиации

Интересно сравнить структуру военно-воздушных сил основных участников Второй мировой войны. Англия, а после начала войны и США, в основном продолжали ориентироваться на доктрину, предполагающую значительное число тяжёлых стратегических бомбардировщиков. Впоследствии это обусловило появление большого количества дальних истребителей сопровождения.

В противоположность западным союзникам, Германия имела лишь очень небольшое количество дальних четырёхмоторных машин. Основную же массу «Люфтваффе» составляли боевые бомбардировщики и самолёты непосредственной поддержки войск. Процент истребителей был не слишком велик — менее трети, что говорит о наступательном характере германских ВВС.

В советской авиации к 1941 году основным самолётом был истребитель — 57% от общего числа боевых машин. То есть ВВС РККА в первую очередь предназначались для обороны, а не для наступления. При этом к началу Великой Отечественной войны основную массу советских истребителей всё ещё составляли истребители устаревших типов — производство скоростных МиГ 3 и ЯК-1 началось только в 1941 году. Значительный перевес истребителей в советской авиации сохранялся до самого конца войны. Бомбардировщики к этому времени составляли 20% от числа боевых машин.

Челночные операции

В результате сложившейся ситуации союзники антигитлеровской коалиции разработали совместный план челночных операций 8-й и 15-й воздушных армий США. Они дислоцировались в Англии и на Сицилии (Италия). Промежуточным пунктом посадки, отдыха экипажей, заправки самолётов горюче-смазочными материалами, вооружением и ремонта машин была наша 169-я АБОН с тремя полевыми аэродромами. Американские воздушные армии, перелетая навстречу друг другу, приземлялись у нас через каждые три дня.

В память врежется всегда первое впечатление, особенно если оно связано с эмоциональным переживанием. Одним из таких эпизодов моей службы был первый боевой вылет «боингов-17» с нашего аэродрома. В полдень появились в небе над Миргородом «летающие крепости» с полтавского аэродрома. Они ходили виражами, набирая высоту. Каждая эскадрилья занимала свой «потолок». Когда они выстроили «этажерку», пошли на взлёт наши. Так же выстроились и заняли свой коридор. После боевого построения «боингов» в небе появились истребители сопровождения, взлетевшие с аэродрома города Пирятин. Вся эта армада летающих громадных машин затмила солнце, на земле были не тени, а сумерки. Стоял оглушительный монотонный гул. От дурной мысли: «а если?..» по спине пробегали мурашки и выступал холодный пот. И тут же возникало радостное мстительное возбуждение: «Вот оно! Летит возмездие врагу!»

Часов через пять боевое построение армии закончилось, и армада медленно уплывает на запад. На границе эскадрильи расходятся по объектам бомбометания в глубоких тылах противника и уходят на базировку в Англию или Италию.

В первой боевой операции оба «мои» самолёта находились в группе, которая в ночь с 5 на 6 июня бомбила нефтяные промыслы и нефтехранилища Плоешти (Румыния). Американцы по

возвращении жали мне руку, хлопали по плечу, улыбались, довольные успехом: «Радуйся, Жорж, твои бомбы попали в десятку!» — и рассказали, как прошла бомбёжка.

Эскадрилья подошла к цели. На земле — ни огонька. Самолёты ходят по кругу, наводя страх и провоцируя прожектора и зенитки. Их снаряды осиливают высоту девяти километров, самолёты на две тысячи метров выше. Разрывы снарядов зениток образуют круг. В центре главный бомбардир сбрасывает тысячекилограммовую осветительную бомбу и несколько малых по мощности освещения. Бомбы, разрываясь в воздухе, освещают большую поверхность земли. Через прицелы «Норд» для высотного бомбометания просматриваются объекты уничтожения. При первых же попаданиях сброшенных бомб горят и взрываются ёмкости с горючим, усиливая освещённость площади. В результате этой операции была ликвидирована основная нефтяная база, снабжающая армии фашистов высококачественным горючим, маслами и смазками.

Через месяц что-то подобное немцы устроят американцам на наших аэродромах.

Ночной налёт

«Летающие крепости» американцев оказались немцам не по зубам. Ни зенитки их не доставали, ни истребители не могли безнаказанно близко подойти. Потери стратегических объектов врага были ощутимы. Фюрер взбешён. Приказал Герингу выявить аэродромы посадки воздушных армий США на территории Европы и уничтожить.

11 июля 1944 года, в день возвращения «боингов» из очередного ночного рейда по тылам противника, высоко в чистом солнечном небе появилась «рама» — немецкий самолёт-разведчик. Покружил над нашим Миргородским аэродромом и ушёл

в сторону Полтавы. Всем было ясно: немцы обнаружили стоянки самолётов и ночью будут бомбить. Командир базы генерал-майор А. Р. Перминов на экстренном совещании в штабе с американским командованием рекомендовал союзникам перегнать машины на запасные аэродромы. Самонадеянные, вальяжные американцы не захотели суетиться — они, видите ли, только что вернулись из полётов, экипажам необходим трёхдневный отдых.

Той же ночью наш гарнизон проснулся от гулких, мощных взрывов — бомбили аэродром Полтавы. На нём было самолётов в два раза больше, чем на нашем. Мы взобрались на крышу казармы, что находилась в двухэтажной кирпичной старинной постройке школы. За двести километров от нас был виден пожар. Ночное небо переливалось ало-бело-бордовыми всполохами. Чёрные клубы дыма взмывали вверх — это рвались бомбы арсенала и ёмкости горюче-смазочного склада. Лучи прожекторов метались по поднебесью, хлопали зенитки, но вражеские самолёты вернулись в Польшу невредимыми.

Днём наши союзники подсчитывали потери. Аэродром разрушен, много самолётов сгорело, остальные повреждены, выведены из строя. Было очень много жертв и с их, и с нашей стороны. Практически вся полтавская база была уничтожена.

На следующий день хищным коршуном «рама» опять появилась над нами: видимо, немцы сфотографировали наши стоянки самолётов и пошли снимать «полтавский пейзаж» после налёта. Мы укрепили окопы, «щели», переходы, выслушали дополнительный инструктаж о том, как сохранить жизнь во время бомбёжки, если бомба упадёт не на голову, а где-то рядом.

Наученные горьким опытом и большими потерями, американцы в ранних вечерних сумерках снялись с нашего аэродрома, истребители — с соседнего, и ушли на запасной аэродром в Новороссийск, к Чёрному морю.

Полночь. Здание казармы с толстыми кирпичными стенами содрогнулось от мощного взрыва. Мы в мгновение ока, без

дополнительной команды, оказались в «щелях», выкопанных здесь же, во дворе школы. Неестественно белый фосфорический свет осветительной бомбы разорвал мрак летней ночи. С раздирающим душу диким воем, кажется, прямо на тебя сыплются бомбы. В небе гул и свист пикирующих бомбардировщиков. Проектора рыскают по небу, зенитки хлопают вслед, но и на этот раз ни одного вражеского стервятника сбить не удалось. Взрываясь, взлетали бочки с бензином, склад боеприпасов горел, добавляя своё в общую какофонию, раздавались глухие взрывы американских бомб. Густой, смрадный и чёрный дым с проблесками багровых языков пламени застилал лётное поле. Вдрыбились плиты посадочных полос. Кромешный ад длился всю ночь.

Вот тебе, Николай Васильевич, и «тиха украинская ночь» над твоим Миргородом... Ночной налёт изрядно напугал местных жителей. Потрескались стены близстоящих хат. Но ни одна бомба не упала на город. Заколдовал, видимо, его великий мистик Н. В. Гоголь. Нетронутыми остались американский палаточный городок экипажей и наши казармы.

По законам военного времени, без оплаты труда, на голом энтузиазме, с привлечением местного населения восстановление взлётно-посадочных полос аэродромов было закончено в течение нескольких суток.

Советские бомбы

Челночные операции американских воздушных армий Сицилия — Украина — Англия вновь стали регулярными. Польскую авиабазу гитлеровцев уничтожили, и союзники опять приземлялись у нас с отдыхом по три дня, а мы по-прежнему заправляли их самолёты.

В конце июля запас американских бомб иссяк. Пришёл эшелон с отечественными стокилограммовыми фугасами. У нас вспыхнуло

патриотическое чувство гордости за своё родное вооружение. Мы были уверены, что уж наши-то изделия помощнее американских окрашенных «куколок»!

Однако внешний вид бомб нас смутил и обескуражил, привёл в замешательство не только американцев, но и наше командование. Бомбы резко отличались от иностранных своим нелепым видом. Они были грязные, в земле, с бородой пожухлой травы. Валики сварных швов не зачищены от окалины, которая очень опасна во время работы, гнёзда под взрыватели обильно смазаны солидолом и забиты деревянными пробками так, что их приходилось выбивать молотком и зубилом — это на бомбах-то! Кроме того, бугельная система не соответствовала американской. Было понятно: бомбы поступили со складов, где лежали с довоенного времени под открытым небом, и не только без кассет, но даже без подкладок — на голой земле, в ожидании своего боевого применения.

Американцы упорно сопротивлялись загрузке наших «замарашек» в свои сверкающие никелем бомболюки. Наши командиры всё-таки сумели убедить их. После соответствующей подготовительно-очистительной обработки наши изделия заняли своё место в утробах «боингов». Зато мои надписи мелом «Смерть Гитлеру!» на ржавых боках наших бомб выглядели более чётко, чем на крашенных заморских.

Позор советской оборонной промышленности закончился, как только стало поступать вооружение прямо из цехов военных заводов. Изделия приходили чистыми, гнёзда под взрыватели закрыты металлическими, легко отвинчивающимися крышками, бугели подогнаны под американский стандарт. В августе пошли более тяжёлые — 250- и 500-килограммовые отечественные бомбы более мощной разрушительной силы.

Год Победы

Осенью 1944 года советские войска значительно продвинулись на запад. Стало ясно: необходимость дальних челночных операций отпала. Полтавская 169-я авиационная база особого назначения сыграла свою значительную роль в разгроме гитлеровской армии и её военных стратегических объектов. Самолёты союзников по-прежнему приземлялись на наши аэродромы, но уже не в таком, как прежде, количестве, а отдельными небольшими группами.

После дня Победы мы прощались, как и подобает братьям по оружию. Поклялись в вечной солдатской дружбе, сфотографировались на фоне «боинга-17» — «летающей крепости». Они улетели на свои новые базы, а я был направлен на учёбу в Рижское лётное училище. По окончании его, в звании лейтенанта, я прибыл в Корею. Каково же было моё удивление, когда узнал, что по ту сторону 38-й параллели стоит та самая 15-я американская воздушная армия! На этот раз мы были уже не союзники — политики поставили нас по разные стороны баррикад.

Несостоявшийся концерт

На аэродром назначения лейтенант прибыл во время построения полка. Доложил командиру о прибытии для дальнейшего прохождения службы, вручил командировочное удостоверение. Командир прочитал документ и обратился к строю:

— Товарищи офицеры! Представляю вам прибывшего из Рижского лётного училища офицера... — и называет фамилию, имя, отчество.

— Товарищ полковник! Разрешите выйти из строя? — И подходит к новичку.

— Гошка!

— Володя! Машкин! — Они обнялись. — Товарищ полковник! Мы однокурсники по училищу!

Строй в восторге. Приятно встретить друга вдали от Родины.

— Ну что ж, — по-отечески решил командир, — старые друзья, и живите вместе.

Полк занимал прежние японские казармы. Другьям выделили двухместную комнату. Володя ввёл однокашника в круг событий, объяснил международную обстановку, политзанятия проходили ежедневно.

— Итак, товарищи офицеры! — вешал Володя, заложив руки за спину, подражая политруку, задумчиво вышагивая по комнате. — В тридцати километрах от нашего истребительного полка находятся две воздушные армии США: 8-я и 15-я, плюс истребительный полк сопровождения тяжёлых бомбардировщиков. Нас разделяет тридцать восьмая параллель — временная демаркационная линия между советскими и американскими войсками. Эта параллель является границей между Северной и Южной Кореей. Она разделила государство на две части...

— Постой, остановись, Володя! — закричал Гошка, не скрывая радости. — Ты уверен, что именно 8-я и 15-я армии США стоят рядом?

— Точнее не бывает. На каждом политзанятии напоминают. — С Машкина вмиг слетело позёрство. Он уставился на друга с любопытством и подозрением: — А ты чему обрадовался? У тебя там что, родственники служат? — с издёвкой спросил он.

— Не родственники, я сам служил у американцев!

Немая сцена. Володя невольно обернулся и попросил говорить потише. Но на Гошку накатились воспоминания. Зримо встали события, факты и отдельные эпизоды службы на аэродроме в Миргороде. Ему приятно было не только рассказать другу, но и самому поговорить о том незабываемом лете 1944 года. Он с каким-то мальчишеским восторгом, задыхаясь и захлёбываясь, вырывая

отдельные малозначительные факты, рассказывал о дружбе с пилотами «боингов».

Устал. Замолчал. Сел. Опустил по-стариковски голову:

— Как же так получилось? Мои прежние друзья стали нам врагами?

Володя слушал со смешанным чувством сбивчивый, эмоциональный рассказ Георгия об искреннем уважении американских друзей. С одной стороны, он завидовал другу, а с другой — беспокоился за него: Как воспримет политотдел Гошкины откровения?

— Ну что, успокоился? Ты совсем меня запутал и напугал. «Я у американцев служил!» — передразнил он друга. — А сейчас спокойно расскажи всё по порядку. Успокой меня. А то нас с тобой как бы из полка не выперли и не поставили под вечный надзор.

На этот раз уже Георгий был вынужден провести политинформацию и рассказал о том, о чём умалчивала советская пресса:

— Ты слышал про Второй фронт, что открыли американцы в конце минувшей войны? Так вот, по договору на Тегеранской конференции 1943 года главы трёх великих держав антигитлеровской коалиции — И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль договорились об открытии Второго фронта в Западной Европе в мае-июне 1944 года.

По дополнительной договорённости между руководителями СССР и США со 2 июня и до сентября 1944 года проводились челночные операции американской бомбардировочной авиации с посадкой союзников на советской территории. Для этой цели на основе 169-й авиационной базы особого назначения был создан Полтавский аэродромный узел, куда приземлялись «летающие крепости» — «Боинги-17» американских ВВС, бомбившие германские объекты по пути из Великобритании или Италии.

В марте 1944-го я окончил Троицкое (Челябинской области) училище по укороченной программе, получил звание сержанта, должность механика по авиавооружению, был откомандирован на Украину и приписан к 15-й воздушной армии США. Американцы

в то время были нашими союзниками. Штаб 169-й авиабазы особого назначения (169 АБОН) находился в Полтаве.

Около двух сотен тяжёлых бомбардировщиков и полк истребителей сопровождения 8-й армии поднимались в Англии, сбрасывали смертоносный груз колоссальной разрушительной силы на пылающую Европу и налегке приземлялись на аэродромы освобождённой Украины. Три дня отдыхали. В это время мы заправляли самолёты всем необходимым, и в первую очередь — бомбами. Отдохнув, армада поднималась на крыло, вновь бомбила фашистов Германии и её сателлитов, садилась в Сицилии. Навстречу из Италии, на недосягаемой для зениток противника высоте, шла 15-я воздушная армия бомбить остатки фашистских войск. Садилась на аэродромах Полтавы, Житомира, а полк истребителей — в городе Пирятин, и тоже отдыхали три дня.

В перерывах между полётами, во время подготовительных работ к следующим операциям, мою стоянку, — продолжает рассказ Георгий, — навещал коллега, специалист по авиавооружению. В его обязанности входил контроль за несколькими стоянками Б-17. Юджин, так звали его, не говорил по-русски, я не знал английского языка, и тем не менее мы понимали друг друга. Я хорошо знал, когда сказать «олрайт», когда — «сенкью». Здравовался он всегда за руку, с неременной широкой американской улыбкой и одобрительным похлопываньем меня по плечу. Роста мы были равного, по 185 сантиметров. Он был крепкого телосложения, я — восемнадцатилетний тонкий, звонкий, продолговатый, фитиль-фитилём. В Нью-Йорке у него жена и дочка, живут в однокомнатной квартире на одиннадцатом этаже! Я, деревенский парень, не представлял, как можно жить так высоко.

Он состоял в компартии США. Его пускали в нашу казарму. Коммунистическая идеология не мешала ему оставаться набожным католиком. Не знаю, бывал ли он на партсобраниях, но богослужения в полевой церкви не пропускал.

Однажды приземлился огромный транспортный самолёт из Америки. На обслуживание его поставили на мою стоянку. Выгрузили продукты питания, свежую прессу и прочие товары для жизнеобеспечения гарнизона. Я попросил Юджина показать мне газеты и журналы. Газета «Нью-Йорк Таймс» размером с нашу «Правду», но многостраничная, толстая и тяжёлая. В то время в США шла предвыборная кампания. На четвёртый срок переизбирался президент Рузвельт. Газета пестрила жёсткими, нелицеприятными карикатурами на действующего президента. Они вызывали недоумение. Подобные сатирические портреты нашего вождя и учителя у нас не поощрялись. Смотрим журналы — сплошь женские фигурки. Красивые мордашки и тощие тела — не наша русская статья. На моё замечание Юджин сказал примерно следующее: «Наши американские Мэри изящны потому, что много пьют фруктовых соков, а ваши русские Мэри толстые потому, что много едят хлеба и сала». Я возмутился его суждениями и чуть было не набросился на него, защищая честь наших женщин. И с юношеской запальчивостью выдал тираду о том, что было бы хорошо, если бы на столе русских Мэри во время войны были бы хлеб и сало. А у них сейчас одна картошка, и то не всегда... «Успокойся, Жорж, я не хотел тебя обидеть», — похлопал меня по плечу Юджин. Их газеты и журналы меня больше не интересовали. «Жорж, я немного видел Россию, а ты Америку не видел. Приезжай ко мне после войны», — и подал мне листок со своим адресом в знак примирения. Я положил листок в карман, потом переписал адрес в блокнот.

Он подал мне пакет бортового пайка экипажа. Лётный состав редко использовал их во время полётов и в шутку называл бортпайки «подарком дяди Сэма». Вскрыв пакет, я обнаружил белые крупные мятные таблетки, тающие во рту с приятной прохладой, пакетики фруктовых концентратов, рассчитанных на стакан воды, небольшие диски чистого шоколада в фольге, сыр, мясо,

сливочное масло, маленькие кусочки хлеба, «сникерсы» и многое другое, вкусное и полезное. «Подарок дяди Сэма» я помню и по сей день.

Все понимали, что делаем одно дело и все мы братья по оружию, союзники.

Володя с нетерпением дослушал рассказ и с восторгом воскликнул:

— Жора! Давай устроим экскурсию к соседям-американцам! Я ни разу не видел живого американца. Я придумал! Надо создать кружок художественной самодеятельности и поехать к ним с концертом, как мы ездили до войны по колхозам агитбригадой! Я могу сплясать. — И он тут же выдал «Барыню» с выходом вприсядку. — А ещё я умею частушки петь! — и, в подтверждение своего мастерства, звонким голосом, изображая разухабистого деревенского рубаху-парня, спел несколько залихватских деревенских припевок. И, не останови его Жора, хохоча и махая руками, чтобы артист народного театра объявил антракт, Машкин пел бы и плясал весь вечер, репетируя перед концертом в Южной Корее.

Искренний рассказ друга и юношеские впечатления о братьях по оружию полностью выветрили из головы лейтенанта Машкина сведения политрука о сегодняшнем отношении нашего государства к американцам.

— От твоих частушек у американцев уши в трубочку свернутся!

— А они всё равно по-русски ничего не понимают.

— Тогда командир тебе уши натрёт.

— Нет, я серьёзно, — настаивал Машкин. — Пошли к командиру! Он наш земляк, уралец, свердловчанин, — поймёт. Очень хочется увидеть американцев.

Георгий долго отнекивался. Он только что прибыл в полк, не успел оглядеться — и сразу идти к командиру с просьбой? Но под напором друга согласился. Что-то подсказывало ему: этот визит добром не закончится. И два молодых наивных лейтенанта отправились к командиру полка с бредовой идеей.

— Товарищ полковник! Разрешите обратиться?
— Говори, Машкин, с чем пожаловал. Да вы садитесь.
— Нам надо организовать художественную самодеятельность, чтобы с концертом поехать к американцам.

Командир засмеялся:

— Какие из нас артисты? Мы солдаты!
— А вот у него, — Володя показал на Георгия, — среди американцев много друзей.

— Да, — подтвердил тот. — Хотелось бы побывать у них с экскурсией. — И кратко рассказал командиру про челночные операции, службу в Миргороде и дружбу с Юджином.

После вечернего построения командир пригласил к себе в кабинет политрука. С напускной строгостью обратился к нему:

— Что-то не доходят до ума молодых офицеров ваши назидательные лекции на политзанятиях, товарищ майор. В международной обстановке не разбираются. Скучно им. Художественную самодеятельность предлагают организовать, чтобы концерт показать заграничным соседям. Были тут у меня два «артиста». Один поёт и пляшет, а второй вообще когда-то служил у американцев.

Политрук побагровел, невольно вытер ладонью испарину на лбу:

— Ну, я им устрою концерт самодеятельности!

Вечером того же дня койку земляка Володи Машкина занял незнакомый капитан. Как выяснилось, Володю перевели в другой полк. Видимо, командир не желал видеть в строю боевых офицеров артиста и зарубил самодеятельность на корню.

Служба Георгия шла своим чередом, без замечаний. С капитаном они подружились. Иногда, ненавязчиво, он интересовался службой Георгия в военные годы.

И уже после приказа о выводе наших войск из Северной Кореи капитан пригласил Георгия на охоту. И здесь он полностью раскрылся перед ним. Он был приставлен особым отделом военно-административной службы.

— Георгий, — говорил он, положив по-дружески руку на его плечо, когда они присели отдохнуть. — Я получил твоё личное дело в день, когда поселился к тебе в комнату. Мы жили с тобой дружно. Ты откровенно рассказывал о своей службе на войне, и даже с некоторой юношеской бравадой, не забывая детали и интересные случаи из полевой жизни американцев. Но один компромат в твоём личном деле был. Он мог тебя подвести в дальнейшем, как и твой язык, — это блокнот. Я его прочитал. В него ты записывал бортовые номера американских самолётов, нью-йоркский адрес какого-то американца и прочую чепуху. Блокнот твой я выбросил, и ничего компрометирующего в твоих бумагах не осталось. Ты фронтовик, тебе доверие, служи спокойно.

Он немного помолчал. Чувствовалось, каких трудов стоило ему служебное откровение. Потом, чтобы разрядить обстановку и вывести сослуживца из состояния ступора, весело, прищурив глаз, лукаво спросил:

— Гошка, а ты правда собирался в гости к Юджину?

Сознание Георгия всё ещё переваривало необычную информацию, и ответил он, видимо, невпопад:

— Неплохо было бы повидать Америку...

И оба почему-то грустно улыбнулись друг другу.

Эпилог

В марте 1953 года умер И. В. Сталин. Комсорг обязал Георгия, как участника Отечественной войны, выступить с речью на митинге полка по поводу смерти вождя. Народу было много: и служащие, и гражданские — весь гарнизон. Выступление командованию понравилось, и его поощрили месячной путёвкой в санаторий. После возвращения его перевели на преподавательскую работу в авиаучилище молодых военспецов в Комсомольске-на-Амуре, посоветовали подать заявление в Академию.

Неожиданно выходит Постановление Правительства СССР о сокращении Вооружённых сил на полтора миллиона человек. В первую очередь сокращался офицерский состав. В полк приехал начальник кадров военного округа. Вызывал Георгия:

— Георгий Николаевич, мы отправляем вас в запас.

Георгий растерялся. Так хорошо и гладко налаживалась служба у старшего лейтенанта...

— Я подал заявление в Академию, — робко напомнил он генералу.

— Мы знаем. И тем не менее — в запас!

— Слушаюсь! — Повернулся кругом и вышел... в запас.

Возможно, на решение командования повлияла излишняя откровенность лейтенанта, или, как кратко обозначил её капитан особого отдела, «язык»?

ВОЕВАВШЕЕ ЗАПОЛЯРЬЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

В истории Тюменской области есть подлинно боевые страницы, поскольку Север, в частности Ямал, стал правым флангом Арктического фронта. Бойцами этого фронта стали команды морских судов, лётчики полярной авиации, работники метео- и радиостанций, тундровики. И спустя десятилетия вскрываются новые детали, а за ними — подлинно трагическая и одновременно героическая история.

Есть и материальные свидетельства: в музеях Ямальского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого автономного округа хранятся пуговицы (украшают ненецкую куклу) со вполне мирным якорем, но пугающей надписью на обороте: «Kriegsmarine 19 JFS 42». В 2000 году на 71 широте и 20-22 градусах восточной долготы, в районе реки Ер Хасуй Яха, Василий Вануйто нашёл почти развалившийся оцинкованный ящик с надписью «Nurnberg», в котором лежали боевые патроны. О том, как попали германские пуговицы 1942 года и патроны на Ямал, остаётся только догадываться.

ОБМАНУТОЕ ДОВЕРИЕ

Театр боевых действий Второй мировой войны. Уже за год до 22 июня 1941 года немцы захватили советскую Арктику, знакому морякам и лётчикам Германии ещё с довоенного времени, когда, убаюканные разговорами о мирном характере исследований, власти СССР разрешили им проходить (или пролетать, как дирижаблю LZ-127 «Граф Цеппелин» в 1931 году) по трассе Северного морского пути (СМП). Ещё страшнее, иначе не скажешь, что в 1940 году, по секретному соглашению с СССР, этой трассой прошёл в сопровождении советских ледоколов германский вспомогательный крейсер Komet, замаскированный под торговое судно Donaui.

14 августа, взяв на борт двух лоцманов, оставленных ледоколом «Ленин», Komet вышел в акваторию Карского моря. Самостоятельно пройдя 160 миль свободной водой, крейсер столкнулся со сплошными льдами и после безуспешных четырёхчасовых поисков прохода вернулся в район Маточкина Шара.

Слишком поздно советская сторона поняла, зачем гидросамолёт с корабля Arado-196 летал над Карским морем, а команда проводила несанкционированные высадки на сушу.

19 августа капитан Р. Эйссен всё же провёл Komet через тающие льды Карского моря. Самое удивительное (и вероломное), что, разведав ледовую обстановку и ситуацию в портах, после ремонта в бухте Анадырь крейсер неожиданно появился в Тихом океане, «скинул овечью шкуру» и потопил шесть английских судов общим водоизмещением около 43 000 тонн! Однако главным

приобретением гитлеровцев от прохода крейсером Komet СМП, несомненно, являлась ценнейшая развединформация, облегчившая в дальнейшем операции Kriegsmarine (военно-морских сил) в Арктике. Не случайно информация о походе крейсера являлась засекреченной и впервые была обнародована только в апреле 1943 года в газете Hamburger Fremdenblatt.

ПЛАНЫ ФАШИСТОВ

СССР в полной мере осознал всю опасность ситуации (для себя и союзников) лишь в 1941 году, когда трасса СМП стала стратегически важной: по ней направлялась часть грузов союзников, снимая нагрузку с Транссибирской железнодорожной магистрали. Северный морской путь являлся единственной «дорогой жизни», связывавшей северные районы страны между собой и с центром. 2 августа 1941 года была создана Беломорская военная флотилия (БВФ) с главной базой в Архангельске, а операционная зона флотилии на востоке достигала западной части Карского моря. К концу сентября 1941 года в состав БВФ входили 2 эсминца, 1 сетевой и 3 минных заградителя, 4 сторожевых корабля типа БТЩ, 13 сторожевых кораблей и 20 тральщиков (в основном переоборудованные рыболовецкие траулеры), 35 сторожевых катеров, 15 катеров-тральщиков, 5 речных тральщиков (РТ). Это были основные эскортные силы конвоев. В состав флотилии входили также 2 ледокола и 7 ледокольных пароходов, 5 санитарных транспортов, 3 плавбазы и 2 спасательных судна.

БВФ была передана авиагруппа разведки, барражировавшая и над Карским морем. Авиация Северного флота насчитывала 116 самолётов, преимущественно устаревших типов, а аэродромная сеть была чрезвычайно редкой. Большие надежды возлагались на переоборудованные самолёты полярной авиации, но им трудно было вести разведку и часто приходилось вступать в бой, не имея соответствующего оружия.

В состав конвоев приходилось включать корабли (военные) и суда (гражданские) с различными водоизмещением, скоростью,

маневренными качествами, что осложняло охранение. Большинство были плохо вооружены, тихоходны, с истощённым моторесурсом; это снижало оборачиваемость транспортов и боевых кораблей. Как показали дальнейшие события, сил было явно недостаточно для полноценной обороны акватории.

Отрицательно на эффективности конвойных операций сказывалось отсутствие должного взаимодействия между командованием Северного флота и начальником Главного управления СМП при СНК СССР, уполномоченным ГКО по перевозкам на Севере Иваном Папаниным, который настаивал на оперативном подчинении ему всех военных кораблей и гражданских судов в Карском море. В результате это море так и не было объявлено районом боевых действий.

Между тем ситуация восточнее оперативной зоны БВФ была ещё сложнее: база на Диксоне состояла из нескольких переоборудованных ледоколов, транспортных судов. Противопоставить их нападениям гитлеровцев было очень сложно, так как они, как и полярные станции, почти не имели вооружения.

Между тем у противника были разработаны стратегические планы: ещё в сентябре 1941 года нацистское руководство продолжало планировать операции по блокированию путей сообщения СССР с Англией и Америкой захватом Мурманска, а импорт из США через Владивосток — путём давления на Японию; в январе 1942 года, подписав соглашение, Германия, Италия и Япония разделили свои интересы — ни много ни мало — по меридиану Омска.

Армейская группа военно-экономического планирования (WRA) перед подписанием этого соглашения настаивала на другой демаркации: для «сохранения органической целостности» экономических единиц и обеспечения в будущем «лучших восточных границ» для рейха предлагалось провести линию разграничения немецких и японских интересов по течению Енисея. Так что пренебрегать опасностью с северного фланга никто из

советского военного руководства не стал. Были извещены о потенциальной опасности и руководители прибрежных районов, работали и органы НКВД (не стоит очернять всю их разнообразную деятельность).

ТЫЛ СТАЛ ФРОНТОМ

В директиве германского ОКВ от 21 июля 1942 года подчёркивалось, что наступление вермахта нацелено на то, чтобы отрезать Советский Союз «от Кавказа и, следовательно, от основных источников нефти». Это находилось в непосредственной связи с другой фланговой стратегической задачей — «отрезать также северную линию снабжения, соединяющую Советский Союз с англосаксонскими державами».

Таким образом, важнейшим условием быстрого сокрушения СССР нацистского командования считало установление плотной транспортно-экономической блокады СССР по всему периметру его границ, включая районы Крайнего Севера.

И если в навигацию 1941 года арктические конвои не понесли потерь (тогда из Белого моря в Арктику проследовало 43 конвоя со 113 транспортами), то в разгар боёв под Сталинградом гитлеровское руководство как составную часть своего плана военной кампании 1942 года рассматривало вывод из строя Северного морского пути. По признанию Ивана Папанина, многие сотрудники Главного управления СМП не верили, что враг сможет действовать на арктических коммуникациях столь активно и дерзко.

Задача облегчалась для гитлеровского командования тем, что снабжение и вывоз продукции из портов Арктики проходили в сжатые сроки навигации (с июля по октябрь), а объёмы перевозок по трассе Севморпути были значительными. Поэтому срыв навигации в северных морях путём пиратского уничтожения транспортов, кораблей охранения и полярных станций, а в случае необходимости — высадки десантов в стратегических точках

побережья Карского моря (порты, базы, стоянки судов) считался достаточным для блокирования стратегического маршрута.

Выполняя «сверхзадачу», с лета 1942 года Kriegsmarine прорывались в Карское море, совершая пиратские нападения на пассажирские, транспортные и рыболовецкие суда, а гросс-адмиралы Карл Дёниц и Эрих Редер отдали приказ их топить (за что в 1946 году осуждены Нюрнбергским трибуналом). По свидетельству Дёница, на Северном морском театре в 1942–1945 годах действовало в разное время от 9 до 30 субмарин. Печально известна судьба конвоя PQ-17, где лишь 14 судов из 37 спаслись, укрывшись у берегов Новой Земли. Представляли германские крейсеры и субмарины опасность не только для пассажирских и транспортных судов, но и для кораблей Тихоокеанского флота, перебазировавшихся в Баренцево море по трассе, проложенной ледокольным пароходом арктического типа «Александр Сибиряков» (именно на нём Отто Шмидт в 1932 году прошёл без зимовки от Архангельска до Берингова пролива).

В середине августа 1942 года командование Kriegsmarine приняло решение о направлении в Карское море «карманного» линкора «Адмирал Шеер» и крейсера «Адмирал Лютцов», которые под прикрытием «волчьей стаи» — пяти субмарин (U-251, U-255, U-456 и уже действовавших к этому времени в советских северных водах U-209 и U-601) должны были стать главной ударной силой в операции по блокированию трассы Северного морского пути. Разработанная в штабе группы морского командования «Норд» операция получила кодовое наименование Wunderland («Страна чудес»). К проведению операции гитлеровцев подтолкнула полученная от японской разведки информация о проходе через Берингов пролив большой группы советских военных кораблей и торговых судов со стратегическими грузами. Из-за повреждения корпуса «Лютцов» не принял участия в операции, поэтому 16 августа 1942 года из Нарвика в направлении северной оконечности Новой Земли вышел только «Шеер», ставший причиной первого боевого сражения в акватории Ямала.

ГЕРОИЗМ ПОЛЯРНИКОВ

20 августа субмарина U-601, встретившись с линкором в районе мыса Желания (Новая Земля), отправилась на юг для выяснения ледовой обстановки вблизи острова Белого и Диксона. В это время у острова Белого заняла позицию для атак и U-251. Относительно результатов действий линкора в западной историографии отмечаются явные преувеличения: Ф. Руте, например, писал, что «Шеер» «потопил большой русский ледокол и несколько других кораблей». Ледокол «Александр Сибиряков» вряд ли мог быть отнесён к крупным судам, но именно он 25 августа 1942 года в районе острова Белуха вступил в бой с линкором, пиратски закамуфлированным под американский транспорт. Капитан Анатолий Качарава не поверил призыву: «Сообщите состояние льда в проливе Вилькицкого», как и информации о названии корабля — Tuskalusa: хищный силуэт боевых надстроек никак не подходил на абрис союзного транспорта. Капитан линкора В. Меендсен-Болькен понял, что обман разгадан, и приказал команде поднять штандарт со свастики, а советским морякам — сдать, спустив флаг. Ледокол, вооружённый лишь двумя 76-миллиметровыми кормовыми орудиями и двумя 45-миллиметровыми пушками на носу, не был опасен, а вот его офицеры и штабные карты с гидрологической обстановкой представляли стратегический интерес для развёртывающейся операции Wunderland.

Качарава отправил радиогранму на Диксон, а экипажу приказал открыть огонь по крейсеру. Бой был заведомо не на равных: уже после первых залпов тяжёлых орудий на «Сибирякове» вспыхнул пожар, а для предпринятого тарана не доставало хода:

корабль стал тонуть, но на флагштоке вздрагивал израненный осколками военно-морской флаг...

Экипаж «Сибирякова» повторил подвиг легендарного крейсера «Варяг». По морским правилам, если флаг не спущен, то судно не считается пленённым. Экипаж ледокола не спустил флаг, а предпочёл открыть кингстоны и погибнуть непобеждённым. Корабли, как и люди, погибают или сдаются в плен. Оставшиеся в живых члены экипажа и пассажиры перебрались на шлюпки. Именно там боцман «Сибирякова» Павловский снял с тяжело раненного Качаравы китель и объявил: «Документы уничтожены. Капитана с нами нет!» Отказавшихся подняться на борт катера и, соответственно, сдаться в плен, гитлеровцы расстреляли. Пленённых непрерывно допрашивали, но военные секреты никто не выдал.

Не удалось «Шееру» прервать и работу порта Диксон, сковать грузоперевозки, уничтожить полярные станции. Вот что вспомнил живущий ныне в Тюмени ветеран Василий Белоусов:

— Работая радистом на фактории Напалково Тазовского района, стал косвенным свидетелем, когда немецкое военное судно разбомбило радиостанцию и ряд других объектов на острове Диксон. Дело было так: стоял тёплый солнечный день. Я вышел на крыльцо покурить, слушая радиовещание с Диксона. Вдруг в передачах произошёл какой-то сбой, умолк диктор, потом сообщил, что передача прекращается по техническим причинам... Что произошло... узнал гораздо позднее. Радио Диксона я снова услышал, уже работая в Тамбее.

Атака рейдера на порт Диксон получила отпор со стороны береговой батареи 152-миллиметровых орудий и пушек «Дежнёва». Как и «Сибиряков», пароход «Дежнёв» и артиллерийская батарея Николая Корнякова сорвали планы гитлеровцев: «Шеер» убрался из устья Енисея. Возможно линкор, как и гитлеровские субмарины, заходил в русла рек и ручьёв Ямальского и Гыданского



Немецкий тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер»

полуостровов: экипажу была нужна питьевая вода — до ближайших баз Kriegsmarine несколько тысячи миль.

После безуспешной атаки на Диксон рейдер отошёл на Север, двинулся в направлении Земли Франца-Иосифа и уже 30 августа 1942 года достиг Нарвика.

Благодаря стойкости и героизму советских моряков и полярников, операция Wunderland не достигла целей. Ещё до отправки «Шеера» в советские воды, штаб Kriegsmarine планировал следом провести вторую операцию в Карском море, получившую кодовое наименование «Доппельшлаг». Уже 3 сентября 1942 года предполагалось в сопровождении трёх эсминцев отправить туда на срок 2-3 дня крейсера «Адмирал Шеер» и «Адмирал Хиппер», с тем чтобы нанести новые внезапные удары по советскому судоходству. «Шеер» имел задание нападать на торговые суда в районе между архипелагом Норденшельда, островом Диксон, устьем Енисея и заниматься обстрелом побережья. «Хипперу» предписывалось оперировать в устье Оби и в западной части Карского моря. Однако по итогам операции Wunderland, учитывая трудности навигации и разведки во льдах, германское командование отказалось от проведения операции «Доппельшлаг».

Однако прорыв «Шеера» в акваторию Карского моря и действия здесь германских подлодок обнаружили серьёзную уязвимость советских арктических маршрутов. В 1942 году противник ограничился нападением субмарин на полярные станции (Ходовариха, остров Уединения). Но уже 23 июля 1943 года, при осуществлении операции по переводу речных буксирных судов из Печоры в Обскую губу, у пролива Югорский Шар на донной mine подорвался флагманский тральщик Т-58, знаменуя переход противника к тактике массовой минной войны. В Карском море у острова Диксон, а в Обской губе 20 августа 1943 года U-639 выставила 24 мины. По данным Л. Пиллара, на следующий день она была торпедирована северо-восточнее Новой Земли советской субмариной С-101. Это была единственная германская

подлодка, достоверно уничтоженная советской лодкой в 18 бое-
столкновениях между подводными кораблями с одинаковым воо-
ружением.

Германские подлодки продолжали пиратскую охоту: 1943 год
был отмечен гибелью нескольких судов, а активность противни-
ка и минная опасность оставались серьёзной угрозой советскому
арктическому судоходству в Карском море. Несмотря на это, дви-
жение грузов по Севморпути существенно возросло: было пере-
везено 434 000 тонн различных грузов, существенно улучшилось
боевое охранение судов и действия советских подлодок.

ТРАГЕДИЯ В КАРСКОМ МОРЕ

История донесла до наших дней и сохранила в памяти народной немало примеров подлинного героизма моряков-северян, их подвигов и побед. Но мы должны также знать и помнить и трагические эпизоды войны. Один из них — гибель в 1944 году транспортного судна «Марина Раскова» и двух эскортных кораблей из конвоя БД-5 (пятого похода по трассе Белое море — Диксон). Это была самая крупная наша потеря в годы Великой Отечественной войны в Арктике. А произошла она неподалёку от острова Белый; который ныне также относится к муниципальному образованию Ямальский район.

Арктическая навигация в 1944 году началась успешно. Из Белого моря в Карское были благополучно переведены ледоколы. Без потерь прошли под конвоем кораблей Беломорской военной флотилии по трассе Севморпути и первые транспортные суда.

8 августа 1944 года из Северодвинска вышел конвой БД-5 в составе транспортного судна «Марина Раскова» и трёх кораблей эскорта — тральщиков Т-114, Т-116 и Т-118. Судну предстояло доставить груз и пассажиров на остров Диксон и в другие арктические порты. В трюмах транспорта находилось более шести тысяч тонн генерального груза: продовольствие, оборудование для арктическихстроек, техническое имущество. В каютах и твиндеке разместились более трёхсот пятидесяти пассажиров, направлявшихся на полярные станции для смены зимовщиков и на Нордвикстрой. Многие полярники и строители собрались в Арктику семьями, и потому среди пассажиров находилось сто шестнадцать женщин и более двадцати детей.

Команда «Марины Расковой» состояла из пятидесяти одного человека. А командовал судном капитан Северного морского пароходства В. А. Демидов.

Эскортные корабли обладали хорошими по тому времени гидроакустическими средствами обнаружения и противолодочным вооружением. Возглавлял конвой командир бригады траления капитан I ранга А. З. Шмелёв, уже немолодой моряк, служивший на Северном флоте с самого начала войны.

К исходу суток 10 августа «Марина Раскова», сопровождаемая тральщиками, подошла к западному входу в пролив Югорский Шар. Войдя в Карское море, конвой БД-5 направился на северо-восток, в обход острова Белый. Ещё в ночь на 11 августа радисты на эскортных кораблях приняли радиограмму об обнаружении в бухте Полынья вражеской подводной лодки. К полудню 12 августа поступило новое оповещение о немецкой субмарине. Учтя это, капитан Шмелёв решил держаться ближе к острову Белый, где небольшие глубины затрудняли действия подводных лодок. Вечером того же дня, когда БД-5 находился в шестидесяти милях от западного побережья острова Белый, глухой подводный взрыв неожиданно потряс «Марину Раскову». Судно остановилось, немного накренившись на правый борт, а его верхняя палуба быстро заполнилась перепуганными людьми...

Флагманский тральщик находился в двух кабельтовых от «Марины Расковой», и в этот момент прогремел подводный взрыв уже у его кормы. Как и первый удар, он тоже был похож на взрыв неконтактной мины, а вражеской подлодки при этом запеленговать никто не сумел. Повреждения были серьёзными: пробило корпус, вышла из строя машина. В темноте, заливаемые потоками ледяной воды, моряки пытались исправить повреждения, спасти корабль, но уже через пятнадцать минут он начал погружаться в море.

Чтобы спастись, использовали уцелевшие плавательные средства, на надувной понтон перенесли раненых. Тем временем тральщик Т-114 приблизился к «Марине Расковой». На судно

эскорта в первую очередь перевозили женщин и детей. Одновременно помогали морякам с уже ушедшего под воду флагманского тральщика. К полуночи только на Т-114 было перевезено сто сорок четыре человека. И теперь на этом небольшом корабле, помимо экипажа, находилось свыше двухсот эвакуированных с транспортного судна и спасённых с тральщика Т-118. Моряки на тральщике Т-116 вновь слышали мощный взрыв и увидели, как на месте ещё секунду назад стоявшего вдалеке Т-114 взметнулся высокий столб воды. Когда он опал, на поверхности моря виднелись лишь нос и рубка, оторванная корма затонула мгновенно. Через четыре минуты остатки корабля тоже скрылись под водой.

К месту гибели судна поспешил катер с единственного из оставшихся тральщиков, но удалось спасти лишь двадцать шесть человек. Тем временем капитан Т-116 приказал не дожидаться возвращения спасённых, а уходить на базу. Делал он это для того, чтобы обезопасить свой корабль от новых нападений подводного врага.

После ухода тральщика Т-116 неподалёку от полузатонувшей «Марины Расковой» на трёх вельботах¹, кунгасе и нескольких шлюпках остались сто двадцать три человека. Волнение моря усиливалось, среди волн судёнышки быстро потеряли друг друга из вида. Катер тральщика Т-114, наполненный людьми, направился на восток — к острову Белый. На третьи сутки в густом тумане маленькое судно неожиданно коснулось дна. По мелководью моряки вышли на небольшой песчаный островок, в центре которого стоял деревянный навигационный знак. Выяснилось, что катер подошёл к северо-западной оконечности полуострова Ямал. От острова Белый его отделял пролив Малыгина. Местность была безлюдной. Надеясь на встречу с ненцами, иногда

¹ Вельбот — быстроходная четырех- или восьмивесельная мореходная шлюпка с острыми носом и кормой. Кунгас — гребная или парусная лодка. — *Здесь и далее примеч. авт.*



Пассажирский теплоход «Марина Раскова»

ведущими промысел в этих местах, десять человек отправились на берег. Восемнадцать остались на катере. Через несколько часов томительного ожидания над ним появился гидросамолёт...

Трагичной оказалась судьба людей, попавших на кунгас. В большинстве это были пассажиры с транспорта, никогда не бывавшие в море. Многие страдали от качки и тяжёлой простуды. Потом люди стали умирать. Изначально на нём было восемьдесят пять человек. К концу шестых суток дрейфа число умерших достигло двадцати пяти человек. Число умирающих увеличивалось с каждым днём. Оставшиеся в живых уже не имели сил опускать трупы в море и вычерпывать воду. В таком положении и нашёл их экипаж одного из гидросамолётов.

Известие о разыгравшейся трагедии подняло среди ночи командование флота и штаб морских операций Главсевморпути, направивших в район гибели корабли и самолёты, но нелётная погода и туман смешали планы. Лишь 15 августа туда вернулся тральщик Т-116, но никого не нашёл, а 17 августа удалось обнаружить лодку с 18 людьми, которых быстро эвакуировали. Замеченным в море другим шлюпкам были сброшены с самолёта продукты и тёплая одежда.

* * *

25 августа правительство Финляндии, поняв бесперспективность ситуации и признав непобедимость советского народа, объявило о начале переговоров по перемирию, спустя десять дней выйдя из войны. Фашистам лапландскую группировку пришлось спешно эвакуировать (ныне в Лапландии базируется только Санта-Клаус), а в Норвегии — сворачивать форпосты: Kriegsmarine ушли из северных широт.

Всего же за четыре навигации по трассе Северного морского пути из Тихого океана в Баренцево море было проведено

199 советских и иностранных транспортов с военными грузами. В арктические порты было перевезено в общей сложности 7 953 000 тонн грузов и 14 369 пассажиров.

Лишь 5 июня 1945 года в советском секторе Арктики была отменена система конвоев; началось возвращение пароходствам и ведомствам судов, мобилизованных в состав Северного флота. В арктических водах велось разминирование, хотя ещё несколько месяцев после окончания войны плавание гражданских судов в Карском море и Обской губе были разрешены только по установленным фарватерам.

В целом же опыт, извлечённый из военных событий на морских коммуникациях западного сектора Арктики, имел важные последствия для дальнейшего развития Ямало-Ненецкого округа. С конца 1949 года значение округа уже осмысливается не только в экономических, но и в геостратегических категориях — с ясным осознанием того, что север Ямала имеет «стратегическое значение как часть северной границы нашей страны». Война показала стратегическую уязвимость арктического побережья России, трудность его защиты при недостаточном развитии здесь транспортной и военной инфраструктуры. В условиях начинавшейся холодной войны это стало одной из сильнейших мотиваций для разработки проектов создания военно-морского порта в Обской губе (в районе мыса Каменный) и прокладки полярной железной дороги.

В память о гибели каравана и конвоя БД-5 22 июня 2009 года, по инициативе краеведов, в Салехарде на площади Победы у Вечного огня установлена мемориальная доска, а в октябре того же года на острове Белый поставлен знак в память о том трагическом событии, объявлена Всероссийская акция «Карская экспедиция», в рамках которой уже выявлено более ста фамилий пассажиров торпедированного немецкой субмариной транспорта «Марина Раскова». Живы и некоторые из спасённых.

НА САМОЛЁТЕ ПО ВОЛНАМ

Сегодня мало кто знает и помнит, как война прокатилась по волнам Карского моря и обожгла правым крылом север Тюменской области — Ямал. И спустя десятилетия вскрываются новые детали, а за ними — подлинно трагическая и одновременно героическая история, участников которой уже нет с нами.

Наступившая сразу же после описанной трагедии нелётная погода исключала всякую возможность проведения до 14 августа поисков разбросанных по морю шлюпок и кунгасов.

Пятнадцатого августа к месту гибели парохода «Марина Раскова» вылетел с острова Диксон лётчик Станислав Сокол. Кроме него в поисках принял участие и тральщик Т-116. Несмотря на все старания, обнаружить ничего не удалось.

Только 17 августа лётчик Е. Евдокимов обнаружил одну из шлюпок с парохода «Марина Раскова», в которой находилось 18 человек, и в том числе командир Т-114 Панасюк. Все спасённые были доставлены в губу Белужью.

Утром 18 августа, когда Евдокимов уже собирался возвращаться на берег, он наткнулся на вельбот. Издали показалось — пустой. Прошли над ним — люди! Живые!

Сели, подтащили вельбот. То, что лётчики в нём увидели, было ужасно. Двадцать пять человек, измождённых за неделю скитаний без пищи и воды, с опухшими, раздутыми ногами, руки окровавлены. «Пить! Пить!» — просили они. Был морс — всем дали по кружке. Приняв всех с вельбота на борт самолёта, их благополучно доставили на Диксон, где медики оказали им первую помощь.

19 августа лётчик Станислав Сокол спас ещё 11 человек.

На следующий день оба лётчика снова вылетели на поиски. Станислав Сокол сумел найти кунгас с тридцатью семью людьми. Лётчик, несмотря на сильный ветер и высокие крутые волны, посадил самолёт, но попытки подойти к кунгасу самолётом не увенчались успехом.

Последнюю группу живых (сидевших в кунгасе на трупах друзей и родных) отыскал 23 августа лётчик полярной авиации Матвей Козлов.

Была направлена телеграмма: «Кунгас найден. Остались живые люди. Направляйте судно. Козлов». Судов в этом районе не было, и поэтому начальник штаба морских операций западного района Арктики попросил Козлова барражировать над кунгасом, чтобы не терять его из виду, и навести на кунгас спасательный корабль.

Они и так уже кружили восемь часов. Восемь ужасных часов. Внизу, в бушующем море волны швыряли маленькое судёнышко, погибали люди. Вначале лётчики пытались сосчитать, сколько же осталось в живых, и не смогли: живые сидели среди мёртвых.

Уйти от этого ужасного зрелища, набрать высоту или делать большие круги было нельзя. Туман прижимал их к штормовому морю: чуть в сторону — потеряют из вида кунгас. Найдут ли его на следующем заходе?

— Ну, держитесь, держитесь, ребята! — повторял уже несколько минут Матвей Ильич, словно там внизу, в кунгасе, могли услышать его слова. — Мы ведь вас нашли.

Матвей Ильич поймал себя на мысли, что этим он хочет уговорить себя.

Две стихии — море и небо — ещё с тех пор, с Севастополя, сошлись в его жизни. Всю жизнь он пролетал над морем, над Ледовитым океаном, — в море садился, с моря взлетал.

И сейчас под ним — Карское море. И перед этим хаосом тяжёлых волн он чувствовал свою беспомощность. Матвей Ильич сначала считал, что главное они сделали — нашли людей с конвоя БД-5.

Нашли уже тогда, когда никто не надеялся, — через одиннадцать дней, в шторм, в туман. Теперь оставалось только ждать судна и точно навести его на кунгас. Каждые полчаса радист давал пеленг. Их самолёт — теперь и маяк, без него судно не отыщет кунгас с людьми.

— Матвей Ильич, — сказал радист, — сейчас был на связи Диксон.

— Ну что? — ожил Козлов. — Когда хоть они придут?

— Говорят, судно вернулось. В такой шторм они идти не могут.

— Ясно...

Девять долгих часов кружил самолёт над кунгасом. От Козлова поступила телеграмма примерно такого содержания: «Вынужден заканчивать барражирование над кунгасом. Запас горючего иссякает. Если отойду от кунгаса, он будет потерян. Люди погибнут. Жду ваших указаний. Козлов».

Покорёвавшись с минуту, начальник ответил: «Действуйте по своему усмотрению». От Козлова вскоре пришёл ответ. Видимо, он заранее был продуман. «Иду на посадку. Постараюсь принять людей. Шторм, взлететь не смогу. Буду двигаться по воде к острову Белому».

Он знал: посадка в данных условиях — это самоубийство. Но бросить людей — убийство. И его экипаж прекрасно знал, что он скажет:

— Будем готовиться к посадке.

— Ясно, — ответил экипаж.

Одно его нечёткое движение — и они бы погибли. Это он понимал. Если «Каталину» посадить на подошву волны, то самолёт тут же разобьёт о следующую волну, как о бетонную стену. Сажать надо только на гребень. Но всё вокруг ходуном ходит. Попробуй на гребень попади. Волны высотой в четыре метра.

Он всё же повёл «Каталину» вниз.

Удар. Будто кто-то стукнул кувалдой по днищу. «Каталину» подбросило. Потом ещё и ещё, с каждым разом тише и тише.



Гидросамолёт «Каталина»

Когда «Каталина» закачалась на волне, Матвей Ильич подумал: «Мо-сказать, повезло». Его «мо-сказать» многие помнили.

Сесть-то сели, но волны заливают самолёт. А самое страшное — кунгас куда-то исчез. Вокруг — вода и туман. Волны то взмывают выше самолёта, то валятся вниз. Где же кунгас? Неужели потеряли?.. Наконец они увидели его в этой анархии шторма. Кунгас тяжёлый. На такой волне к нему не подойти. Столкнутся.

Механик Николай Камирный — его бог силой не обидел — метров на двадцать швырнул трос. Попал. На кунгасе поймали, закрепили. И трос тут же натянулся как струна.

Механик вместе со штурманом Леоновым спустили надувную лодку и двинулись к кунгасу, перебирая руками фал. За семь рейсов переправили всех живых. Их оказалось четырнадцать.

Отвязали трос. Кунгас исчез в тумане.

Лётчики совершили, казалось, невозможное: они не только посадили свой самолёт на волны штормового Карского моря, но и перенесли на руках в самолёт людей, в которых ещё оставались признаки жизни. На кунгасе нашли 14 человек живыми и более 25 трупов. Трупы лежали в два ряда на дне кунгаса, наполненного по колено водой. На трупах лежали и сидели оставшиеся в живых, из которых примерно шесть человек были способны с трудом передвигаться самостоятельно.

По заявлению снятых людей и осмотру кунгаса было установлено, что пресной воды, а также каких-либо продуктов на кунгасе не было. Последний кусок сала был съеден за три дня до прихода помощи, а пресную воду по полкружки люди получали из анкера, оставленного лётчиком Станиславом Соколом 19 августа.

Поскольку поднять в воздух всех найденных пассажиров оказалось невозможно, он 60 миль в течение 12 часов рулил на гидро-самолёте до берега, но вывез всех.

Экипаж самолёта пошёл на большой риск, приняв на борт такое количество людей. О взлёте в воздух не приходилось и думать. Риск увеличивался ещё и тем, что на самолёт сообщили

о появившейся в этом районе немецкой подводной лодке. Учтя всё это, Козлов принял беспрецедентное решение: рулить к ближайшему берегу — к острову Белый, до которого было миль шестьдесят.

Стойки поплавков уходили под воду. В кабине всё намокло. От сырости обуглились электроды. Моторы начали чихать. Но выключать их было нельзя — волны развернут самолёт лагом к волне и затопят.

Всех в самолёте уже мутит от качки. Хорошо, что Матвей Ильич не видел страданий тех, кто сейчас в салоне. Их уже тринадцать. Один не вынес всех потрясений. Тринадцать...

В начале следующих суток показался маяк острова Белый, а затем гидросамолёт вошёл в пролив. Тем временем направленный командованием тральщик Т-60 приблизился к самолёту и принял на борт всех 13 человек. Козлов же благополучно перелетел на Диксон: 33 часа напряжённейшего труда!

Всего было спасено 256 человек из 618, находившихся в караване: холодные воды Ледовитого океана и фашистские стервятники сняли свой «урожай», а сама трагедия у острова Белый наглядно показала, насколько трудно было противопоставить внезапным нападениям врага эффективную оборону даже на заключительном этапе войны, а транспорту — надёжную противолодочную защиту.

Совершив успешную атаку на конвой БД-5, фашистские подлодки активизировали свои действия: в штаб флотилии стали поступать сведения об обнаружении их в различных районах Карского моря. Однако все попытки противника нарушить судоходство по Северному морскому пути оканчивались провалом. Всего в 1944 году на внутренних коммуникациях в Баренцевом, Белом и Карском морях североморцы провели свыше четырёхсот конвоев. После гибели «Марины Расковой» противнику не удалось потопить в Карском море ни одного транспортного судна.

РОГАТЫЕ БОЙЦЫ

Олень – штатная боевая единица

Основные положения использования северных оленей в действующих войсках были разработаны ещё в 1939 году. По разумению инициаторов, армейская оленья дивизия должна была состоять из тысячи оленей, пятидесяти собак, двухсот грузовых и семидесяти легковых нарт. Перед оленьим транспортом ставилась задача доставлять в медсанчасть с поля боя раненых. Правда, организовать и опробовать всё задуманное не успели. Пришлось спешно собирать оленьи подразделения, когда уже шли бои. Обнаружив, что положенного количества животных в Мурманской области не хватает, 20 ноября 1941 года Государственный Комитет обороны постановил: «...Призвать из народного хозяйства Архангельской области, Коми АССР, Ямало-Ненецкого национального округа: каюров – 1400 человек, оленей – 10 000 голов, нарт – 500 штук. Направить их в распоряжение Архангельского областного военкомата со сроком прибытия не позднее 1 января 1942 года. Обеспечить продовольствием и фуражом на путь следования. Каюров направить в исправной одежде и обуви». Но, несмотря на то что подобные приказы в суровое военное время выполнялись неукоснительно, этот, по объективным причинам, не был исполнен в срок...

Падёж – вредительство!

Колхозы и совхозы Ямала выделили по разнарядке около пяти тысяч ездовых оленей. Из них сформировали четыре эшелона, в каждом из которых было более тысячи животных, три чума, грузовые и легковые нарты в сопровождении 20 оленеводов и около 60 мобилизованных. Но гладко всё лишь на бумаге.

Ноябрь и декабрь — самое суровое время в тундре. В Москве было решено — гнать оленей «попасом», то есть своим ходом, не отрывая от кормления. Но если первому эшелону ягеля хватало и он двигался с заданной скоростью, то оленям второй, а тем более следующих команд, шедшим след в след, приходилось подбирать жалкие остатки. Корма катастрофически не хватало, животные быстро тошали. Командированные комиссары грозили военным трибуналом за каждое потерянное животное — «вредительство!». Поэтому каюры, голодая сами, не смели пустить на мясо ослабевших оленей, а укладывали их в нарты, и без того перегруженные, и везли дальше для отчета...

Надо знать, с какой нежностью аборигены тундры относятся к рогатым кормильцам! На свой страх и риск, не обращая внимания на окрики комиссаров, ненцы вторых эшелонов стали сворачивать в сторону от проторённого пути: искали и находили богатые ягелем участки тундры. Это спасало животных, но задерживало движение.

На станции Рокатиха (Коми), конечном пути следования, ямальские олени эшелоны по дороге смешались с бригадами Ненецкого национального округа. Дальнейший путь к фронту огромной армии ветвисторогих новобранцев и их пастухов предстояло преодолеть в теплушках по железной дороге.

Олени сено не едят

Ветеран Великой Отечественной Алексей Леонидович Ледков, мобилизованный в лыжный полк из Надыма, вспоминал: «На Мурманск в товарных вагонах направили. Олени у нас ослабли совсем, шатаются. Командиры придумали — надевать торбы с сеном оленям на головы: ешь, мол, не хочу. А они сено не едят! Когда из вагонов выгружались, четвёртая часть погибла уже... Нас всех разбросали: кого в лыжные батальоны, кого при оленях оставили. К боям приказали готовиться. Нарты, хореи, оленей маскировали: всё белой тканью зашивали, белой краской красили. Сначала дальнобойные снаряды к батареям возили. А в майские праздники нас первый раз серьёзно разбомбили. Много оленей и людей погибло...»

Медаль «За отвагу»

Медаль «За отвагу» Ледков заслужил красиво! Ему велено было промчатся на своей упряжке перед опорным пунктом врага, чтобы, вызвав огонь на себя, обнаружить его огневые точки. Ледков разогнал оленей и, привстав на нартах, с гортанным криком, как и положено, пролетел перед изумлёнными немцами так, что «сзади только пурга пошла». Опомнились фашисты, заговорили пулемёты, но с опозданием, уже вслед...

Только факты

С 1941 по 1944 годы, за время боевых действий в Заполярье, с помощью оленьих эшелонов было доставлено к местам боёв 17087 тонн боеприпасов, продовольствия и других грузов. Перевезено 7983 военнослужащих по оперативным и боевым заданиям. Вытащено с мест вынужденных посадок 112 самолётов. Эвакуировано с поля боя 10 142 раненых.

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

ОШИБКА ШТУРМАНА

В декабре 1825 года штурман 12-го класса Иван Никифорович Иванов «высочайшей волей» назначен начальником Восточного отряда Печорской экспедиции, снаряжённой Государственным адмиралтейским департаментом. В задачу новых исследований входило гидрографическое описание берега Карского моря и Обской губы.

В июле — сентябре 1827 года И. Н. Иванов обследовал западное побережье Ямала с устьями рек. Примечательный факт: в конце сентября этого же года он достиг северной оконечности Ямала, где обнаружил поставленный в 1737 году с Малыгиным и А. Скуратовым специальный знак в виде небольшого земляного холма, резко выделяющегося на плоской равнине тундры. «Турман-юмба» — так называли его ненцы.

Оценивая результаты экспедиции, знаменитый полярный мореплаватель, первооткрыватель Антарктиды адмирал Иван Крузенштерн, с восхищением сообщая императору о составленных картах, добавлял, что имя штурмана И. Н. Иванова «навсегда останется памятно».

В честь самого Иванова северо-восточный мыс острова Белый был назван его именем. Известно, что закончил полярный мореплаватель службу в чине полковника корпуса флотских штурманов.

Благодаря стараниям Иванова, который перевёл с ненецкого и объяснил многие географические названия, а также открыл большое количество новых мест, гидрографический департамент издал карту «Собранные штурманом Ивановым материалы по гидрографии северных берегов России».

Мыс Каменный... Восточное побережье полуострова Ямал. Каменный, но вы не найдёте на мысу ни единого камешка. Коренные жители Ямала, ненцы, называют этот мыс Пай-Сале — «Кривой мыс», за его характерную форму. Слова «пэ» — «камень» и «пай» — «кривой» звучат довольно близко друг к другу. Штурман Иван Никифорович не расслышал аборигена Ямала и написал в своём дневнике в 1828 году: «Пэ-Сале — Каменный мыс». Эта роковая ошибка начала XIX века и привела к трагическим событиям века XX.

ПОСПЕШНОСТЬ И. В. СТАЛИНА

В 1944 году учёные экономического отделения Арктического научно-исследовательского института составили доклад «Перспективы деятельности Главсевморпути в 1944 году». В нём особо подчеркивалась необходимость скорейшего создания в одном из районов полярного побережья Сибири крупной промежуточной базы морских коммуникаций (порта), опирающейся на сеть действующих железнодорожных сообщений. Другим немаловажным мотивом начала строительства были пиратские рейды фашистского линкора «Адмирал Шеер» и подводного флота фашистской Германии в Карском море и в районе Обской губы в 1942–1944 годах, показавшие незащищённость арктического побережья Сибири.

4 февраля 1947 года Совет Министров СССР принял постановление «О производстве проектно-изыскательских работ по выбору для строительства порта, судоремонтного завода в районах Обской губы и железной дороги от Северо-Печорской магистрали до порта». Изыскательские работы по железной дороге предписано было начать немедленно и проводить за счёт МВД, порта — за счёт Главсевморпути (ГСМП). Окончить их было намечено к 1 августа 1947 года.

17 февраля 1947 года была организована Северная проектно-изыскательская экспедиция, а первая группа изыскателей вылетела специальным авиарейсом в район мыса Каменного уже через трое суток после принятия решения о производстве проектно-изыскательских работ. В таком же срочном порядке формировались и отправлялись туда отряды изыскателей и проектировщиков.

В марте, создав опорные базы в Воркуте, Салехарде и Новом Порту, приступили к полевым работам, которые предстояло провести в наименее исследованных районах Заполярья.

Совет Министров СССР 22 апреля 1947 года принял постановление, в котором обязал МВД немедленно приступить к строительству крупного морского порта на мысе Каменный, судоремонтного завода и жилого посёлка, а также начать строительство железной дороги от Печорской магистрали к порту.

Идея строительства принадлежит самому Сталину: «Надо браться за Север, с Севера Сибирь ничем не прикрыта, а политическая ситуация очень опасная». Строительство было поручено вести Главному управлению лагерного железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), входившему в систему ГУЛАГа. Основной рабочей силой были заключённые и ссыльные. Вольнонаёмные составляли незначительное число и занимали в основном руководящие должности.

Строители двигались навстречу друг другу: с севера на юг и с юга на север. Коротким заполярным летом лихтеры и пароходы тянулись вниз по Обской губе к будущим станциям Новый Порт и Мыс Каменный, забрасывая вперёд людей, уголь, продовольствие, лесоматериалы, паровозы, горючее для двигателей, инструменты и оборудование впрок для будущего строительства. На левом берегу Обской губы строились землянки под учреждения и квартиры начальников, холодные приземистые бараки для заключённых, шла разгрузка стройматериалов.

За 1947–1949 годы в районе будущего порта заключённые соорудили из лиственницы пятикилометровый пирс, складские помещения. Островным порядком шло освоение трассы в районе станции Песчаный мыс на 426-м километре (посёлок Яр-Сале).

К концу 1947 года выяснилось, что для возведения порта потребуется огромное количество строительных материалов, отсутствовавших поблизости. Гидрографические исследования акватории будущего порта и подходов к нему со стороны Карского

моря показали, что потребуются большие работы по углублению дна, которые не обеспечат всё же глубин, достаточных для крупных океанских кораблей. Первый лихтер, прибывший к мысу Каменному с открытием навигации в 1947 году, из-за мелководья не смог подойти к берегу ближе чем на два-три километра. И всё же к концу июля на мысе возник первый строительный городок и развернулась подготовка к приёму следующих эшелонов строительных подразделений и техники.

Строителям не суждено было дотянуть трассу к мысу Каменному. В 1948 году проектно-изыскательская экспедиция обнаружила роковую ошибку в кремлёвском проекте. Выяснилось неприятное для сталинского руководства обстоятельство, что район мыса Каменного непригоден для расположения крупного морского порта: глубина этой части Обской губы не превышает пяти метров, а возле берегов — полутора метров. После этого запоздалого «открытия» строителям оставалось либо углублять до десяти метров дно огромных пространств Обской губы, либо прекратить строительство дороги к мысу Каменному. 29 января 1949 года Совет Министров СССР, не считаясь с уже произведенными затратами по строительству почти половины трассы, постановил прекратить работы. До эксплуатации к этому моменту оказался доведён лишь короткий участок Чум — Лабытнанги, который соединял железнодорожную сеть европейской части страны с устьем реки Обь.

Несмотря на эту чудовищную хозяйственную ошибку, обошедшуюся в копеечку народному хозяйству страны, Политбюро не отказалось от своей затеи сооружения гигантского порта в северных морях. Тем же январским постановлением местоположение порта перенесли в ещё более далёкие восточные края — в низовья реки Енисей. Новую железную дорогу приказано было тянуть теперь вдоль полярного круга на восток, 1300 километров по просторам Западно-Сибирской низменности от города Салехард, стоящего на правом берегу Оби напротив посёлка Лабытнанги,

к посёлку Ермаково, стоящему на левом берегу реки Енисей, и затем к городу Игарка на правом его берегу.

Морской порт на мысе Каменном не построили и железную дорогу к нему не подвели. Десятки миллионов рублей, отнятых у народа, брошены на ветер. Загублены десятки тысяч жизней строителей — заключённых, рабов Страны Советов.

Кто виноват в просчётах «стройки века»? Вождь? Что вы! А кто? И вспомнили И. Н. Иванова. Это он подвёл И. В. Сталина! Перепутал Пай-Сале — «Кривой мыс», с Пэ-Сале — «Каменный мыс». На него и списали все издержки.

На восточном побережье полуострова Ямал И. Н. Иванов обследовал и описал песчаную косу, уходящую в Обскую губу. В своём дневнике в 1828 году он дал ей название Каменный мыс. Почему песчаной косе выпала честь назваться каменной? Ни у кого и никогда не возникло бы желания выяснять причину столь необычного названия, не свойственного местности, если бы не диктаторская поспешность товарища Сталина.

МЫС КАМЕННЫЙ

Лет через двадцать после сталинской стройки порта на мысе Каменном я, в числе немногочисленных жителей посёлка, встречал прибывших на теплоходе «Калашников» пассажиров. Как и по всему маршруту, кроме Салехарда, «Калашников» не может подойти к причалу. Остановился на рейде, километрах в двух-трёх от берега. По реке гуляла довольно высокая волна. Шлюпка с пассажирами не могла оторваться от борта теплохода, её било о причальный брус, под которым она оказалась.

Команда корабля встревоженно глядела на попытки матросов оттолкнуться от борта, но ничем не могла помочь. Матросы налегли на вёсла, продвинулись на несколько метров, но следующая волна вновь швырнула шлюпку к кораблю. И так повторялось несколько раз, пока, наконец, старпому не удалось завести двигатель шлюпки.

Старпом, с ним два матроса, две женщины и мальчик. Одна возвращается из отпуска, проведённого где-то на юге. Она держится спокойно, уверенно, не ойкает, не зажимивает глаза, видя очередную волну, летящую навстречу. Вторая — маленькая испуганная девушка. Она окончила в Салехарде зооветеринарный техникум и теперь едет зоотехником к ямальским оленеводам. Лицо девчонки побледнело, но губы застыли в улыбке. Она то и дело поправляет пробковый пояс, точно желая убедиться, здесь ли он...

До берега не дотянули метров двести — мелко. Под килем — скрипит песок. Но на берегу уже знают, как принять пассажиров. Завели гусеничный трактор, подцепили к нему плоскодонный

катерок и двинулись навстречу. Трактор, попыхивая синим дымком, вполз в воду, так что волны захлёстывали его почти до половины. Трактору это не нравилось, он чихал, фыркал, потом, рассердившись, вдруг развернулся и отправился к берегу, оставив катерок на произвол судьбы. Катерок запрыгал, зарыскал по волнам, несколько раз «кашлянул» — и замолк. Его стало относить к берегу.

— Н-да, положеньице, — сквозь зубы протянул старпом, с трудом удерживая шлюпку, чтобы она не села на мель и не отнесло её в море. — Придётся купаться, парни.

Оба матроса, будто только и ждали этих слов, тотчас спрыгнули в воду, дружно ухнули от обжигающего холода, взяли на плечи женщин и зашагали по груди в воде к берегу. Волны набегали сзади, окатывая с головой и носильщиков, и их живой груз. Затем парни вернулись: один принёс на берег вещи, другой — мальчика.

Только поглядеть на ребят — и то сразу мурашки идут по коже, словно сам побывал в ледяной воде. У них зуб на зуб не попадал, лица посинели. А предстояло ещё не менее тридцати минут идти к теплоходу, поднимать шлюпку на тали. И это при пронизывающем ветре!

Понятно, что нельзя было обойтись без «добровольно-принудительного» купания. Ведь не входит же в обязанности матросов переносить на собственных плечах пассажиров и грузы по воде. Но мы должны учитывать специфику Севера. Пассажирское движение здесь не очень оживлённое, порты пока не оборудованы как следует, Обская губа мелкая. И нам таким же манером придётся высаживаться, если на берегу катер забарахлит, как сейчас.

Что — женщин! И здоровенных ребят-геофизиков, и закалённых полярников приходится матросам носить на берег. «Мы-то, — говорят матросы, — на теплоходе, в тепле. Обогреемся, положенную после купания порцию спирта хватим — и порядок. А пассажиру как мокрым ещё до дому добираться? Здесь не среднерусская

полоса, где на каждом шагу деревня — заходи, обогрейся. Здесь — тундра, этим всё сказано...»

И здесь, на этом мелководье, «вождь народов» собирался разместить базу подводного флота.

Одним словом: «Не зная броду, не суйся в воду».

ВНУК АДМИРАЛА В ЛЕДОВОМ ПЛЕНУ

Исторический рассказ о трёх поколениях
мореходов Крузенштернов

Аборигены Ямальской тундры в течение полутора веков передавали из уст в уста легенду о спасении оленеводом Сейчем Сэротэтто команды моряков с корабля, погибшего во льдах Байдарацкой губы Карского моря.

Сенсацией стало обнаружение потомками Сейча документов, подтверждающих достоверность тех давних событий. Владимир Тангович Сэротэтто (1960 г. р.) передал в Ямальский районный музей шкатулку с документами капитана шхуны¹ «Ермак» — начальника экспедиции Павла Павловича Крузенштерна (1834—1871) — и фотографии царственных особ.

Высказывались различные версии гибели шхуны и появления шкатулки в чуме рядового оленевода-кочевника. Как его наследники смогли хранить тайну сто пятьдесят лет, в то время как в России происходили одна за другой смены государственных формаций? В недоумение привели и появившиеся в чуме фотографии императора Александра II и его супруги Марии Александровны, датированные 1874 годом.

Чтобы понять, каким образом Павел Павлович Крузенштерн — внук знаменитого мореплавателя Ивана Фёдоровича Крузенштерна (1770—1846) — попал на Ямал, следует начать рассказ с истоков событий, предшествующих гибели шхуны «Ермак».

¹ Шхуна — парусное судно, имеющее от двух до семи мачт с косыми парусами.



*Командир морской экспедиции капитан-лейтенант Павел Павлович Крузенштерн
(1834-1871) – внук Ивана Фёдоровича, старший сын Павла Ивановича*

Море Ледяное

1 августа 1862 года шхуна «Ермак» покинула деревню Кую на Печоре, где она семь лет находилась на отстое. На следующий день моряки увидели Северный Ледовитый океан. Их путь лежал на северо-восток, к проливу Югорский Шар и дальше в Карское море, в которое на протяжении последних тридцати лет не проходило ни одно судно.

Когда экспедиция находилась около Болванского Носа, наплыл густой туман. С большими трудностями в течение трёх дней шхуна, искусно управляемая Крузенштерном-внуком, пробиралась между мелями. Затем разыгралась непогода. Ветер усилился. «Ермак» укрылся за Чёрной Лопаткой, ожидая, когда стихнет буря. Дождь лил как из ведра. Раскаты грома сотрясали воздух. Зловеще сверкали молнии. Штормовой ветер на тысячи голосов завывал в снастях шхуны. «Волнение было столь велико, что подавало почти до марсов», — вспоминал об этих днях Крузенштерн.

К утру 10 августа буря унялась, и «Ермак», пользуясь ровным ветром, покинул укрытие. В тот же день впервые встретился мелкобитый разреженный лед. Вечером «Ермак» выбрался на чистую воду и отдал якорь у острова Варандей. Здесь экспедиция в ожидании благоприятного ветра простояла три дня.

14 августа в три часа дня экспедиция достигла Югорского Шара. В проливе, в особенности под берегом, густой массой держался лёд. Крузенштерн спешил. Ему хотелось до наступления ночи выйти в Карское море. Часто измеряли глубину. Лот, снабжённый храпами, не только удачно добывал грунт, но нередко приносил с морского дна ракушки, крестообразных и звездообразных моллюсков, которых Крузенштерн собирал и хранил в банках со спиртом.

В семь часов открылось Карское море. Насколько мог видеть глаз, оно было заполнено ледяными полями, среди которых возвышались подобные горам торосы. Крузенштерн приказал подойти

к берегу Вайгача и отдать якорь. Он рассчитывал дожждаться здесь рассвета. Место стоянки казалось капитану удачным. Оно было защищено от ветра, и незаметно было сильных течений. Однако спокойствие оказалось непродолжительным. «Вода стала прибывать, — писал Крузенштерн, — и сделалось весьма сильное течение из океана в Карское море; оно доходило до четырёх узлов. Лёд начал валить огромными массами через Югорский Шар. Мыс, на защиту которого мы сначала надеялись, вовсе не отводил льдин, течение огибало этот мыс, а с течением и лёд. От первого же напора этого льда шхуну стало дрейфовать и отнесло на четверть мили, пока, наконец, мы не успели отделаться от льдины. Минут через десять другая льдина подхватила и понесла шхуну».

Командир приказал поднять паруса. Маленький экипаж действовал быстро. Прошло несколько мгновений, и корабль оделся парусами. Выбрали якорь. Но ветер был весьма слабый. Течение несло судно к высоким торосам, что виднелись на востоке в Карском море. Огромная льдина подхватила державшийся за шхуну бот¹ «Эмбрио» и увлекла его за собой. В продолжение нескольких минут в тумане виднелась мачта и затем исчезла. Со шхуны, окружённой льдами, не могли помочь товарищам, попавшим во власть льдов и течений. С трудом Павел Павлович вывел шхуну из потока льда на середину Югорского Шара, где лёд был не так сплочён, как под берегом Вайгача.

До рассвета шхуна оставалась на якоре. Одна за другой налетающие льдины сносили её на восток. Казалось, она не выдержит жестоких ударов. 15 августа судно снялось с якоря и направилось к острову Сокольему, расположенному вблизи материка. Крузенштерн надеялся отыскать удобную и безопасную стоянку. Однако, когда экспедиция была в четырёх километрах от цели, ветер внезапно стих. Паруса безжизненно повисли. Шхуна оказалась во власти льдов, которые течением несло из Баренцева в Карское

¹ Бот — одномачтовое небольшое парусное судно.

море. Надо было принять решение, от которого могла зависеть судьба экспедиции и жизнь людей. Стать на якорь в потоке несущихся с большой скоростью льдин — или вместе со льдом и течением пуститься на восток? В том и другом случае судно и люди на нём подвергались серьёзному испытанию. Лёд мог или повредить шхуну, или раздавить её совсем.

В то время как командир предавался грустным размышлениям, вахтенные заметили в море парус исчезнувшего бота. Маленькое судёнышко пробиралось к Югорскому Шару. Крузенштерн, пользуясь тем, что ветер немного засвежел, приказал идти навстречу боту. Вскоре суда встретились. Бот в памятную ночь на 15 августа получил большую пробоину выше ватерлинии. Словно скорлупку, его «носило и тёрло всю ночь». И командир бота унтер-офицер Короткий, и четверо его помощников показали себя молодцами.

С фокреи увидели неширокое разводье, которое имело направление на север, затем поворачивало на восток и уклонялось к югу в направлении материка. Крузенштерн рассчитывал этим каналом чистой воды добраться до удобной якорной стоянки, где бы можно было подождать улучшения ледовой обстановки. Но прошло несколько часов — и надежды рухнули: разводье заканчивалось высокой стеной льда. Решили вернуться в Югорский Шар и подняться до Карских Ворот. Но при слабом ветре шхуна едва преодолевала сильное встречное течение из Югорского Шара. Тогда спустили шлюпки и решили буксировать шхуну с их помощью. Но и эта попытка оказалась безрезультатной. Лёд окружил судно. Сплочённость его всё увеличивалась. Вскоре не осталось ни одной полоски чистой воды. Шхуна вместе с большой льдиной дрейфовала к северо-востоку, между тем как бот «Эмбрио», благодаря своим небольшим размерам, сумел продвигаться ближе к материковому берегу.

Наплывший туман рассеялся только утром 16 августа, и то ненадолго. В это время со шхуны заметили на юго-западе, километрах



Шхуна «Ермак» во льдах Карского моря

в пяти, бот «Эмбрио». Но снова появился туман, он держался два дня при полном штиле.

Когда прояснило, то моряки «Ермака», к немалому своему огорчению, обнаружили, что разлучились со своими товарищами на боте, у которых имелся всего лишь двухмесячный запас продовольствия.

Крузенштерн ещё не хотел признавать, что его судно попало в ледовый плен. Он приказал поставить все паруса, надеясь, что шхуна носом раздвинет льдины и пробьётся к чистой воде, Павел Павлович в этот день записал горькие строки в своём дневнике: «Наши усилия были бесплодными, не подвинули шхуны ни на один шаг, и я опять прикрепился к тому же месту».

«Ермак» продолжал дрейфовать вместе со льдами. На юге и юго-востоке виднелась береговая линия материка. Крузенштерн и его спутники были спокойны, занимались корабельными работами, промеряли глубины, брали пробы грунта с морского дна, определяли местоположение корабля.

21 августа начались подвижки льда. «Некоторое время я думал, — писал Крузенштерн, — что нас раздавит совершенно, но ледяные горы, столкнувшиеся за кормою и перед носом шхуны, спасли нас, хотя и оставляли нам свободным лишь небольшое пространство. Шхуну совершенно накрыло льдом на левый бок, но не причинило важных повреждений».

На следующий день сжатие льдов возобновилось. Со страшным грохотом и треском льдины громоздились друг на друга. Шхуна неожиданно содрогнулась всем корпусом от сильного толчка, за ним последовал ещё более сильный удар. Обшивка трещала и лопалась. Капитан ожидал, что в любое мгновение судно может быть раздавлено, и распорядился о том, чтобы спустить на лёд шлюпки, бочку масла и четыре бочки солёного мяса. Однако сжатие прекратилось. Полил дождь, который к вечеру сменился снегом. Поднялся ветер, и в снастях «Ермака» на разные голоса завывала полярная выюга...

Один из участников экспедиции на «Ермаке» следующим образом описывал первые дни пребывания в ледовом плену: «Гигантские льдины стеснили так шхуну со всех сторон, что она не могла никуда подаваться, трещала и стонала всеми пазами. Луч зрения ограничивался одним твёрдым непрозрачным льдом, и при этом царствовал мёртвый штиль. В первые дни своего безвыходного положения мы не падали духом, надеясь, что наконец лёд раздвинется и откроет нам выход или перед носом, или перед кормом, — но тщетно. Вместе с массою окружающего льда течение постоянно несло нас к северо-востоку. Уже шпангоуты судна начали сжиматься, так что из 21 фута шхуна сделалась шириной 19 футов. Страшен был стон и треск судна среди окружающей нас тишины в природе».

Шхуну несло всё дальше и дальше на восток. Подвижки льда не прекращались, каждый час можно было ждать гибели «Ермака». Крузенштерн распорядился: «Команде быть готовой в любой момент покинуть судно».

Начались морозы, шквальные ветры и снегопады. Шхуна легла на левый борт. В правом борту её была большая вмятина. 26 августа, во время очередного сжатия, одна из льдин прошла под киль «Ермака» и повалила его с левого борта на правый. Торшение не прекращалось. С громом пушечных выстрелов лопались огромные льдины, обломки их нагромождали поблизости от шхуны высокие горы. Деревянное судёнышко всё чаще и чаще сотрясало от сильных ударов, трещали и скрипели палуба и надстройки. Моряки среди ночи вскакивали и бросались со своими вещами наверх.

Крузенштерн держался мужественно. Он продолжал вести метеорологические и гидрологические наблюдения. 27 августа он определил, что судно находится на 65°59' северной широты и 64°30' восточной долготы. Команда хлопотала около корабля, разбивая острые края льдин, которые могли бы при сжатии пороть деревянный корпус.

В последних числах августа несколько потеплело. Снег сменился дождём и туманом. На небе стали появляться сполохи полярных сияний. Но подвижка льдов не прекращалась. Вечером 30 августа лёд поднял судно на 30 сантиметров из воды.

При огромном сжатии были смяты переборки кают, а шхуна получила несколько ударов в подводную часть. Между тем ветер усиливался. Один шквал налетал за другим, сотрясал рангоут. С такелажа то и дело срывался покрывавший его лёд и с грохотом разбивался на верхней палубе. Наконец разразился настоящий шторм.

Берег, ранее видневшийся на юге, исчез из виду. Кругом были льды, находившиеся в непрерывном движении. Крузенштерн каждую минуту ждал, что они раздавят его судно, и распорядился устроить на соседней льдине продовольственный склад и запастись дрова. Там же разбили и жилую палатку.

В ночь на 2 сентября шхуну приподняло на 150 сантиметров и повалило снова на левый борт. Раздался оглушающий треск. Вахтенный доложил, что вода в трюме прибыла на два фута. Моряки, несколько часов назад веселившиеся по случаю празднования 1000-летия России, повскакали с коек от сатанинского гула ледяной канонады и, нагрузив на плечи котомки с запасами провизии и белья, выбежали на палубу. Капитан отдал команду спускаться на лёд. Но едва моряки собрались возле палатки, как подвижки льда прекратились, наступила тишина. Очередной натиск стихии закончился. К глубокому огорчению, утром следующего дня запасное убежище — старую льдину — разорвало на две части.

«Итак, — писал Павел Павлович, — ещё раз пришлось обмануться в своих надеждах. Я думал, по крайней мере, ежели шхуну сломает, иметь убежище на льду, но если в первый шторм эта, по-видимому, громадная и неразрушимая льдина ломается, то что будет с нею во второй и третий штормы?»

Ему начинало казаться, что в случае гибели шхуны едва ли можно благополучно перезимовать на дрейфующем льду. Он всё

чаще думал о необходимости покинуть судно и направиться с командой по льду к берегу, который хоть и не виден, но, по его расчётам, должен находиться ещё не далеко.

Вечером 3 сентября, когда шхуну снова сжали льды, капитан приказал перенести на лёд инструменты и приборы для научных наблюдений, продовольствие, бочки с водой, дрова, паруса. Когда всё снаряжение экспедиции было выгружено, чтобы освободить судно от лишнего груза, выбросили железный балласт, который находился в воде в кормовом трюме.

По воспоминаниям одного из участников экспедиции, в эти дни моряки ежеминутно ожидали, что масса льда раздавит шхуну: «смерть смотрела нам в глаза со всех сторон».

В ясную, расцвеченную сполохами полярного сияния ночь Крузенштерн отправил матроса Молчанова и подштурмана Черноусова на поиски берега. Пройдя семь часов на восток через торосы и трещины, они, к немалому огорчению капитана, не обнаружили берега, хотя продвинулись более чем на двадцать километров.

Положение экспедиции с каждым днём становилось всё более сложным. Но её начальник и его подчинённые надеялись выйти по льду на берег. Моряки сняли рангоут (мачты) с судна и соорудили большую палатку, накрытую в четыре слоя парусами.

Одновременно готовили лодку, которую собирались взять с собой в поход к берегу материка. Становилось всё холоднее, заметно уменьшились дни. Неистовствовали ветры и метели. Надо было искать выход.

Капитан созвал совет, на который кроме старшего штурмана Матиссена, подштурмана Черноусова и боцмана Панкротова он попросил выделить из состава команды трёх матросов (были выбраны Молчанов, Попов, Резанов). На совете детально обсуждалось положение экспедиции. На шхуне был более чем годовой запас продовольствия, но дров могло хватить только на четыре месяца. Шхуна находилась в серьёзной опасности, уже давно

появилась течь. Лыдина, у которой стояло судно, тоже оказалась малонадёжной для жизни на ней в случае гибели шхуны.

Крузенштерн писал об этом совете: «Выслушав мнение всех и понимая вполне, что действительно единственное спасение наше — стараться достигнуть берега, я решился оставить шхуну и направиться к восточному берегу, оставляя всё имущество с тем, что если обстоятельства позволят, то на оленях приехать к шхуне и вывезти на берег, по возможности, все инструменты и материалы, а также и провиант».

В тот же день, 7 сентября, начали готовиться к походу на восток, к берегам полуострова Ямал. В лодку, дно которой было специально обито медью, погрузили сухари, окорока, карты и журналы. Каждый моряк должен был взять с собой в котомке 35 фунтов сухарей, два фунта шоколаду, одну бутылку рома, чистое бельё, ненецкие малицы и пимы и вооружиться багром. На одного человека приходилось 28 килограммов. Для встречи с медведем захватили четыре винтовки, три револьвера, два пистолета, двустолвку, порох, пули, дробь, а также пики.

9 сентября в четыре часа утра Крузенштерн поднял своих спутников. Поваром уже был приготовлен обед. Убедившись, что все взяли с собой самое необходимое и оделись возможно теплее и лучше, Павел Павлович приказал двигаться в путь.

Это было в семь часов утра. Первым шёл начальник экспедиции, держа курс на восток по компасу. Многочисленные торосы и трещины пересекали путь. Многие выкупались в ледяной воде. Лодка и двое санок, на которых везли дрова и часть провизии, сломались. Пришлось их бросить. Командир распорядился, чтобы каждый взял с собой сухарей на двадцать дней, а повар приготовил обед и выдал каждому по стакану рома. В этот день моряки в последний раз наелись досыта. Путешественники со свежими силами довольно быстро продвигались вперёд. К полудню они уже потеряли из виду шхуну. К концу дня все чувствовали невероятную усталость. У некоторых матросов с непривычки кружилась

голова, некоторые жаловались на тошноту, но продолжали идти на восток. Только там, за белыми торосами, ждало их спасение.

Вечером встретилась огромная полынья. Пришлось повернуть на юг. Шли до темноты, но удобной переправы так и не нашли. Заночевали под защитой высокого тороса прямо на льду. Под утро все оказались промокшими. На завтрак были одни сухари.

Удалось организовать переправу через полынью. Паромом служила небольшая льдина, поднимавшая всего двух человек. Через час все путешественники перебрались через разводье. Полыньи и разводья встречались всё чаще. Переправы на ледяных парамах весьма задерживали продвижение. Усталость сказывалась всё сильнее. Многие бросали личные вещи. Дело дошло даже до полушубков, сапог, запасного белья и сухарей. Почти одновременно заболели старший штурман Матиссен и фельдшер Лычев; товарищи по путешествию взяли их оружие, часть вещей и помогали больным чем и как могли.

После тринадцати с половиной часов похода остановились на привал. Некоторым казалось, что они видят землю. Но сколько ни рассматривал Павел Павлович горизонт в подзорную трубу, он ничего не мог обнаружить, кроме высоких ледяных торосов. По-видимому, у его спутников разыгралось воображение. До крайности изнурённые, они все, кроме часового, вскоре спали на холодном ледяном ложе. На рассвете Крузенштерн взобрался на торос, чтобы ещё раз осмотреть дорогу, и вдруг на востоке — северо-востоке увидел красноватые утёсы полуострова Ямал.

«Вид берега, — писал Крузенштерн, — подействовал на всю команду как электрическая искра, и снова явилась надежда на спасение... Надо было видеть людей, с какою быстротою они взяли на плечи ноши, какими победителями они смотрели и с какою уверенностью шли вперёд, не давая мне времени вступить на своё место».

Но идти пришлось недолго. Путь снова пересекла огромная полынья, а за ней — полоса мелкобитого дрейфующего льда.

Моряки с помощью багров перепрыгивали со льдины на льдину, проваливались в воду, выручали друг друга из опасных положений и снова устремлялись к манящим их на северо-востоке красноватым утёсам. Всё чаще приходилось преодолевать трещины. Однажды, когда вся экспедиция на небольшой льдине переправлялась через широкую полынью, на моряков напали моржи.

«Я стоял на краю и смотрел хладнокровно на зверей. Когда они приблизились, я ударил одного пикою, но без всякого успеха; один клыками начал подниматься к нам, другие осторожно наблюдали за успехами или неудачами товарища. Положение наше было незавидное: удастся двум или трём зайти к нам — наша льдина, перегруженная уже людьми и багажом, должна или опрокинуться, или идти ко дну. Я быстро снял винтовку и, прицелившись, выстрелил. Огромное животное с всплеском опрокинулось в воду. Остальные моржи скрылись из виду», — вспоминал Крузенштерн.

К вечеру 11 сентября моряки совершенно выбились из сил. Особенно тяжело приходилось заболевшему старшему штурману Матиссену. Он второй день не мог ничего есть, но огромным усилием воли заставлял себя не отставать от товарищей. Матиссен спокойно говорил о том, что его больному телу не выдержать этого похода и, по-видимому, придётся закончить свои дни на льду Карского моря.

Кроме сухарей, есть было нечего. Но и сухари нужно было беречь; неизвестно, сколько времени продлится поход и придёт ли кто-нибудь на помощь на берегу Ямала. Крузенштерн с грустью наблюдал, что многие плохо спали в эту ночь.

Утро не принесло ни надежды, ни облегчения. С востока дул сильный ветер, появился туман. Почти до полудня 12 сентября лежали в бездействии, ожидая улучшения погоды. В двенадцать часов начали переправу через широкую полынью на маленькой льдине, которая с помощью лотлиня¹ была превращена в паром,

¹ Лотлинь — верёвка, ограждающая борта палубы судна.

Крузенштерн переправлялся последним. Когда очередь дошла до него, ледяное поле, на котором он находился, снесло. Лотлинь оказался коротким. С обеих сторон его наставляли ремнями, шарфами, подвязками. Наконец, когда расстояние между паромом и командиром сократилось до полутора метров, он с помощью багра перепрыгнул на паром. Впоследствии в своём рапорте в Морское министерство Павел Павлович особо отметил, что в эту трудную минуту его спасла неустрашимость, ловкость и сила матроса Резанова.

Этот драматический момент снял напряжение среди членов экспедиции. Моряки повеселели, оживились. Берег как будто становился ближе. Надежда, что они выйдут живыми из этого трудного испытания, крепла среди путешественников.

Через несколько часов новая полынья преградила путь. Крузенштерн заметил, что льдину, на которой они находились, относит на запад. Берег был совсем рядом.

Павел Павлович считал, что за разводьем до красных утесов было не больше четырёх километров. Но переправиться через пространство воды не было возможности. Ледяной остров с путешественниками заметно дрейфовал на запад.

Вокруг трещало, грохотало, ломалось. Расстояние между ними и припаем увеличивалось. Берег исчез из виду. Льдину с экспедицией со всех сторон окружало море.

«Мы согревались с трудом, мороз был сильный, и ветер к вечеру дошёл до шторма; я ежеминутно ждал, что нашу льдину разобьёт на мелкие части. Нас единственно спасало самоедское платье; не будь этого платья, замёрзли бы все. Мы легли спать по два человека, ноги друг другу в малицы, убирая головы также в малицы, и таким образом спаслись», — вспоминал Крузенштерн.

Около одиннадцати часов ночи часть льдины откололась. На ней находилось четыре человека. Их с трудом спасли. Волнение усиливалось. Брызги волн перелетали через всю льдину, от них негде было укрыться.

13 сентября льдина разломилась на две части. Путешественники остались на небольшом ледяном обломке. Положение казалось безвыходным. Крузенштерн своим примером и словом старался приободрить своих приунывших спутников и вселить в них надежду на благополучный исход.

Три дня продолжалось это опасное плавание. Двадцать пять членов экспедиции шхуны «Ермак», оказавшиеся на обломке льдины, с тоской наблюдали, как восточный ветер всё дальше и дальше уносил их в море. Их обдавало брызгами и поливало дождём.

Казалось, если ударит сильный мороз, то никто не выживет.

«Эти три дня, — вспоминал старший штурман Матиссен, — я никогда в жизнь свою не забуду, потому что, окружённые опасностью, мы ежеминутно ожидали неминуемой смерти».

К большой радости пленников моря, в полдень 13 сентября ветер переменялся и задул от юго — юго-запада. Вечером к ним подошло огромное ледяное поле. Моряки немедленно перебрались на него.

Утром показался берег, от него отделяла чистая вода. Но недолго моряки любовались его красноватыми песчаными утёсами. Ветер снова переменялся, и льдину понесло на северо-запад. Берег снова потерялся из виду.

Сухари у путешественников были на исходе.

Наконец 16 сентября юго-западным ветром лёд снова сплотило. Крузенштерн решил немедленно идти на восток. Их хлестал дождь, они проваливались в трещины, но всё шли и шли. Вскоре увидели берег. Он находился в 15—18 километрах. Моряки, не останавливаясь, двигались к нему.

К полудню выбились из сил. Капитан объявил отдых на полчаса. И затем снова вперёд. В пять часов только один километр отделял экспедицию от берега. Павел Павлович и сам нечеловечески устал, неприятная слабость разливалась по всему телу. Ломило грудь и плечи. Он едва держался на ногах.

«Последняя верста, — вспоминал Крузенштерн, — была необыкновенно тяжела для нас. Берег не дался нам без упорного боя, и я не знаю, попали бы мы вообще на него без матроса Попова. Он шёл передовым последнее время, и я любовался его неустрашимостью и находчивостью в преодолении всякого рода препятствий; все остальные довольно равнодушно смотрели на берег, как и на лёд, у каждого из них было одно желание — лечь и отдохнуть».

Между ледяным полем с путешественниками и берегом была чистая вода, над которой кое-где возвышались сидевшие на мели стамухи¹. В течение двух часов на небольших льдинах перебирались от стамухи к стамухе. Наконец до берега осталось всего сто метров. На небольших неустойчивых льдинах моряки в одиночку, по двое или по трое плыли к берегу. Льдины опрокидывались, люди оказывались в воде, но выбирались на льдины и продолжали дружно грести к берегу.

В восемь часов вечера все двадцать пять человек были на твёрдой земле. На них не было сухой нитки. В темноте невозможно было разыскать дрова, чтобы развести костёр и обсушиться. Но мысль о том, что под ними твердь земли, они на берегу моря и их уже никуда не унесут ненавистные, непокорные льдины, согревала душу и тело.

Почти никто не мог заснуть в эту ночь, которая, по словам старшего штурмана Матиссена, навсегда осталась в памяти всех двадцати пяти человек. В составе экипажа военных моряков парусника «Ермак» были штурман Матиссен, подштурман Черноусов, боцман Панкратов, кузнец Ситников, лекарь Лычев, повар Павел Ларионов, матросы: Попов, Резанов, Молчанов, Григорий Вишняков.

«Утром 17 сентября, когда рассвело, камни под нами чуть ли не были теплее наших тел», — отмечал начальник экспедиции

¹ Стамуха — льдина, севшая на мель

в своём рапорте. — С наступлением дня были найдены дрова, и развели огромный костер на одном из холмов полуострова Ямал». Они ещё не знали, что перед ними не материк полуострова, а остров Литке — родовые угодья богатого оленевода Сейча Сэротэтто.

Сварили кофе, немного подкрепились и обогрелись. В это время старший штурман Матиссен в зрительную трубу осмотрел горизонт. И вдруг он ясно различил чумы.

— Люди!

Крузенштерн схватил трубу. Действительно, километрах в пяти от привала виднелись конусы жилищ.

Стойбище

Стойбище всполошили сторожевые псы. С грозным рычанием и лаем выскочили из чумов собаки, пригревшиеся в тепле, и устремились навстречу чужим людям, появившимся с ночной (западной) стороны. Вслед за собаками высунулись из тёплых «гнезд» любопытные мальчишки. Увидев много чужих, нырнули, перепуганные, обратно под нюки чумов. Насторожённо вышли хозяева стойбища. К ним приближалась большая группа утомлённых людей с чёрными, обмороженными лицами, обросшими бородой. Они были в ненецких малицах, с котомками и винтовками за плечами.

Начальник экспедиции подошёл к старейшине рода.

Того трудно было не узнать. Держался твёрдо, независимо, с откинутым назад капюшоном искусно вышитой малицы, несмотря на крепкий мороз; да и был он старше по годам всех окружающих их мужчин. Гость, в знак дружбы, протянул руку хозяину и ощутил крепкое рукопожатие. Затем сбросил малицу и предстал во всей красе офицера российского флота. «Аркае-начальник! (Большой начальник!)» — смекнул хозяин положения и пригласил Крузенштерна в чум.

Павел Павлович достал документы и, откинув нюк, вошёл в тёплое жилище.

Тем временем матросы сложили винтовки на свободные нарты, кинули сверху полупустые вещмешки, сняли, помогая друг другу, малицы и, смеясь, поставили их на снег. Промокшие и промёрзшие, они стояли как колокола, приготовленные для поднятия на православный храм. Матросов пригласили в чум. Накормили и напоили горячим чаем.

Стойбище встретило большую группу чужих людей с опаской, но приветливо, как вообще в тундре встречают любого гостя, какой бы национальности он ни был. Его в первую очередь кормят, поят крепким чаем, предлагают отдохнуть с дороги.

Здесь не принято расспрашивать гостя, кто он такой, куда держит путь, зачем приехал. Захочет — сам расскажет, когда сочтёт нужным. А нет — никто не полюбопытствует, это считается бестактным и неприличным: «Ты сперва, однако, кушай, немного спи, вечером разговор говорить будем».

Гость подал хозяину пергамент, на котором красивым каллиграфическим почерком было написано: «Мичману Павлу Павловичу Крузенштерну присваивается звание лейтенанта флота Его Императорского Величества Александра II». Этот документ, по существу, являлся удостоверением личности.

Не знавший русской письменности Сейч с уважением и трепетом осторожно взял документ, полюбовался двуглавым орлом, прошёлся взглядом по строкам, пощёлкал по нему пальцем, восхитился прочностью «бумаги», поцокал языком и передал своей жене, та поспешно спрятала в сундучок, где хранились деньги и прочие ценные вещи всего рода Сэротэтто. Там и хранился паспорт-диплом П. П. Крузенштерна более ста тридцати лет, пока не попал в музей Ямальского района.

Беседа протекала неторопливо и спокойно. Хозяин беспрестанно подливал гостю крепкий до черноты чай и внимательно слушал, время от времени поднимая взгляд на жену. Она

сидела в противоположной стороне чума и в двух словах переводила длинную тираду гостя. В юности она жила в прислугах у обдорского священника, была крещёной, наречена именем Агафья, понимала русскую речь.

Павел Павлович кратко рассказал историю своей экспедиции. Планировал пройти от Печоры до Енисея. Но во льдах Карского моря потерял свой корабль. Сейчас ему надо доставить экипаж в Обдорск.

Сейч долго молчал, думал.

— Саво (хорошо), — наконец молвил он. — Будем каслать¹ с острова.

И только тут Крузенштерн понял, что он с командой вышел не на материк, а лишь на остров.

После обильного чаепития он вышел и по приборам определил место нахождения. Сверил с картой — да, они на острове Литке.

— Сколько вёрст до материка? — спросил он Сейча.

— Вон, смотри, берег видно. Лёд окрепнет, каслать будем.

Им предстояло перейти пролив Мутный.

Из верхушек всех чумов стойбища поднимался лёгкий дымок. Воздух наполнялся ароматом варёного мяса. Гостеприимные хозяева кормили голодных матросов.

После сытного обеда капитан собрал свою команду и объяснил обстановку:

— Как только окрепнет лёд в проливе, ненцы разберут чумы и перекочают на материк вместе со стадом оленей. Мы вслед за нартами пойдём пешком. Переход не длинный — берег видно. А сейчас всем отдыхать!

«Окончив обед, мы легли спать в тёплом чуме на хороших оленьих шкурах, и вся усталость и горе были забыты. Нам казалось, что мы в раю», — вспоминал Павел Павлович.

¹ Каслать — кочевать, перегонять оленьи стада.

Капитан несчастной шхуны спал сном праведника. Доверившиеся ему люди — в безопасности. Несмотря на все трудности и лишения, он не потерял ни одного человека.

Глубокой ночью ненцы подняли матросов, разобрали и сложили на нарты чумы и вслед за стадом двинулись в путь. Каслание было не долгим и не утомительным, в сравнении с переходом через гряды торосов.

Утром 18 сентября чумы установили на стойбище брата Сейча — Сэйрё. Сейч послал гонца к соседям — Худи с просьбой о помощи в отправке моряков в Обдорск.

Много чаю выпили старики при встрече. Сидели, думали, качали головой, считали, опять пили чай, ещё думали.

— Три аргиша¹ надо, однако. Три чума, двенадцать легковых нарт — по два человека, ещё четыре пастуха, грузовые нарты... Больше трёх десятков нарт надо, трудно будет собрать... — засомневался Худи.

— Надо! — сказал Сейч твёрдо. — Капитан уедет в Обдорск завтра. Ему предстоит позаботиться о размещении своих людей и договориться с местными старшинами о дальнейшем пути в большой город. Проводником ему будет Сэйрё. Я соберу два аргиша и дам в дорогу стадо быков для смены упряжек и питания. Ты соберёшь ещё один аргиш и проводником всех отправишь своего человека.

На этом решении была поставлена точка.

Сэротэтто и Худи имели свой интерес. Они знали: их услуги будут оплачены твёрдым рублём. Попутно отправят купцам свой товар: пушнину, рыбу и прочие дары тундры. У купцов выменяют и прикупят всё необходимое в кочевой жизни.

¹ Аргиш — обоз из оленьих упряжек.

Сухопутное плавание

19 сентября Павел Павлович Крузенштерн выехал в Обдорск. Ненцы приступили к сбору аргишей. Матросы помогали, как могли и умели. Пытались ловить оленей. И каждый неудачный бросок тынзяна сопровождался громким раскатистым гоготом.

Тундра давно такого не слыхала. Аборигены громко не смеются. Они лукаво улыбались, иронизируя над неумехами, русскими военными моряками. Смелее стали поглядывать и неночки, и тоже хихикать. Одним словом, все подружились. Мореходы отдохнули. Трёхразовое поглощение мясных блюд быстро восстановило силы молодых организмов.

Через три дня после отъезда командира аргиши тронулись в путь. Провожающих было очень много — съехались любопытные, казалось, со всей тундры. Всем хотелось посмотреть на русских моряков. Матросы не скупились на подарки. Раздали всё, что осталось у них в котомках после ледового перехода. Больше всех досталось, конечно, Сейчу Сэротэтто. Ему оставили чайники, винтовку, ружьё, порох и пики.

Старшим команды капитан назначил штурмана Матиссена, проводник аргишей был Сянда Худи.

Павел Павлович легко управлял упряжкой, не отставая от упряжки проводника. Дорога предстояла длинная, впереди более четырёхсот вёрст. Времени для размышлений было больше чем достаточно.

...Пятнадцати лет он впервые увидел Белое море. Ходил с отцом, Павлом Ивановичем, на шхуне «Ермак», той самой, на которой спустя тринадцать лет решился совершить смелое плавание к устью Енисея. Он не был безучастным наблюдателем. С разрешения отца мальчик исполнял обязанности марсового. Он был отличным гребцом, умел ловить оленей и управлять ими в упряжке.

Когда Павлу шёл шестнадцатый год, его взяли в далёкое плавание. Много месяцев он плыл на военном транспорте «Двина»

теми же морями и океанами, через которые около полувека назад его дед Иван Фёдорович Крузенштерн впервые пронёс русский флаг на кораблях «Надежда» и «Нева». Его первое путешествие закончилось в Петропавловске-на-Камчатке. Из этого порта он на попутном судне перебрался в Аян; а оттуда через Сибирь направился в Петербург и заслужил славу лихого офицера. Павел Крузенштерн-внук успешно продвигался по службе, но более всего его привлекал Север, с которым впервые познакомился в детстве...

Олени бегут ровно. Нарты взлетают на застругах, мгновенные летят в воздухе, на скорости, без толчка, мягко приземляются и скользят дальше. Моряку это напоминает лёгкую килевую качку при небольшом шторме. Вокруг расстились снега необъятной тундры. Этот унылый пейзаж будет окружать моряка всю дорогу до Обдорска, а потом через Урал до Архангельска. Этот мир, где существует лишь снег и лёд, не пугает Павла, но к холоду невозможно привыкнуть. От холода немеет лицо. Кругом белым-бело, как вчера... как позавчера... Бескрайняя белая равнина. Других красок здесь нет.

Северный олень — удивительное животное, размышлял Павел, как нельзя лучше приспособлен для жизни в этих суровых местах. Он быстرونог, вынослив, нетребователен, не нуждается ни в помещениях, ни в заготовленном корме. Он для ненца основа жизни, без него в тундре не проживёшь. Ненец на олешке ездит, ест его мясо, одежду из его шкуры шьёт, чум покрывает тоже из него, обувь, нитки — всё олень.

В нартах Павла был привязан вещмешок с приборами, документами, деньгами и дорожным запасом продуктов, а также палатка — на случай, если придётся заночевать в тундре. У Сэйрё — также мешок с продуктами и дрова на одну ночёвку.

Ехали они спокойно, от стойбища к стойбищу. Там же после ночёвки заменяли быков в упряжках — такова традиция аборигенов Крайнего Севера.

Двенадцать дней они стояли у великой сибирской реки Обь. По ней ещё густо шёл лёд, и переправиться на правый берег не было никакой возможности. Вскоре подошли аргиши с поредевшим стадом. Как только Обь встала и лёд окреп — в Обдорск. Олени, скользя и падая на льду, перевезли путешественников в уездный город Обдорск, ныне Салехард.

Двенадцать дней старейшины, под руководством князя Матвея Тайшина, собирали Крузенштерну упряжки для дальнейшего пути через перевал Северного Урала.

Сэйрё Сэротэтто и Сянда Худи обменяли у купцов «мягкую рухлядь» на продукты и товары. Павел Павлович в присутствии чиновников заплатил Сянде Худи тридцать один рубль серебром за доставку команды шхуны. Расписку заверил подписью и гербовой печатью. Ненецкое имя перевёл на русский и в документе назвал его Александром¹.

Удовлетворённый оплатой своего труда Худи повёл аргиши и поредевшее стадо в обратный путь к родным угодьям. Сэйрё Крузенштерн оставил при себе. Понравился ему этот молодой, сметливый и весёлый парень. Лучшего проводника он не желал. Он был проверен длинной дорогой.

Павел договорился с Сэйрё, что впредь будет звать его Сашей, а тот его — Пашей. Так им будет легче общаться.

После долгих сборов, на двенадцатый день пребывания в Обдорске, вновь укомплектованным аргишем и стадом оленей двинулись в дорогу через перевал Уральского хребта.

Дорога была трудной. Снега глубокие. Стадо паслось на ходу. Ехали медленно, часто приходилось менять быков в упряжках и останавливаться для отдыха оленей.

На перевале путешественников настиг ураган. Олени легли. Матросы впопыхах установили чумы и палатки. Метель заметала

¹ Тобольский фонд государственного архива Тюменской области (ГФГАТО). Ф.И.-132. Оп. 33, Д.596 Л4-406. Подлинник.

лежащих оленей по самые рога, выдувала тепло из временных жилищ и жутко выла трое суток.

Ветер стих столь же внезапно.

...Саша смело и уверенно вёл караван. Капитан Крузенштерн был у него в качестве штурмана, по компасу и карте прокладывал путь, следом пастухи гнали стадо быков — резерв для упряжек и питания. Вёрст через двадцать пять — тридцать, а по хорошей дороге и больше, останавливались на ночлег. Устанавливали чумы, варили мясо, отдыхали.

Они продвигались уже по Большеземельской тундре. Павел вёз экипаж к исходному пункту в устье Печоры — к деревне Куя, откуда три месяца назад он, полный надежд, вышел в плавание на шхуне «Ермак».

Здесь он узнал, что бот «Эмбрио» давно вернулся из Карского моря. Его командир Иван Короткий две недели ждал в Югорском Шаре возвращения «Ермака». Команда бота объехала близлежащее побережье моря, вплоть до речки Кары. Убедившись в тщетности своих усилий, направились на запад и в середине сентября была в устье Печоры.

Крузенштерн оставил членов экспедиции в деревне Куя, а сам с каюром Сашей на оленях через тундру выехал в Архангельск.

Так закончилась экспедиция Павла Павловича Крузенштерна.

Архангельск

Отца в городе Павел не застал. Он уже уехал в Петербург и занимался камеральной обработкой материалов летней экспедиции по исследованию бассейна Печоры.

Павел Иванович Крузенштерн — военный моряк, путешественник, исследователь Арктики и Европейского Севера России, лауреат Демидовской премии. Сын великого мореплавателя Ивана Фёдоровича Крузенштерна, родился вблизи Ревеля (Таллин)

на мысе Асс в 1808 году. Учился в том же самом Царскосельском лицее, что и Александр Пушкин.

С лицейского порога Крузенштерн-сын переступил на борт шлюпа «Синявин», которым командовал Фёдор Литке, и началась его долгая дорога среди полуночных морей и вечных льдов.

Вернувшись, участвовал в топографической съёмке Финского залива. В 1843 году Министерство финансов и Корпус горных инженеров снарядили экспедицию в Печорский край, так как «из всех учёных по России путешественников ещё никто не был» в этой области Русского Севера. Он решил «посвятить жизнь свою на решение вопроса, от которого зависело процветание богатой, но, по отдалённости своей, забытой области России». Он будет верен своему патриотическому стремлению почти четыре десятилетия, до тех пор, пока в 1881 году сердечный приступ не оборвёт его жизнь.

Лишь один раз он сделает отступление от избранной цели, когда в 1847 году представит в Морское министерство «Проект экспедиции для достижения Северного полюса». Мысль о завоевании заветной точки земного шара волновала многих моряков. Надежды Павла Ивановича на поддержку Морского министерства или частных лиц не оправдались. Его проект, как и проекты многих выдающихся учёных и мореплавателей, был отвергнут Учёным комитетом Морского министерства.

Вскоре после смерти отца, случившейся в 1846 году, Павел Иванович решил пойти на большую жертву, употребив средства семьи на снаряжение полярной экспедиции.

Осенью 1848 года П. И. Крузенштерн взял отпуск, купил корабельный лес, решив построить шхуну по собственному проекту. Выписав из Архангельска корабельного мастера, сам без промедления отправился в Петербург, закупил железо, парусину и весь такелаж.

18 мая 1849 года шхуна была спущена на воду. Её называли «Ермак» — в честь знаменитого казака-землепроходца.

Павел Иванович провёл лето 1849 года на Белом море, надеясь выйти в Карское. Однако команда была набрана очень поздно. Удалось доплыть лишь до Соловецких островов и вернуться в Мезень.

В 1850 году П. И. Крузенштерн получил разрешение на новое плавание. Вторая попытка пройти под парусами Карское море была сорвана жёсткими штормами и наступлением зимы.

Отыскав удобную гавань на реке Индиге, П. И. Крузенштерн решил оставить шхуну на зимовку. 8 октября он вместе с командой и сыном Павлом, которому в тот год исполнилось шестнадцать лет, отправился на оленях через тундру в Мезень, а затем в Архангельск и в Петербург. Павел Иванович не беспокоился за шхуну. Он даже считал это обстоятельство весьма благоприятным для дальнейших исследований и надеялся, как только установится зимний путь, закупить провизию для нового путешествия и летом отправиться в Карское море, а затем к северо-восточной оконечности Новой Земли.

«Всё было задумано хорошо, — писал Крузенштерн, — но судьба решила иначе. Смерть жены за границей и последовавшие затем семейные заботы принудили меня продлить своё пребывание в чужих краях».

Но и за границей П. И. Крузенштерн думал о Севере, трудясь над вычислением «Таблиц приливов для Белого моря на 1851—1852 годы», которые вскоре издал в русской типографии Карлсруэ. Он предназначал их поморам Архангельской губернии. Так было положено начало службе предвычисления приливов в северных морях страны.

В 1852 году, вернувшись из-за границы в Петербург, Павел Иванович снова отправился на север Печорского края. Он решил отложить плавание в Карское море до лучших времён и заняться исследованием Нижней Печоры и поисками сообщения между её притоками. Здесь он простился с сыном, который в течение двух лет был его постоянным спутником, а теперь готовился к кругосветной экспедиции.

После кругосветки повзрослевший Павел вернулся к отцу на Север. Летом 1860 года на шхуне «Ермак», по совету отца, он обследовал Печорское море и затем направился в пролив Карские Ворота, надеясь увидеть Карское море. У южных берегов Новой Земли встретились первые льды. Пролив был свободен, и «Ермак» достиг мыса Меншикова на юго-восточной оконечности Новой Земли.

Несколько дней Крузенштерн исследовал Карские Ворота, но погода неожиданно испортилась, шёл дождь со снегом и градом. Однажды ночью судно едва не налетело на одинокую скалу, временами находил густой туман. В Карские Ворота нагнало лёд. «Ермак» с трудом пробрался между «плавающими полями и горами». Жестокий шторм вынудил капитана Крузенштерна лечь курсом на устье Печоры.

Казалось бы, достаточно испытывать судьбу. Не пробьётся деревянный парусник сквозь штормы и льды Ледовитого океана. Ледовитый, в отличие от своих братьев, не терпит «самодеятельности»: его на плоту или яхте не переплывёшь. Ледовитый требует от моряков точных знаний обстановки. Он любит иметь дело с провидцами. С ними ему интереснее вести игру, чем с теми, кто действует по принципу «как-нибудь прорвёмся».

Обуреваемый навязчивой идеей открыть морской путь от Европейского Севера до богатств Сибири Павел Иванович Крузенштерн настойчиво продолжает убеждать Морское министерство в необходимости снаряжения очередной экспедиции к Енисею.

Он опережал время на целое столетие. И всё же ему удалось заинтересовать проектом экспедиции к устью Енисея. Начальником экспедиции был назначен Крузенштерн-внук. Ему разрешили набрать экипаж шхуны из военных моряков, выдали инструменты для наблюдений и выделили средства для покупки провизии и одежды.

1 августа 1862 года шхуна «Ермак» покинула деревню Кую на Печоре...

Однако вернёмся, уважаемый читатель, в Архангельск. Мы так увлеклись трудами и заботами Крузенштерна-старшего, что чуть не забыли о главных героях.

Павел рассчитался с проводником из последнего зырянского стойбища и жестом, незаметным для Саши, отправил его с упряжками восвояси. Прошли в дом. Здесь он с отцом останавливался дважды в год: когда ранней весной ехали на Печору и в предзимнее время возвращались в Петербург. Они в последние годы неразрывно путешествовали вдвоём.

Саша вышел на улицу и, не обнаружив упряжки, в отчаянии кинулся в дом:

— Паса!¹ Оленей нету! Как мне в тундру ехать?! Паса?!

— Успокойся, Саша! — Паша, улыбаясь, спокойно обнял за плечи своего спутника. — Сейчас мы пойдём гулять. Я покажу тебе город, и заодно закажем экипаж. Поедем с тобой в столицу.

Саша медленно шёл по заснеженному Архангельску, рассматривал высокие дома, удивлялся количеству окон, вздрагивал, когда с криком «поберегись!» проносились извозчики. Он по минутно всем телом и малицей потешно поворачивался к Павлу, боясь потерять его из виду. Большой город пугал тундровика. Он теребил Павла за рукав и звал домой.

Утром тройка подкатила к подъезду дома. Седоки поздоровались с ямщиком. Друг оленей обошёл вокруг лошадей и экипажа, на расстоянии разглядывая лошадь:

— Зачем такой больсой, а рогов нету? Зачем больсой хвост?

Конь повернул к нему голову, втянул воздух, почувствовал дикий запах оленя и громко фыркнул. Оленевод вздрогнул и в страхе отскочил, чем рассмешил не только ямщика, но и Павла, уже привыкшего к чудачествам ненца.

¹ В фонетике ненецкого языка нет шипящих согласных.

На одних станциях наши путешественники ночевали, на других только пили чай, пока им меняли лошадей. И на всех станциях ненец Саша удивлял постояльцев количеством выпитого чая. Пил до седьмого пота. Ему всё подливали и подливали, пока он не опрокидывал чашку на блюдце кверху доньшком. Мясо редко подавали, и гость из тундры налегал на сушки, баранки, кренделя.

— Куда везёшь, барин, зимогора? Небось, в столицу? Кисейных барышень удивлять? — спросил станционный смотритель с лёгкой усмешкой.

Не удостоившись ответа, отошёл.

— Какую моду взяли дворяне — иноверцев в слуги принимать, — продолжал ворчать хозяин заведения.

Возок, запряжённый свежими, отдохнувшими лошадьми, летел по хорошо укатанной дороге.

— Хоросо! — произнёс разомлевший Саша и обернулся к Павлу, ожидая похвалы за русское слово. Павел поощрительно улыбнулся. А попутчик продолжил свою мысль: — Конь быстро бежит, как олень, снег в лицо не летит, сидись как в чуме, тепло. Хоросая нарта!

Павел откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза. Его мысли были уже в Питере. Его ожидало тяжёлое объяснение с отцом. Сын не только не пробился к Сибирским берегам, но и погубил его корабль. Выдержит ли сердце отца? А может быть, будет рад возвращению сына живым и здоровым, и судьба шхуны уйдёт на второй план? А ещё придётся объясняться в Морском министерстве. Писать рапорт и отчёт по расходованию государственных средств, выделенных на экспедицию...

Саша нырнул головой в малицу и спокойно уснул. Дорога укачала и Павла.

Санкт-Петербург

Морозным ноябрьским утром, ближе к полудню, у большого дома на Васильевском острове столицы остановилась тройка. Из возка вышли двое. У Саши в руках — дорожный саквояж. Павел Павлович рассчитался с кучером, добавил на чай, потоптался на месте, разминая ноги, посмотрел на знакомый с детства дом, взбежал по парадной лестнице и позвонил в дверь. Шаркающей старческой походкой камердинер Никифор подошёл к двери. Узнав голос молодого барина, открыл и всплеснул руками:

— Господи! Молодой барин вернулся! Здравствуй, Пашенька! Проходи, дай-ка шубу помогу снять! Замёрз, чай? Холода-то нынче какие стоят. Радость-то какая! Сейчас Павлу Ивановичу доложу.

На шум в прихожей вышел хозяин. Навстречу ему быстро шёл сын. Они крепко обнялись и долго стояли молча. У Павла Ивановича предательски выкатилась слеза. Он незаметно смахнул её, отстранил сына, положил руки ему на плечи и внимательно разглядывал его лицо, пытаясь понять, с какой вестью вернулся он из плавания. Потом троекратно расцеловались. И отец пригласил сына в кабинет.

— А это кто? — показал он взглядом на Сашу.

— Это мой спаситель, каюр и проводник от самого Ямала до Обдорска, а потом и до Архангельска. А дальше уже я его вёз до столицы, — улыбнулся Павел.

— Никифор! Помоги гостю раздеться. Всю его верхнюю одежду запри в чулан, чтобы, не ровён час, не сбежал.

Мужчины прошли в кабинет. Никифор взял шефство над «заморским» гостем. Выходец из чума заморожённо, медленно ходил вдоль стен квартиры адмирала и удивлялся диковинным вещам. На стенах висели картины, портреты адмирала флота Ивана Фёдоровича Крузенштерна, его супруги и других «аркае-начальников» — больших начальников, в орденах на груди и лентах, в красивых

эполетах с золотистой бахромой. На полочках и этажерках стояли макеты парусников, крупные раковины и страшные маски диких племён Полинезии. Все эти экзотические экспонаты были собраны в кругосветных путешествиях тремя поколениями Крузенштернов.

В кабинете Павел Иванович удобно устроился в кресле; сын, чувствуя вину перед отцом, сидел напротив, прямо и напряжённо. Кратко рассказал о попутных исследованиях дна по ходу шхуны, показал дневник записей и осторожно, с грустью в голосе сообщил о гибели «Ермака». Отец спокойно радовался успехам исследований, но при вести о «Ермаке» как-то сразу сник, плечи опустились, он обхватил голову руками...

Павел замолчал и с тревогой наблюдал за отцом. Несколько минут сидели молча.

Потом Павел Иванович встряхнулся, выпрямился, встал:

— Слава Богу, что сам жив остался и экипаж сохранил. Пошли обедать. Фрося уже, наверное, стол накрывала.

Никифор пригласил к обеду Сашу — так велел называть гостя молодой хозяин, — проследил, чтобы тот хорошо, с мылом, вымыл руки. Сели на кухне: «Не следует слугам с барами сидеть за одним столом».

После ужина Ника, так стал называть Никифора Саша, вымыл ненца с головы до ног, дал ему свою нательную рубашу и отправил спать. Непривычно мягкая постель не понравилась тундровику. Он пытался лечь на пол. Ника грозно посмотрел на него и погрозил пальцем.

С утра Павел Павлович отправился в комитет Морского министерства. Кратко изложил ситуацию с экспедицией, обещал представить финансовый отчёт и подробный рапорт о проделанной работе. Затем зашёл в магазин, купил одежду для воспитанника.

Вечером, одетый во всё новое от нижнего белья до ботинок, в форменной фуражке и ливрее красного сукна, расшитой галунами, Саша предстал перед всей семьёй.

— Господи! — всплеснула руками Фрося. — Да какой же ты молодец! Хоть сейчас на парад!

Все улыбались, одобряя наряд. Саша смущённо стоял, косясь в зеркало. Его лицо, от природы розовое, теперь было красным, как помидор. То ли это был отблеск от красной ливреи, а может быть — от радостного смущения?

На следующий день Павел Павлович отправился в гости к соседу, старому другу отца по Царскосельскому лицей, адмиралу флота в отставке, с просьбой прислать внука в репетиторы Саше.

— Ну что же, — подумав, сказал старик, выслушав длинный рассказ Павла. — Благородное дело ты затеял, Павел. Пришлю вам своего Николашу, да и сам зайду посмотреть на «заморского» гостя. И Николаше, полагаю, от этого польза будет. Как только явится из Кадетского корпуса, так и придём.

Вечером все собрались за столом у Крузенштернов.

— Так учитель-то моложе ученика, однако! — улыбнулся в усы адмирал.

— В этом случае возраст не помеха, — улыбнулся Павел и посмотрел на смущённых учителя и ученика. — Я, Николаша, принёс азбуку, арифметику и прописи. Наберись терпения, ученик трудный, не знает русской речи.

После ухода гостей попечитель и его подопечный сидели вдвоём. Взмолвленный приходом чужих людей и не совсем понимавший, чего от него хотят, Саша внимательно слушал своего друга. Только ему он и доверял.

Друг Паша привёз его из тундры в столицу, чтобы обучить грамоте.

— Ты будешь понимать русскую речь, будешь уметь читать и писать. Будешь грамотным ненцем, — говорил он.

— Как князь Тайша?

— Пока нет. Чтоб быть как князь Тайша, надо много лет учиться. Князь ваш — хитрый. Легко обманывает вас, ненцев, потому что вы все неграмотные. А будешь ты грамотным, сможешь поспорить с князем.

Саша захлопал от радости в ладоши, представляя, как он выиграл в споре с Тайшей.

— Этот мальчик, Николай, — продолжал убеждать Павел, — умный. Он будет тебя учить. Ты слушай его и повторяй за ним всё, что он будет говорить.

Крузенштерны сидели в кабинете и писали каждый свой отчёт об исследованиях в летних экспедициях. Они слышали, как в соседней комнате ученик громко читал по слогам букварь.

— Старательный парень оказался, — похвалил старший.

— Князем всей тундры хочет стать, — по-доброму улыбнулся младший.

— Обучить бы парня не только грамоте, — сокрушённо вздохнул Павел Иванович, — да времени маловато. Ты летом уйдёшь в плавание, а я, если здоровье не подведёт, уеду на Печору и Северный Урал.

Помогало усвоению русского говора и общение с Никифоровым и Фросей. Они часто поправляли неверно сказанное русское слово, а с акцентом ненца бороться было бесполезно.

Николай часто после занятий устраивал своему ученику прогулки по городу. Показал Кадетский корпус, где учиться. Водил в музеи и цирк. Образование шло успешно. Великовозрастный ученик всё необычное для него впитывал как губка.

Павел поощрял «учителя» и делал ему комплименты:

— Быть тебе профессором в Морской академии, Николай!

Тот смущался и с ещё большим рвением занимался обучением своего благодарного ученика.

Пришла весна 1864 года. Снег незаметно исчез, Нева освободилась ото льда. Павел Павлович Крузенштерн, как и его отец, снова стремился на Север. Но вместо бескрайних просторов Ледовитого океана его направили на Балтийское море. Во время кратких стоянок кораблей он на сутки-двое приходил домой, интересовался, как живёт его юный друг, не обижают ли его. Подолгу

разговаривал с ним, обещал зимой отпустить домой. Чувствовал, что подопечный его заскучал в большом, шумном городе.

Павел Иванович тяжело переживал гибель «Ермака». Неудача экспедиции сына была крушением его надежд. Он больше не пытался искать морской путь к Енисею. Но мысль об открытии водного пути между Печорским Севером и Севером Сибири не переставала волновать его. В это лето здоровье не позволило ему отправиться в экспедицию. Он полностью, по просьбе сына, занялся обучением гостя с Ямала.

Возвращение

«Наше северное лето — карикатура южных зим», — сказал поэт совсем недавно, лет тридцать назад. Пушкин кратко и точно определил климат Петербурга. Кораблик на Адмиралтейской игле вспарывал низко плывущие со стороны Балтики беременные снегом тучи. Волны Финского залива незаметно, но уверенно разглаживал мороз, превращая их в стеклянно-прозрачную и гладкую поверхность. Корабли возвращались из плавания, швартовались у стенок причалов на зимнюю стоянку. Петербург готовился к зиме 1864-го.

Павел Павлович Крузенштерн приступил к сборам своего друга в дальнюю дорогу домой. Маршрут они разрабатывали сами, без участия Саши. Поедет он на перекладных по старой Сибирской дороге: Петербург — Екатеринбург — Тюмень — Тобольск — Сургут — Самарово — Берёзов — Обдорск, а там сородичи доставят его до родовых угодий.

Павел подал прошение Министру о достойном вознаграждении ямальских ненцев из рода Сэротэтто, спасших жизни членов экспедиции погибшего во льдах корабля. Он аргументированно, подробно и убедительно описал заслуги каждого. Александр Сэротэтто доставил на оленьих упряжках начальника экспедиции

от Ямала до Обдорска, затем через перевал Уральского хребта по тундре до Архангельска. Сейч Сэротэтто пожертвовал стадо оленей до двухсот пятидесяти голов. Тремя аргишами он отправил экипаж военных моряков от Ямала до Обдорска. Расстояние по тундре около пятисот верст.

Заявление подписал и контр-адмирал флота Его Императорского Величества Александра II Крузенштерн П. И. и заверил подпись своей гербовой печатью.

В министерстве прошение было поддержано и отправлено на утверждение императору.

Вскоре курьер доставил Крузенштернам приглашение ко двору вместе с ненцем-каюром. Царь лично хотел увидеть героя ненца, представителя далёких окраин Российской империи. Сашу одели в соответствующий для приёма костюм, и в назначенный день и час он предстал пред светлые очи императора в окружении адмиралов. Робкий и слегка испуганный красотой интерьеров и высотой залов дворца, он крепко держал руку своего воспитателя и наставника.

Приём проходил в неофициальной обстановке. Павел Павлович доложил:

— Ненец Александр Сэротэтто за год проживания у нас освоил азы грамоты — умеет читать и писать, разговаривает по-русски.

— Ещё бы! — улыбнулся Александр Николаевич. — Когда в наставниках был адмирал!

Царь-реформатор, царь-освободитель российского крестьянства от кабалы помещиков повелел наградить оленевода Сейча Сэротетто серебряной медалью «За усердие» для ношения в петлице на ленте ордена Святого Станислава и почётным кафтаном из кабинета Его Императорского Величества. А также оплатить оленей, отданных на пропитание морякам. Каюра Александра Сэротетто также наградить почётным кафтаном, вручить ему охранную грамоту и подорожную карту на уровне фельдъегеря, дать денег на

дорожные расходы и отпустить домой. Распоряжения императора были выполнены полностью и беспрекословно.

Прощание, как это бывает у добрых друзей, было грустным. Сашу здесь воспринимали уже как члена семьи. Присели, по русскому обычаю, перед дальней дорогой. Фрося приложила фартук к взмокшим глазам, подала узелок с пирожками.

Саша сидел в русской меховой шапке, в ладно подогнанном кадетском форменном полушубке и в своих ненецких кисах. Малицу хозяева оставили себе на память.

Крепкое мужское рукопожатие, добрые пожелания и наказания быть осторожным в дороге.

— Он такой простой и доверчивый! — вздыхала Фрося.

Никифор вынес баул с царскими подарками и дорожную сумку. Тройка лошадей ждала седока у подъезда.

Пока наш герой мчится с курьерской скоростью от станции до станции, сменяя лошадей, почти через всю Россию, Урал и Сибирь на Север Крайний, вернёмся к Крузенштернам. Они всю зиму вспоминали Сашу. Летом Павла Павловича откомандировали в Аральское пароходство. Здесь он, неугомонный и необычайно смелый человек, заболел. Смена климата, скитания по Северу напомнили о себе тяжёлым ревматизмом. Он не мог шевельнуть правой рукой.

Но стоило его старому товарищу прислать письмо о том, что тот с пароходом «Самарканд» потерпел аварию в Сыр-Дарье, как Павел Павлович поднял пары на поставленном на зимовку судне «Арал» и вышел на помощь. Он работал семнадцать суток по пояс в холодной воде вместе с матросами. Пароход был спасён, но здоровье Крузенштерна пошатнулось непоправимо. У него оказались повреждёнными лёгкие. Словно предчувствуя, что ему осталось немного жить, Павел Павлович помчался в родные края. В университетской клинике Юрьева (в Тарту) ему сделали операцию, которая прошла удачно. Но организм был надломлен.

Незадолго до смерти его произвели в чин капитан-лейтенанта. Он умер в тридцать семь лет, не успев увидеть присланный ему орден за поднятие «Самарканда».

Ранняя смерть сына тяжело ударила по сердцу отца. Он понимал: в этом есть и его вина. В отчаянии ему казалось, всё кончено, всё рухнуло — все планы и надежды передать свой богатый опыт сыну. И контр-адмирал П. И. Крузенштерн подаёт в отставку. Его освобождают от государственной службы в чине вице-адмирала.

Однако вернёмся к истории возвращения Саши. По накатанным снежным дорогам России он продвигался довольно быстро. На отдельных узловых станциях пассажиров скапливалось много, экипажей не хватало. Шум, крики, требования. Нашего седока пытались оттеснить в конец очереди. Поднаторевший ненец предъявлял свою «бумагу» с двуглавым орлом и гербовой печатью Министерства — с предписанием оказывать беспрепятственную помощь в скорейшем продвижении, — и станционные смотрители вставали во фрунт.

В Обдорске Сэйрё, минуя всех чиновников, пошёл к князю тундры Матвею Тайшину. Он знал, как и вся тундра, что Тайшин несколько лет назад тоже был приглашён в императорскую столицу, где был высочайше обласкан: жалован богатой одеждой, награждён вызолоченным кубком и грамотой за поимку организатора восстания ненцев Пауля Пиеттомина.

Сэйрё попросил упряжку лошадей — он успел привыкнуть к конным экипажам, — на что Матвей, криво усмехнувшись заявил:

— На лошадях катаются только князь и исправник, — и пообещал оленью упряжку, как только подойдут стада.

Убедившись, что «царская бумага» не действует в тундре, Саша достал незапечатанный конверт с письмом, написанным от его имени Павлом Павловичем Крузенштерном. Сейрё должен был только дописать фамилию чиновника, не подчинившегося министерскому документу.

Угроза столицы отрезвила князя, и «герой тундры» с большим запасом сена уехал в чум брата Сейча на лошадях.

Сейч надел царский подарок — кафтан, прицепил медаль и гордо поднял голову.

На другой день «тундровый телеграф» со скоростью ветра разнёс весть: «Сейч Сэротэтто царской грамотой назначен князем Ямальской тундры с правом собирать ясак и разбирать споры соплеменников». Зауважали Сейча и в администрации Обдорска. Он писал обдорскому участковому заседателю и получал положительные ответы. Переписку вёл Сэйрё.

С той поры в тундре забыли его истинное имя и стали звать Панданой, то есть «пишущий, грамотный». «Пандан» в переводе с ненецкого — «бумага».

Шкатулка

Пустые комнаты большого дома навевали тоску до умопомрачения. И, будучи уже немолодым человеком, Павел Иванович Крузенштерн отправляется в экспедицию.

На Северном Урале исследовал речку Сарт-Ю — приток Усы, и Лангот-юган — приток Оби, и нашёл, что они «представляют всевозможные в этой стране удобства для плавания». Только нужно соединить эти притоки двух рек каналом, который связал бы Европейский Север с Севером Сибирским. Но и этот проект его остался неосуществлённым. По итогам этих экспедиций он издал книгу «Путешествия П. И. Крузенштерна к Северному Уралу в 1874—1876 гг.», в которой помимо специальных тем по гидрографии приведены наблюдения автора экономического, этнографического и демографического характера, не утратившие интереса для науки и в наши дни.

Минуло десять лет после проводов Саши Сэротетто. Вспоминая сына и перелистывая в памяти все его северные экспедиции, Павел Иванович размышлял, как ему лично отблагодарить ямальских ненцев. Он взял шкатулку красного дерева, привезённую когда-то из кругосветки, положил в неё благодарственное

письмо, вложил в конверт своё месячное жалование и портреты царствующих особ: вниз — портрет молодой царицы Марии Александровны той поры, а сверху — портрет самого императора Александра II. Всё было продумано до мелочей. Если какой-нибудь вороватый злыдень позарится на шкатулку и откроет её, то наткнётся на строгий царский взгляд, а этого царя-батюшку в народе побаивались и уважали, особенно на окраинах империи.

Павел Иванович собрал объёмную продуктовую посылку: сахар-рафинад, сушки, шоколад, изюм и прочие сухофрукты, — он, старый северянин, знал, что не испортится в долгом пути. Написал адрес: «Ямальская тундра. Сейчу Сэротэтто».

В 1874 году, будучи проездом в Архангельске, он отдал посылку купцу, собирающему обоз с товаром, чтобы по первопутку отправиться в Обдорск на ярмарку. Крузенштерн убедил купца — Сейч Сэротэтто на ярмарке будет обязательно со своими мехами, рыбой и прочими дарами тундры, а если не он сам, то кто-нибудь из его богатого рода.

Сэротэтто давно восстановил поголовье стада. Он исправно собирал ясак и сдавал государевым приказчикам. Присутствовал на всех зимних ярмарках в Обдорске. Люто торговался с купцами. И вот однажды подошёл к нему русский купец и осведомился, он ли является Сейчем Сэротэтто. Тот гордо подтвердил своё имя — и получил на руки посылку. Сейч с гордостью прошёлся с посылкой по всем торговым рядам ярмарки, хвастаясь, что ему постоянно шлют посылки и письма из столицы. Этот проход добавил ему ещё больше авторитета, уважения и зависти.

В свой чум Сейч пригласил только брата. По-братски разделили содержимое посылки, заглянули в шкатулку, увидели строгий лик царя, и хозяин передал красивую вещицу жене, а та поспешно спрятала её в походный сундучок, где уже долгие годы хранился пергамент Павла Павловича Крузенштерна. Пандана медленно прочитал письмо по-русски, переводя каждое предложение на родной язык.

ОКАЙМЛЁННАЯ ГОРИЗОНТОМ

Я видел много мест в России,
А в сердце врезался Ямал.

Леонид Лапцуй

ЗАШТОПАННЫЙ САМОЛЁТ

Третий день с «командировкой» в кармане названиваю в аэропорт. Нелётная погода... Дни идут короткие, будто испуганные. Ненадолго покажется краешек солнца, полежит на снегу, как тлеющий уголёк, и погаснет. Лётного времени только пять часов.

В полдень послышался гул самолёта. Со всех концов села бегут пассажиры, ещё не зная, куда летит этот борт и сядет ли он здесь, а может быть, пролетит мимо на запасной аэродром.

Те, что вышли из аэропорта, гордясь своей осведомлённостью, докладывают: «Идёт самолёт рейсом в Мыс Каменный через Новый Порт». Мой рейс!

«Аннушка», для порядка, делает небольшой круг над лётным полем, как это может только АН-2, и идёт на снижение. Только заскользили её лыжи по снежному насту, как сильный порыв бокового ветра понес её вбок, на правый край полосы, прямо в прибрежный кустарник. От удара правым крылом самолёт развернуло, и он со звонким хрустом стал винтом молотить кусты.

Пилот выключил двигатель. Стихло. Первым выскочил штурман, за ним, прыгая прямо в снег, высыпали напуганные пассажиры — и бегом в аэропорт. Штурман обошёл машину. Внимательно осмотрел винт, крылья и махнул рукой, призывая зевак и пассажиров на помощь.

Во главе с начальником порта толпа бросилась к самолёту. Вытолкнули его на взлётно-посадочную полосу, развернули вдоль.

— Где у вас аптека? — спрашивает штурман.

— Пойдёмте, я покажу, — отозвался из толпы мальчишка.

Они быстро вернулись. Пилоты развернули коробочку лейкопластыря и заклеили прорванное крыло.

— Объявляй посадку! — скомандовал командир начальнику аэропорта.

Недоверчиво подхожу к «заштопанному» крылу. На нём белела свежая заплатка. А под зелёной краской — ещё не менее пяти и размером поболее свежей! Это успокоило, и я вошёл в самолёт.

Короткий разбег, «Аннушка» подпрыгивает, начинает набирать высоту. Сделала круг и легла на курс. Внизу толпа ещё долго не расходилась, переживая за пассажиров заштопанного самолёта.

Салон, до отказа заполненный посылочными ящиками, коробками и бумажными мешками с почтой, явно не был рассчитан на дополнительный живой груз. Вдоль борта — откидные металлические кресла. Салон не обогревается. Без внутренней утеплённой обшивки.

Сильный боковой ветер толкает старушку «Аннушку» в бок. Она что есть сил сопротивляется и гребёт винтами назначенным курсом. Кажется, она преодолевает не мирное воздушное пространство, а мечется между разрывами зенитных снарядов. Одним словом, болтает основательно.

Пассажиры изредка перекидываются ничего не значащими словами и потихоньку... замерзают. Две девчушки-студентки из Салехарда летят домой в Новый Порт. Съёжились, нахохлились, как воробушки зимой. Руки в рукава спрятали. Посмотрел на них бравый буровик в полушубке, унтах, меховых рукавицах — да как гаркнет:

— Командир! Тут две птахи «засыхают»! Растопил бы буржуйку!

Все вздрогнули и заулыбались. Командир открыл дверку кабины. Из неё потянуло теплом.

Самолёт накренился на левый борт, сделал круг и пошёл на посадку.

ФУРАЖКА

Заполярный аэродром. Поодаль, слева от взлётно-посадочной полосы, стоят в ряд три самолёта Ли-2 и два — Ан-2. Пристёгнутые к земле стальными растяжками за крылья и хвосты. Стоят раскрашенные, ну как деревенские петухи. Гребень и нос — красные, хвост — красный, крылья — тоже красные. Красный фосфоресцирующий цвет контура самолёта виден за десятки метров даже в самую лютую пургу. Это резерв арктической авиации. В своё время они возили грузы в Арктику, снабжая полярные экспедиции «Северный полюс».

Справа на аэродроме так же рядами, как распятые, пристёгнутые от шального ветра самолёты-трудяги: серые Ли-2 и зелёные «Аннушки». Зовут их столь нежно за кроткий нрав, трудолюбие, выносливость, неприхотливость и, главное — за верность хозяину. Даже бездыханная, с заглушим мотором, она спланирует и всё равно мягко приземлится...

Сегодня опять — уже третий день — нелётная погода. За окнами куролесит пурга. Небольшой зал столовой забит до отказа. Она занимает половину первого этажа двенадцатиквартирного брусового дома. Сверху — наземные службы аэродрома. Левая часть дома — гостиница пилотов.

Любители поспать отоспались за двое суток. После завтрака не ушли в свои комнаты, остались здесь: кто сыграть в преферанс, а кто послушать анекдоты и байки — фольклор северных пилотов.

— Иван Макарыч, Расскажи молодняку, как ты фуражку приморозил, — пристаёт один из технарей к командиру звена Ан-2.

Уж очень хочется ему потешить молодых летунов, только что прибывших на Север после лётного училища.

Иван Макарович отложил карты, осмотрел зал. Заметил новичков. Они сидят за одним столиком в дальнем углу зала: в новой форме, при галстуках, в фуражках с блестящими крылышками. Молча прислушиваются, приглядываются к бывалым северным асам.

— А ну, картёжники, освободите стол! Идите, ребятки, сюда, — пригласил он по-отечески мягко. — Проведём теоретические занятия.

Бывалые, не отрываясь от карт, усмехнулись, а новички несмело подходят и садятся к столу.

— А дело было так, — начал рассказ Иван Макарович. — Годы три назад прибыли к нам в эскадрилью по направлению, так же, как и вы, после училища молодые пилоты. Меня определили к ним наставником. Занимаюсь я с ними по полной программе. Аэродромные тренировки: взлёт — посадка, взлёт — посадка. Не получается у некоторых. В училище получалось, а здесь — нет! Всё дело в том, что в училище самолёты на колёсах, а на Севере — в «лапоточках», то бишь на лыжах.

Широкая и гладкая тундра зимой — в любом месте на лыжах сесть можно, а вот для колёс аэродромов на Севере ещё пока не настроили. Да и летать вам, братцы мои, придётся в такие места, где аэродромы и строить никогда не будут: к рыбакам в море на подлёдный лов, в стойбища к оленеводам и охотникам. Но это ещё не скоро. Два-три годика полетаете вторыми пилотами, а там, в зависимости от таланта и упорства, станете командирами.

— Ты им про фуражку, про фуражку расскажи! — не унимается старый технарь.

— А я про что? Про фуражку и рассказываю, — невозмутимо продолжает свой рассказ наставник. — Не получается у одного парня посадить самолёт между вешками — то вправо уйдёт, то влево. Измучился весь, вспотел, психовать начал. «Ладно, — говорю при

очередной посадке, — вот кладу на полосу свою фуражку, прокатиться по ней одной лыжей — зачёт приму». Трижды сажал он самолёт, и всё мимо...

— Макарыч, ты иди покури, остальное я расскажу, — опять вмешался в разговор технарь.

Иван Макарович надел висящую на стуле меховую куртку и вышел в тамбур перекурить.

— Да, мужики, повезло вам на инструктора! Вот такой мужик! — И он поднял большой палец. — Его парадный китель не поднять — весь в орденах и медалях. Сколько раз он летал на вырубку разных искателей приключений в Карское море, бывал и на льдинах экспедиций «СП». Да и здесь, в зале, — половина прошла через его кабину.

— Всё это хорошо, а фуражка-то при чём? — нетерпеливо спросил один из молодых.

— Ах да, фуражка... Так вот, выходит молодой из самолёта — от него пар столбом валит — и ворчит: «В училище взлёт — посадка, взлёт — посадка, и здесь то же самое! Сам бы попробовал на фуражку сесть». Следом за ним, заглушив двигатель, выходит Макарыч. Он как будто слышал ворчание молодого пилота, говорит ему: «Раззадорил ты меня, парень. Вот что. Я сейчас подниму машину в воздух, а ты клади свою фуражку прямо здесь, на краю полосы». Молодёжь поддержала озорную затею.

Ан-2 взмыл в небо. С первого же захода сел лыжей на фуражку и остановился как вкопанный.

— Вот это да! Вот это класс! — восторженно закричали новички и бросились под затихший самолёт — посмотреть: может быть, хоть козырёк видно?

Нет. Фуражки не было. Она вся под лыжей. Макарыч выдержал паузу — пусть успокоятся. Вышел, снял свою и надел на голову молодому:

— Ты уж извини, сынок, так получилось...

Улыбнулся и пошёл с лётного поля.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Как стрекозы тёплыми вечерами над тихим прудом, летают «Аннушки» в холодном северном небе Заполярья. Для них не существует проблем посадки: заснеженная ровная тундра — сплошной аэродром. Первоклассные пилоты с правом подбора площадки посадят самолёт и на стойбище оленеводов, и на окраине фактории, и на льду Обского моря, у рыбаков.

Лихие парни подобрались в полярной эскадрилье Мыса Каменного. Иначе и быть не может: Север в ускоренном темпе проверяет людей на прочность. Слабаки отсеиваются на первом году.

— Командир, надоела, смотрю, ребятам оленина. Нос воротят. Послал бы самолёт за рыбкой. Вон недалеко стоят рыбаки — каких-то пятьдесят километров, — просит заведующая столовой.

— Ладно! Будет тебе завтра рыба, — обещает комэска.

Сказано — сделано. Утром Ан-2 вылетает в море к рыбакам. Сели. Идут в балок. Лёд зеркальный и гладкий, как стекло, — снегу не за что зацепиться. И гонит его ветер на десятки километров к побережью.

— Вот где авторалли «Формула-1» проводить! — восхищается второй пилот, разгоняется и катится по льду, как мальчишка по замёрзшей луже.

— Будет тебе авторалли, если ветер усилится — самолёт не догонишь, — оглядывается командир.

Добродушные ездовые собаки молча вместе с рыбаками вышли на гул самолёта. Посмотрели и свернулись мохнатыми клубками на снегу у рыбацкой избушки, засунув под хвосты чёрные тёплые морды.

— Заходи, командир. Чайком побалуемся. А самолёт твой сейчас быстро ребята загрузят. Привычное дело.

Квадратный домик без окон. Вдоль стен широкие лавки в два яруса — место отдыха рыбаков. Посередине большой стол. На нём десятилинейная керосиновая лампа. Со стороны дверей — пристройка для упряжки собак, рыболовного инвентаря и нарты.

— А почему на вашем домике нету крыши? — спрашивает молодой пилот.

— Она нам как-то без надобности, — лукаво улыбаясь, объясняет бригадир. — Дождей у нас зимой на подлёдном лове не бывает. Видишь, четыре стены, пол и потолок — всё одного размера. Крепится болтами. Почувствуем, что лёд под домиком трещать начинает — не выдерживает тяжести нашей да снега, облепившего его со всех сторон, — парни гаечные ключи в руки — четверть часа, и домик разобран. Одни сугробы на том месте остаются. А мы — на новое место.

— Командир! Самолёт уносит в море, к широкой расщелине! — кричит с порога рыбак.

Все выскакивают из балка и бегут вдогонку за самолётом. Перепуганные собаки с лаем мчатся вслед.

«Аннушка», подхваченная сильным порывистым ветром под крылья-этажерки, медленно, потом быстрее и быстрее, как-то боком, покорно, не сопротивляясь, катилась вдаль, прямо к своей гибели — широкой расщелине во льдах. Вот одна лыжа соскользнула в воду, крыло, ударившись, легло на лёд. Новый порыв ветра — и вторая лыжа плюхнулась в воду.

Все остановились в растерянности. Молча глядят на расплывшийся на льду самолёт.

— Лапки моет, — не удержался от шутки остряк. И тут же умолк, наткнувшись на колючие взгляды друзей.

— Лапки-то надо быстрее вынимать, а то и замёрзнуть могут, — нарушил молчание бригадир. — Не ровён час, повернёт ветер с обратной стороны — сойдутся льды...

Командир молча, цепляясь за растяжки крыльев, забирается в кабину. Включил рацию. Доложил диспетчеру обстановку.

— Жди! Вылетаем на помощь! — отозвался диспетчер через небольшую паузу.

Подавленные случившимся, отворачиваясь от пронизывающего ветра, все спешат укрыться за стенами балка. Командир в кабине на связи... Долгим и утомительным кажется ожидание. Второй пилот поминутно выскакивает на мороз, принимая вой ветра за гул далёкого самолёта.

Но вот со стороны запада показалась маленькая точка. Курсом на море. К нам летит на выручку!

Ан-2 сделал пару кругов и сел с подветренной стороны расщелины. Прилетел командир звена — старый опытный полярник.

— Как же это тебя, старушка, угораздило? — похлопывая по крылу и оценивая обстановку, говорит он в раздумье.

— И на старуху бывает проруха, — тут же вставил своё словцо любитель прибауток.

Пилоты знали своё дело. Они подложили под приподнятое рыбаками крыло большой брезентовый мешок. То же самое — под второе крыло. Резко затрещал компрессор, мешки, наполняясь воздухом, подняли самолёт. И вот уже видны мокрые «лапки». Они выше уровня льда. Рыбаки подкладывают под них четыре бруса и боком стаскивают самолёт на лёд...

Грузить рыбой пришлось оба борта — не лететь же пилоту-инструктору порожняком.

...Обская сельдь — ряпушка на долгое время заняла почётное место в меню пилотов. Маринованной её подавали вместо салата, уха из ряпушки шла первым блюдом, ряпушка жареная — на второе. Несёт свой поднос с обедом очередной юморист — обязательно остановится, поклонится и елеинным голосом: «Спасибо тебе, друг, за рыбку золотую! Как здоровье твоей „Аннушки“? Не кашляет? Лапки-то, небось, сильно застудила?»

«Да пошёл ты!..» — незло огрызнётся командир «надводного корабля» под общий хохот. Долго ещё ребята донимали его, пока ряпушка в столовой не кончилась.

P. S. Между прочим, вся рыба комиссионно была принята, взвешена, оприходована столовой и оплачена Новопортовскому рыбзаводу.

ДЕРЖИ САМОЛЁТ ЗА ХВОСТ

В этот год весна была ранняя. Снег как-то незаметно исчез, обнажив светло-серые ягельники, но зелень ещё не проступила. Сверху видны широкие белые колеи — следы тракторных трасс. Они так утопаны тяжёлой техникой, что исчезнут только недели через две-три.

Зимние запасы в магазинах заканчиваются. Спецрейсы малой авиации проблемы не решают. Приближается Международный праздник трудящихся всего мира — Первое мая. В магазине нет не то что водки, даже спирта.

В эскадрилье идёт тихий ропот: как быть? Разведка доложила: на фактории Порц-Яха есть спирт. Оленеводческие бригады отоварились всем необходимым в райцентре и прошли на север, минуя эту факторию.

«А не послать ли нам гонца?» — заговорщицки-тихо был брошен клич в среде страждущих летунов. Собрали деньги, подготовили машину и снарядили двух самых отчаянных парней с правом выбора посадки. От Мыса Каменного на юг до Порц-Яха километров четыреста-пятьсот. А по воздуху и того меньше. Это для Ямала не расстояние.

Подлетают к пункту назначения... Снега вокруг нет. На Мысе он лежит ещё толстым слоем, а здесь, на юге полуострова, уже растаял. Лишь в тени домов и чумов посреди улицы остались жидкие полоски снега длиной метров пятьдесят.

После второго круга друзья, рискуя машиной и собственной жизнью, решили садиться. На самых низких оборотах двигателя плюхнулись в начале тракторной колеи. Оставшаяся часть — для

взлёта. Быстро загрузили ящики со спиртом, дали «инструктаж» местным мужикам-зевакам.

— Мужики! Держите самолёт за хвост, пока я не махну рукой, — скомандовал молодой командир.

Мужики, прибежавшие из домов и чумов посмотреть на самолёт, что едва не снёс крыши их домов, вцепились в хвост дрожащей в нуте машины и по команде отпустили, когда «Аннушка» набрала полные обороты. Она взмыла ввысь почти с места. Помахала в благодарность крылышками и растворилась в облаках.

...Маленький городок лётчиков гудел. Хриплый голос Володи Высоцкого заглушал доверительно-задушевный — Булата Окуджавы. Пилоты были спасены от «засухи» — они праздновали Первое мая.

ЦВЕТЫ ТУНДРЫ

Малица

Завтра мне предстоит впервые выехать в оленеводческие бригады. Всю ночь я не спал. Волновался. Как одеться, чтобы было тепло и не смешно? Что взять с собой из продуктов? Командировка предстояла на неделю.

Ранним утром в костюме полярника (тёплое китайское бельё, свитер, утеплённая куртка, овчинный полушубок, меховые ботинки, рукавицы-шубенки, шапка-ушанка) я предстал пред светлые очи своего редактора, показывая всем своим неуклюжим упакованным видом: «Сейчас мне сам чёрт не брат! Я — покоритель тундры, её пурги и морозов!»

Взглянул он на меня исподлобья, не отрываясь от текста очередной статьи, усмехнулся и молвил:

— Раздевайся. Упреешь. Нарты придут за тобой ближе к ночи. Всю верхнюю одежду, ботинки, шапку, рукавицы оставишь здесь. В таком одеянии ненцы в тундру не берут. «Тяжело шибко столько одежды возить», — говорят. Каюр сам тебя оденет. Он уже знает, кого ему в тундру везти.

Весь день я не находил покоя. Выглядывал в окно. Мимо проносились олени упряжки, но ни одна не останавливалась у дверей редакции. Вот уже шесть часов вечера. Все сотрудники разошлись по домам. Сижу один, да уборщица гремит вёдрами.

Наконец-то! Нарты останавливаются прямо под заснеженными окнами. Я поспешно надеваю шубу, рюкзак, рукавицы...

Входит молодой ненец с ворохом одежды из оленьих шкур. Бросает на пол:

— Надевай!

Быстро сбрасываю шубу, ботинки. Надеваю на ноги чижи — чулки до колен — тёплые, мягкие, лёгкие, из молоденького оленька — мехом внутрь. На них кисы — длинные, как резиновые сапоги-болотники, но аккуратные, узкие, лёгкие, со шнурками по бокам — к ремню-поясу привязывать. Внизу, выше щиколоток, — тесёмочки завязываются опять же, чтобы на ноге плотно сидели да снег не пропускали. Внутри кисов стельки из травы осоки, подошвы лобным мехом оленя подшиты. Надел, привязал, вдоль комнаты прошёлся, присел — красота! Куда там ботинкам!

— Шубу снимай, шапку снимай, рукавицы, — всё здесь оставляй, — советует каюр, улыбаясь. — Малицу надевай.

Перебираю шкурную одежду — подол ишу и надеваю малицу через голову, как девицы сарафан. Темно, где рукава — понять не могу. Повернул мой «кутюрье» конус меховушки вокруг моей оси — и я увидел белый свет через малое круглое окошечко капюшона, голова моя в него не проходила. Руки сами попали в рукава, а к ним рукавички мягкие пришиты с тыльной стороны. Надо что-то взять голыми руками — руку в рукав втянул и высунул мимо рукавички.

Выходим к нартам. Два полоза, три пары вертикальных колок и три поперечных тонких перекладины... И на этой «этажерке», прости господи, мне предстоит за неделю исколесить пятьсот-шестьсот километров по тундре...

На нартах лежат две толстые оленьи шубы — «гусь» почему-то называются. Их надевают поверх малицы, когда уж совсем холодно или пурга в пути застанет. Здесь же две пары меховых сапог из зимней шкуры старого оленя — тоборы. О них вспоминают, как и о гусе, в экстремальных зимних условиях.

Усаживаемся, примеряем свои габариты к скамейке нарт, размером-то, поди, две на четыре табуретки. Сначала я сажусь

верхом позади каюра, как, бывало, в детстве вдвоём со старшим братом на одной лошади верхом катались. Неудобно. Малица колоколом вверх ушла — глаза закрыла. Смеётся Вануси над новичком. Подвёл меня к нартам спиной и толкнул. Растянулся я на нартах — олени вздрогнули, копытами перебирают. Взял он меня за капюшон и посадил. Сам спиной ко мне сел. Ногу левую на полоз поставил для устойчивости, правую вдоль нарт вытянул. Я же сижу как на скамейке, вытянув ноги. Да любой мужик и на полу-то пяти минут не просидит в такой чисто женской позе...

— Держись! — крикнул каюр, взметнул длинным хореем; олени так резко рванули с места, что я едва не остался дома.

Исчезли последние огоньки, заснеженные крыши домов окраины села. Я мчусь в неведомое пространство...

Новое созвездие

— Хой, хой! — вновь покрикивает на оленей каюр. Правой рукой он держит длинный тонкий шест — хорей.левой — возжечку. Она привязана к уздечке коренника — самого сильного и опытного оленя в упряжке. Остальные три могут быть и новичками. Их-то чаще всего и щекочет по крупу хорей.

Чтобы не травмировать оленя, на тонкий конец хорей приклеивают или пришпиливают кружок, отпиленный от рога. Хорей по своей конструкции похож на кий бильярда — так же склеен из нескольких клиньев прямослойной древесины.

Летом стада оленей, спасаясь от гнуса, выходят на южный берег Карского моря. На побережье такие завалы выброшенных морем брёвен, что хватило бы загрузить не один железнодорожный состав. Лес этот — добыча Оби с Иртышом, собирающих дань с малых рек и речушек.

Пока олени наслаждаются горько-солёной морской водой, заживают в ней раны самой распространённой в тундре

болезни — копытки, оленеводы заняты обработкой бесхозной древесины. Они раскалывают прямослойные брёвна вдоль на отдельные бруски, строгают их до заданной толщины. Готовят нарты, стойки для чумов, хореи и прочих необходимый в хозяйстве кочевника инвентарь.

Воспроизведение в памяти моих скудных познаний быта, многовекового уклада и традиций коренных жителей тундры прервала неожиданная остановка упряжки. Как бы очнувшись, я посмотрел на горизонт — его не было видно. Всё вокруг в серой пелене...

Каюр встал. С трудом поднялся и я. Ноги с непривычки затекли и были словно ватные. Перед нами стоит во весь рост огромная буровая вышка. На разных уровнях её высоты горят яркие электрические огни, напоминая полярное созвездие Большой Медведицы. Огни горят на всех буровых, как ориентиры для вертолётчиков. Мой юный друг принял их в беспросветной ночи за созвездие и... заблудился.

От нашего села до этой буровой девяносто километров. Значит, до стойбища будет ещё километров пятьдесят.

— Ты в чуме про вышку не рассказывай, — просит смущенный каюр.

Я понимающе кивнул.

— Садись — скомандовал он. Развернул упряжку резко влево, и олени вновь понесли нас в беспросветную ночь, в глубину тундры.

Нарты летят по снежной глади, лишь иногда касаясь поверхности. Впечатление такое, будто ты мчишься на быстроходной плоскодонной моторной лодке по мелкой ряби волн прошедшего мимо теплохода. Ритмика лёгкого взлёта и падения укачивает, клонит ко сну. Не смей спать! Иначе свалишься с нарт, а олень и не заметит потери...

Нарты на рогах

Резкий неожиданный удар локтем в бок — и я... в глубоком снегу. Слышу костяной звон рогов. Путаюсь в длинной малице, пытаюсь встать. Не ощутив тверди под ногами, заваливаюсь набок. Озираюсь вокруг. Олени утонули в глубоком снегу — одни рога торчат, а на них наши нарты. Вануси пытается снять их с четырёх пар ветвистых рогов. Перепуганные олени крутят головами, усложняя его попытки.

Он меня спас, столкнув с нарт. Иначе бы я въехал спиной на острые рожки.

Наконец-то нарты поставлены. Уложена и привязана наша «спецодежда», мой рюкзак. Не выпуская возжечки из рук, каюр вытаскивает меня за шиворот из снежного плена и велит катиться на боку на тот берег. Стоял, смотрел, пока я не выбрался на твердое место.

— Стой здесь. Я скоро вернусь, — и повёл упряжку по рыхлому снегу вдоль реки, пока не скрылся из виду.

Оказалось — резко повернув у буровой, мы пошли наперерез маршруту движения оленьих стад и попали в речку. А реки на Ямале особенные — словно каналы. Нет ни высоких, ни отлогих берегов. Со временем вода протаивает вечную мерзлоту и опускается всё ниже и ниже, оставляя крутые берега. Зимой эти речки-каналы задувает, и лишь рыхлый снег напоминает о русле реки.

Бесконечно долго тянется время. Вокруг пустота. Ни звука, ни шороха. Сонливость улетучилась. Скучно. Вдали показалась чёрная точка. Вот она растёт, увеличивается. Уже различимы покачивающиеся в ритме бега ветви рогов. Олени бегут во всю прыть, оставляя за собой клубы пара. Остановились около меня. Дышат тяжело. Языки наружу. Устали.

Олени, как и собаки, не потеют от усталости через кожу. Они выделяют пот через язык. Эта биологическая особенность, видимо, и позволяет им переносить сильные морозы Заполярья.

— Испугался? Думал, не приеду? — улыбается Вануси своими узенькими щёлочками глаз.

Дальше мы ехали без особых приключений. Размеренный бег оленей, лёгкое скольжение нарт по снежному насту усыпляют бдительность. Я полуприлёг на бок, привалившись плечом к спине каюра. Подтянул ноги под малицу, вынул руки из её рукавов — одним словом, уютно устроился. Уже не смотрю на уходящий след, однообразный пейзаж тундры. Прикрыл глаза. Ночь была на исходе. Хотелось спать. Да и последняя стоянка располагала ко сну.

Чувствую, олени замедлили бег. Нарты стало сильно трясти и раскачивать с боку на бок. То они неожиданно и стремительно дёргаются вперёд, как бы пытаясь выскользнуть из-под меня, то медленно скатываются в сторону. Сажусь прямо. Напрягся. Ухватился за края нарт. Пытаюсь понять. Огляделся.

Весь снег вокруг был перепахан неровными бороздами, словно какой-то пьяный крестьянин на столь же пьяной кобыле прошёлся плугом по заснеженной тундре. Это прошли дальше на север стада оленей. Ветры ещё не успели восстановить, засыпать, отшлифовать поверхность, чтобы придать ей нормальный вид.

Мой молчаливый попутчик остановил упряжку. Встал. Достал смотанный в кольцо тынзян (аркан для ловли оленей) и крепко привязал меня к себе — обмотал вокруг пояса, и мы сидели на нартах как сиамские близнецы, спина к спине, чтоб я не потерялся, — и погнал упряжку уже более осторожно и не спеша.

Чум

Единственно, что удручало меня в этой поездке, — безмолвие... Я жалел бездарно потерянное время. Всю длинную дорогу мне хотелось поговорить со своим попутчиком, о многом его расспросить. Но как можно разговаривать с человеком, сидящим к тебе спиной, да при этом у обоих плотные капюшоны наподобие

шлемофонов? На коротких стоянках отдыха оленей я задавал ему вопросы, но они, видимо, были настолько элементарны, что мой Вануси — Ваня, как я тут же договорился его называть, только улыбался узкими щёлочками глаз и говорил:

— Вот приедем на стойбище, там со стариками и поговоришь.

Нарты преодолели вспаханную оленьим стадом широкую полосу заснеженной тундры и легко заскользили по гладкому насту. Послышался лай собак. Три мохнатых пса увязались за нартами, пытаюсь схватить меня за ноги. Упряжка неслась быстрее — и псы, как бы оправдываясь: «Не очень-то и хотелось!» — отстали и вернулись к своим прямым обязанностям — подгонять отставших от стада оленей, чтобы те не попали на обед волчьей стае.

Упряжка остановилась. Приехали, однако. Стойбище бригады оленеводов. Стоят три чума.

— Иди в чум, грейся, — посылает меня Вануси, распрягая оленей. — Нет, я с тобой...

Он подал мне рюкзак, взял с нарт всю нашу запасную одежду, откинул нюк (дверь в чум), я за ним.

— Ань тарово! — бодро приветствовал я хозяев, в душе гордясь познанием местного языка.

— Ань тарово! — прохрипел в ответ старческий голос.

Полумрак давил. Я невольно присел на корточки. В центре — очаг. Покрытые сединой пепла, догорали угли. От входа до противоположной стороны — шест, привязанный к стойкам чума. Он разделяет его на две половины. Я зашёл вслед за Вануси в правую половину — значит, я его гость.

Снимаем верхнюю одежду и обувь, вешаем на горизонтальный шест-перекладину, окончательно отгораживаемся от левой половины, где сидят старик со старухой.

Молодая хозяйка подбрасывает в очаг сухой хворост и выходит из чума. Возвращается с полным чайником мелко колотого льда. Вешает его на крюк, висящий всё с той же перекладкины.

Языки пламени в яростной пляске вспыхнувшего хвороста принялись облизывать бока враз вспотевшего чайника.

Тундровые ненцы (есть и оседлые, живущие в посёлках) выбирают места для стойбищ вблизи водоёмов. Это и понятно. Зимой они и не пытаются рубить проруби. Бесполезно. Мелководные речки промерзают до дна, а глубокие озёра покрываются трёхметровым слоем льда. Поэтому рубят лёд и запасают его большими кусками впрок.

Жена Вануси поставила к очагу низенький столик. Разложила на нём сухари, сахар-рафинад, сушки-баранки. Поставила глубокую миску с каким-то чёрным холодцом. Разливает чай по эмалированным кружкам. Никакой лишней посуды — ложек, вилок, ножей. Приглашает нас двоих к столу.

Я никак не могу сесть к низкому столу как они — ноги калачиком. Гнездилися и так, и эдак — не получается. Встал на колени и присел на пятки. Мне удобно, но я в этой позе возвышаюсь над хозяевами — нескромно... Ташу к себе рюкзак. Достāju булку хлеба — она напоминает кусок льда. Даже хрусталики сверкают в свете керосиновой лампы. Улыбается хозяин. Сухари подвигает. Выкладываю на стол все свои припасы. Всё замёрзло!

— Пей чай, кусай сахар, бери сушку, — угощает хозяин.

— Попробуйте вафли, — предлагаю я в свою очередь единственный доступный зубам продукт.

— Панера! (Фанера!) — сказал он, и мы все засмеялись над его шуткой.

Затем хозяева стали макать кусочки в миску и смачно жевать, приглашая и меня.

— Что это?

— Кровь олешка. Попробуй, вкусно!

Я вежливо отказался. Это для меня было ещё слишком необычно.

Вскоре после этого я спокойно ел всю тундровую пищу. И айбат — мороженое оленьё мясо, и строганину — мороженого

муксуна, и малосол — свежую рыбу, порезанную на кусочки, засыпанную крупной солью. Поболтаешь её деревянной ложкой в глубокой миске минут пятнадцать — и за уши не оттащить. Кровь оленю не пил, но кусочком макал. И должен вам доложить — вкусно! Если ещё подсолить немного.

Кочевая жизнь в суровых условиях Заполярья приучила этот маленький народ довольствоваться самым необходимым. Набор продуктов питания можно пересчитать по пальцам. Основу составляют оленьё мясо и рыба. Из завозных: соль, чай, сахар, сушка, масло. Тушёнка и стужёнка — это уже деликатес. Но к этому малому ассортименту у ненцев повышенные требования, продиктованные природой и кочевым образом жизни. Так, соль-лизунец для оленей должна быть монолитными кусками. Соль пищевая — непременно крупная, ею лучше засаливать рыбу и мясо, чем мелкой. Сахар — только крупный рафинад. Песок быстро набирает влагу. Чай — только плиточный и чёрный. Его легче хранить, и он от влаги не плесневеет.

Несоблюдение поставщиками этих требований приводит к крупным скандалам. Разрешением их приходилось подчас заниматься не только районному, но и окружному, а подчас и областному руководству.

Сухари для оленеводов выпекали местные пекарни два раза в год: весной — когда бригады со стадами идут на север к морю, и осенью — перед переходом через Обь по льду в лесотундру.

...Ложимся спать. Головой под своды чума, ногами — в центр, к очагу. Хозяйка постелила мне гусь, под голову положила малицу, а на неё — ещё пахнущую кислым хлебом после недавней выделки мягкую шкуру молодого оленя. Я завернул голову в мягкий чистый мех и моментально отключился.

Утро года

Раннее утро. Апрель. Утро — не начало дня, в нашем представлении, понимании. Апрель — это утро года. На Ямале совсем другое исчисление времени. Апрель, май, июнь — утро, рассвет после полярной ночи. Июль, август, сентябрь — день, когда солнце вообще не заходит за горизонт. Октябрь и ноябрь — вечерние сумерки, преддверие длинной полярной ночи. И, наконец, ночь: декабрь, январь, февраль, март. В этот период освещают тундру яркие звёзды северного полушария, луна да радужные переливы северного сияния.

Солнце ещё не обладало своей лучезарной улыбкой землю Заполярья. Оно катается вокруг нашего шарика под названием Земля где-то ниже горизонта. Но его лучи уже освещают повесенному голубое небо и, отражаясь, заливают всё вокруг полупрозрачным ультрамарином.

В рассеянном свете плывут, колышутся, как васильки в июле, опушённые мягким мехом отрастающие рожки оленей. Местный поэт назвал их «цветами тундры». Меткий образ. Действительно, похоже на громадный луг, поросший васильками или незабудками, играющими с ветром.

Олени вокруг повсюду — насколько хватает глаз. Их тысячи...

— Две.

— Чего две? — не понял я.

— Две тысячи оленей в нашем стаде, — спокойно сказал Вануси.

Я не слышал, как он подошёл.

— Смотрю, — говорит, — стоишь. То ли любишься, то ли оленей считаешь. Вот и решил помочь тебе. — Улыбнулся лукаво и хотел уйти.

— Постой, Ваня. Давай присядем на нарты. Расскажи-ка ты мне про оленеводство.

— А что тут рассказывать? Сам всё видишь. В нашем Ярсалинском совхозе четырнадцать бригад. Все стада идут параллельно.

Пастухи их не гонят, а идут вслед за ними. И лишь следят, чтобы стадо не сбилось с маршрута, не вытоптало пастбище соседней бригады. Вот и вся мудрость пастуха.

Нет, не всю мудрость раскрыл мне молодой пастух. Да и может ли он знать, охватить умом и глазом весь полуостров с его стадами. Долго, по крупичам собирал я знание об оленеводстве на Ямале. Беседовал с зоотехниками, ветврачами, старыми опытными оленеводами. Дальше по снегам идут стада к побережью Байдаракской губы, на свежие ветры Карского моря. Переход труден, небезопасен для стад, длится он больше месяца.

Не напрасно апрель ненцы называют «утро года». В стадах начинается массовый растёл важенок — маток. Для пастухов и зооветспециалистов наступает тревожная и ответственная пора. Слишком много врагов у маленьких оленят: и волк, и песец, и полярная сова, и гололедица. Не пробить неокрепшим копытцем лёд, не добыть вкусный ягель.

Идут стада. Вслед за ними идёт весна. Тает снег. В руслах многочисленных рек, ручейков, впадин снег становится кашицей. А стадам надо преодолеть эту злую купель. Олени в страхе теснятся, под ними трещат, прогибаются и проламываются вешние льды. Вот тут-то, промокнув до ушек, и становятся неокрепшие перегонные оленята «лёгочниками». На страже их здоровья — зоотехники, ветврачи

Через месяц-два появятся гнус, овод. Они тоже наносят оленеводству огромный вред.

...Пролетело короткое лето. Идут с дальних ягельников умножившиеся круторогие и упитанные стада в обратную сторону, совершив переход в пятьсот-восемьсот километров. И так из года в год, из столетия в столетие. И вряд ли цивилизация XXI века что-либо изменит. В чумах появятся мобильные телефоны вместо громоздких раций на сухих батарейках, телевизоры... Но путь оленей, каление останется вечным — так заложила природа-матушка. А с ней спорить — только себе во вред.

ФЕНОМЕН ТУНДРЫ

Домашний северный олень, как и его дикие сородичи, всё своё время проводит на свежем воздухе. Зимой, когда в тундре не в меру свежее, кто угодно почувствует себя неуютно в пятидесятиградусный мороз на ветру, да ещё в полярную ночь.

Кто угодно, только не северный олень. У него отменная «спецодежда», специалисты по синтетическим волокнам с завистью присматриваются к его экипировке. Если использовать особенность оленьего меха, то люди, возможно, перестанут зябнуть в синтетических шубах и куртках. Олений мех обладает и другим завидным качеством: зимой кончики волосков как бы разбухают, утолщаются, и мех становится монолитной броней, которую не может одолеть свирепый ветер, дующий против шерсти.

Летом, как известно, одежда оленя скромнее, но и она заставляет животное изнывать от жары. Он норовит прилечь на нерастаявший снег, окунуться в ледяную воду.

Оленя кормят ноги, но они не обогреваются интенсивным кровообращением. Зимой температура его ног падает ниже плюс десяти. И всё-таки олень ноги не протягивает. Секрет в химических свойствах ткани. Так, температура плавления жира его задней ноги понижается от бедра к копыту от 45 до 10 градусов. Конечно, дело не только в этом, но и в физиологии всего организма. А тут множество диковинных черт. Одна из самых полезных — феноменальная устойчивость оленя к солевому голоду.

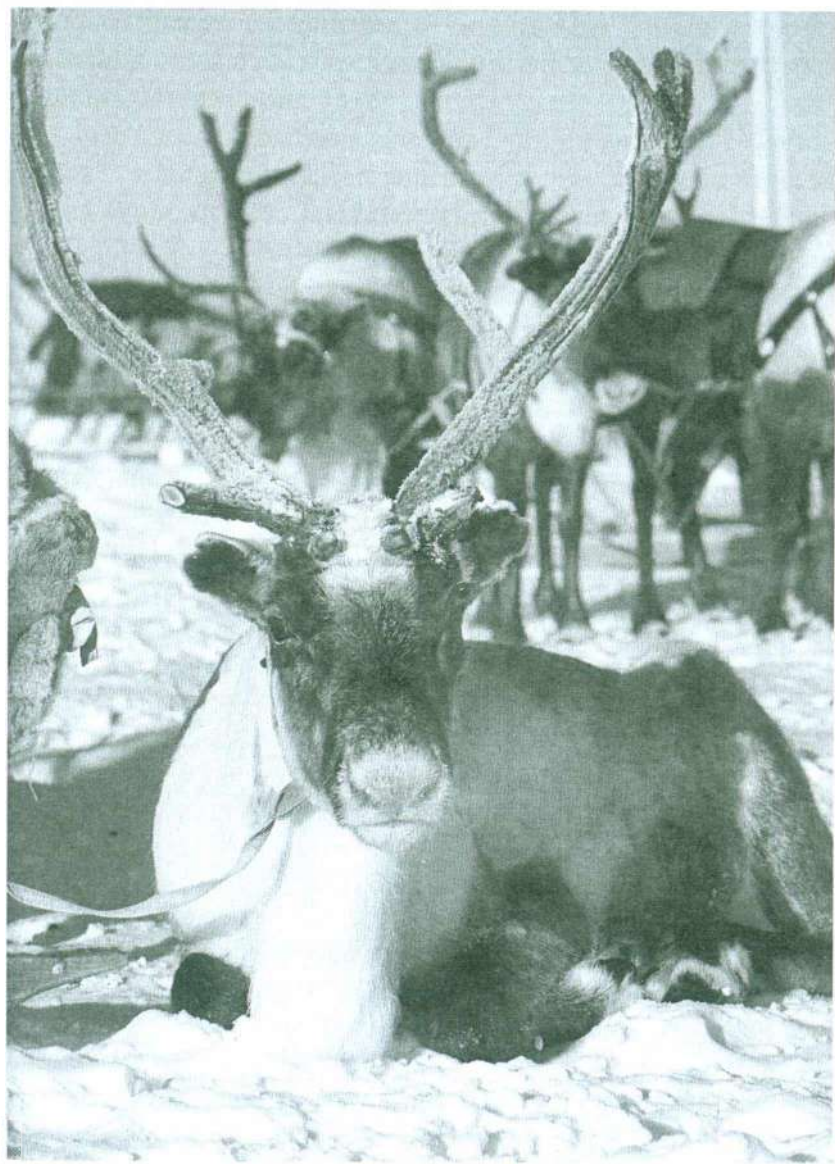
Подумать только — нескончаемую полярную зиму сидеть на диете из снега и ягеля, которые природа не удосужилась посолить! Поэтому олень заблаговременно, ещё летом, запасается

минеральными солями. Чтобы выжить, он идёт на всё: лижет морскую пену на побережье, ловит и съедает полярных мышей — леммингов. Зимой не хватает не только соли. Приходится жить впроголодь, и организм тратит все резервы, вплоть до того, что олень «съедает» пятую часть своих мышц!

Парнокопытные родственники северного оленя обходятся двумя лёгкими, а он зачем-то обзавёлся третьей долей лёгкого. Раньше думали, что она помогает оленю во время быстрого бега по снежной целине. Но оказалось, что на бегу он потребляет только в семь раз больше кислорода, чем в полном покое, тогда как человеку, например, во время бега надо в 10-14 раз больше кислорода. Выходит, чтобы скрыться от хищников, северному оленю хватило бы и двух лёгких. Значит, «третье дыхание» понадобилось ему по другой причине. И похоже, что её нашли: третья доля лёгкого — это дополнительная печка, согревающая оленя изнутри.

А другую загадку пока ещё не разрешили. Когда олени бегут по тундре, слышится лёгкое, как бы электрическое, потрескивание. Оленеводы называют это явление «звоном». Каково происхождение «звона», достоверно ещё не известно, хотя по этому поводу создано немало предположений.

...Когда оленёнок появляется на свет, его ждёт не тёплый коловник, а стужа: лежит он в сугробе снега. Важенка долго и тщательно вылизывает новорождённого, чтобы он не заledenел. Но вот уже через пять часов оленёнок встаёт, начинает ходить и... бегать. Новорождённый вступил в суровую, полную испытаний, но всё же прекрасную жизнь.



Феномен тундры

ЛЮДА-МИЛА

Приехала на Ямал в школу-десятилетку по распределению из Омска молодая учительница Людмила Николаевна. Смелая, веселая, общительная. Организатор всех школьных мероприятий, она всколыхнула спокойный уклад коллектива. Её избрали секретарём комсомольской организации. А через год райком комсомола назначает её инструктором по работе среди молодёжи коренной национальности.

А где эта молодёжь? Конечно, в тундре! Людмиле Николаевне предстояло часто бывать в стойбищах оленеводов, у рыбаков на подлёдном промысле, охотников на дальних стойбищах.

И вот её первая командировка в тундру. Пришла за ней упряжка оленей. Каюром — всей тундры комсомольский секретарь Мягочи Худи. Спецодежду с собой привёз. Да не знал он, бедолага, что инструктор-то девушка! А то бы лёгкую, праздничную, расшитую орнаментом женскую ягушку привёз. Одевали её в большую мужскую малицу и обувь всем аппаратом райкома. Смеху и визгу было... Перед зеркалом повертелась — не без этого. Одним словом — поехали.

Гонит-подгоняет оленей молодой каюр. Душа поёт. Ещё бы: аркае-начальник (большой начальник) — за спиной сидит! Красивый начальник.

А Людочка действительно была красавицей Белокурая, русая. Глазищи большие, голубые, распахнутые на мир с интересом и любовью. От них исходил какой-то мерцающий свет. Всегда улыбчивая, говорунья, непоседа. Все в неё были влюблены. А ненцы её звали как-то нежно, нараспев — «Люда-мила»,

что приводило её в неопиcуемый восторг. Она громко при этом смеялась и от удовольствия хлопала в ладоши. И на работе своим сотрудникам говорила:

— Не зовите меня больше по отчеству. Я как услышу «Николаевна», так сразу скучно становится, я чувствую себя строгой старой учительницей. А я не хочу быть старой и строгой, — при этом капризно в шутку надувала губки и топала ножкой. — Зовите меня по-ненецки — «Люда-мила»! — она нежно растягивала последнее слово и заливалась своим заразительным смехом.

...Осталась позади половина расстояния до первого стойбища оленеводов. Легко летят, взлетая на волнах пере́метов снега, нарты. Крепко вцепилась в них Люда руками, прижимая себя к сиденью. Окоченели руки. Она втянула их в рукава малицы. Растирает.

По неписаным законам тундры, каюр, когда едет не один, всю дорогу покачивается взад-вперёд, чтобы чувствовать спиной пассажира.

Но здесь не тот случай! Застенчивый молодой вожак молодёжи смущён — не осмеливается прикоснуться к девушке даже спиной.

Олени почувствовали дымки родного стойбища, прибавили прыти. Небольшой трамплин — нарты взмывают вверх и в мягком скольжении приземляются, но... уже без Людочки уносятся вдаль.

— Нарты выскользнули из-под меня при взлёте, — рассказывала после она. — Я как сидела на нартах, так в той же позе и села в снег. Даже не ушиблась и не успела испугаться. Так это мгновенно произошло. Пыталась обернуться, посмотреть, где же нарты, — не могу, мешает капюшон. Пытаясь подняться — падаю, наступив на длинный подол мужской малицы. Всё же извернулась и посмотрела в ту сторону, куда умчались нарты, — никого! Я осталась одна посреди зимней тундры в полярной ночи... С собой ничего нет — всё нарты увезли. Упала я в снег, свернулась калачиком внутри громадной шубы, сшитой колоколом, и заплакала от своей

беспомощности. О волках почему-то подумалось — какая же я для них лёгкая добыча! Маму вспомнила...

Сколько времени я так лежала, плакала — не помню. Кажется, даже уснула. Слышу, снег скрипит — кто-то ходит вокруг. Я сжалась в комок. Ну, всё, думаю, пришёл мой конец.

— Люда-мила, ты живая, не замёрзла?

Это же мой Мягочи! Спихватился он лишь на ближайшей стоянке для отдыха оленей. И тут же развернул нарты обратно. Только около меня он дал оленям отдохнуть. Меня же крепко привязал к себе, как и положено возить по тундре новичков.

...На комсомольских конференциях подходили к ней более смелые молодые ненцы и дразнили: «Увезу тебя я в тундру!» А она смеялась: «Ага, чтоб опять потерять в снегу?» — «А мы тебя к нартам крепко привяжем!»

Над Мягочи Худи долго ещё в тундре смеялись: «Как это ты умудрился аркае-начальника потерять? Такую девушку не удержал!»

А Люда-мила вскоре вышла замуж за красавца с Украины Петю Пантелейчука — секретаря райкома комсомола. Была весёлая комсомольская свадьба с катанием на оленьих упряжках. Олени были украшены цветными лентами, и выглядело это намного наряднее, чем кортеж современных свадебных иномарок.

Людмила с Петром живут давно и счастливо. Вспоминают молодость, прошедшую на Ямале.

АВКА

Проснулась Обь-матушка. Освободилась от тяжкого груза льдов. Пошли тяжёлые баржи, побежали быстроходные почтовые катера. Понеслась над широкой гладью музыка с пассажирских теплоходов. Звонким эхом отражаются звуки большой реки от высокого мыса посёлка Салемал.

Сидит на берегу старый оленевод, провожает тусклым взглядом пароходы и жизнь свою длинную перебирает. Сокрушается. Впервые со стадами в тундру не ушёл. Ноги шибко болят.

Вот катер к берегу причалил. Много молодых парней на берег высыпало с рюкзаками одинаковыми, в форме зелёной, нашивки на рукавах и на груди. А на спине большими буквами «Одесса» написано. Студенты, однако.

В посёлке, где стоит чум старика Парангуя, парни начали строить большую больницу. Всё лето строили, быстро стены вырастали. Пришла пора уезжать домой, к Тёплому морю, снова учиться пора, а у больницы ещё нет крыши. После обеда студенты вывесили написанный на целом листе фанеры приказ. Сами себе приказали: «Закончить крышу к утру!»

«Ладно ли написали? — сомневается старый оленевод. — Много ещё работы! Сделают ли за одну ночь?»

Всю ночь звенели топоры, визжали пилы, гремели листы шифера...

Приковылял утром дедушка, опираясь на палочку, посмотреть: закончили ли парни с Тёплого моря крышу, как обещали, или только похвастались?

Смотрит, а здание больницы ещё белее стало от крутоскатной шиферной крыши. В лучах утреннего солнца стоят студенты, любуются работой своей. А один под самой крышей опять лист фанеры прибивает. Теперь кроме букв ещё и рисунок. Сидит на брёвнышке заяц. Заложил ногу на ногу. Один глаз хитро прищурил, улыбается, трубку курит. А внизу слова написаны: «Заяц трепаться не любит, сказано — сделано!»

Смеётся Ирике Парангуй, а сам нетерпеливо в дальнюю тундру всматривается. Оттуда внучата должны привести полуторагодовалого Авку.

Авками ненцы называют оленьих сирот. Случится — погибнет матка, и останется тогда маленький оленёнок без молока, без присмотра, всему стаду чужой. Тогда берут его люди в чум. Греют и вскармливают. Из Авки получается совсем-совсем домашний олень. Как домашняя собачка, ходит за людьми, ест человеческую пищу, спит в чуме, играет с детьми.

Вот такого оленя, теперь уже взрослого, ушедшего этой весной со стадом, и решил старик подарить парням с Тёплого моря. Пусть они везут его с собой, пусть вспоминают тундру и старого Парангуя. А в посёлке долго-долго о них не забудут. Здесь останется новая светлая больница.

Подарит им Авку и скажет:

— Не было у ненцев роднее и вернее друга, чем олень. Олень спас, согрел, вскормил маленький мой народ. Можете поцеловать моего Авку в самое зеркальце носа. Можете съесть с ним солёный кусочек хлеба. Он чист и здоров, мой ямальский олень!

— Ведут! Ведут! — закричали поселковые ребяташки.

Внуки старого оленевода ведут Авку. На оленя навьючены два мешка ягеля — корм родной тундры на дальнюю дорогу.

Студенческий отряд выстроился на прощальную линейку. На непослушных ногах вывел Ирике Парангуй перед молодым строем своего любимца Авку и сказал длинную речь, что прошлой ночью придумал. Поцеловал Авку на прощание. Прослезился.

Потом погрузили Авку на катер.

Повезут его студенты к Тёплому морю.

И вскоре Ирике Парангуй получит от них письмо:

«...В Лабытнангах начальник станции долго не разрешал нам погрузить Авку на поезд. Тогда мы сказали ему:

— Товарищ начальник! Нам подарили его ненцы. Мы построили им больницу, а они нам подарили оленя.

Начальник станции потёр свою лысину, потрогал усы и вызвал начальника поезда. Вдвоем они нашли в поезде нерабочий тамбур, и вздрогнул наш северянин от первого паровозного гудка. Вскоре Авкин тамбур стал самым весёлым и обитаемым местом в поезде. Пассажиры несли ему белые булки, дети угощали его конфетами, печеньем и яблоками. Авка поедал всё и до Москвы растолстел так, что едва помещался в тамбуре.

Однажды он остановил поезд. Поддел отростком рога стопкран, попытался освободиться и сорвал его с пломбы. Начальник поезда грозился срезать ему пилою рога „за хулиганство на транспорте“, но потом пожалел. Некрасивый будет олень.

...В Москве, когда мы вывели Авку из тамбура, очень испугался дежурный милиционер. Растерявшись, он пронзительно засвистел в свисток. Авка ещё сильнее испугался и со страху немного испортил московский перрон. Милиционер рассердился и хотел нас оштрафовать. Но мы снова сказали:

— Это Авка. Нам подарили его ненцы. Мы построили им больницу, а они подарили нам оленя.

Милиционер отдал Авке честь, штрафовать нас не стал, а только велел убрать с перрона авкин „испуг“.

Нелегко пришлось везти оленя в нарядных больших поездах, но, когда мы говорили начальникам в погонах и без погон о том, что нам его подарили ненцы, люди добрели, гладили его и улыбались, и Авка-безбилетник по-прежнему ехал к Тёплому морю.

...У нас в институте был митинг. Девушки-студентки украсили Авкину шею и рожки венками из южных цветов. Так, в цветах, и отправился Авка в наш городской зоопарк.

Живёт он там хорошо, свободно разгуливает по зоопарку. Дети постоянно угощают его чем-нибудь вкусным и с удовольствием рассказывают приезжим туристам:

— Это северный олень Авка. Его подарили нашему городу ненцы...

Авке нравятся Тёплое море, наши звонкие чайки, вкусные фрукты. И только когда подуют северные ветры, становится Авка тревожным и беспокойным. Он вытягивает шею, стрижёт-перебирает ушами и что-то всё слушает, слушает... Потом вдруг задрожат его чуткие ноздри, и нюхает, нюхает Авка. Может, доносят до него северные ветры запахи родной тундры, по которой осенней порой бродят его сородичи?

...Напишите, Ирике Парангуй, как ваши ноги? Приехал ли доктор? Работает ли ваша больница?

Ваши парни с Тёплого моря
(Тридцать шесть подписей)».

ПО ОЛЕНЬЕМУ СЛЕДУ

...Осколками разбитого зеркала бликует озёра, тень вертолёта пересекает причудливо извивающиеся речки. Нигде, до самого горизонта, ни жилища, ни дорог, ни следов деятельности человека. От однообразия пейзажа взгляд замыливается. Мысли понесли в обратную сторону, будоража память. Всплыли картины первых дней прибытия на Крайний Север.

Мы, молодые супруги, подхваченные ветром перемен, на крыльях романтики летели в дальние края за счастьем и судьбой. Приземлившись в заполярный Ямальский район, получили жильё. Третьим членом нашей семьи была печка-каменка. Мы любили её, обнимали, ласкали ладошками в морозные дни и ночи. Вначале она не восприняла нас всерьёз — пыталась выкурить едким дымом и была права: мы старались разогреть её сырыми осиновыми дровами. Свалили нам под окно три осиновых бревна. Кора на них тонкая, ярко-зелёная, живая, словно вчера ещё на этих деревьях трепыхались листочки. Мы учились добывать тепло для домашнего очага. Одолжили у соседей пилу и, по принципу «тяни к себе и отдай товарищу», принялись пилить. Новое ремесло всегда даётся с трудом и сопровождается слезами или смехом. Мы смеялись над собой и оглядывались — не смеются ли над нашим неумением.

Сегодня я, по заданию редактора, впервые лечу на десять дней в оленеводческие бригады.

...Мерный гул двигателей и лёгкая дрожь салона вертолёта убаюкивали, смежались веки... Очнулся от нахлынувших воспоминаний, когда борт как-то резко накренился. Выглянул в иллюминатор — внизу стойбище из нескольких чумов. В дверях кабины

пилотов стоит Юрий Георгиевич Кеерт. Он показывает штурману на карте, где следует приземлиться, чтобы высадить пассажиров.

Первой вышла молоденькая неночка с первенцем на руках. Я живо представил, как сейчас в чуме женщина распеленает ребёнка, приданое, подаренное роддомом, уберёт и использует на хозяйственные нужды, а младенца завернёт в мягкую шкурку оленёнка, предварительно подложив пучок сухого мха. Мох гидроскопичен и является хорошим антисептиком. Многовековой опыт аборигенов Крайнего Севера успешно использовался в госпиталях при дефиците ваты.

Мы ещё два или три раза садились в стойбищах, высаживали оленеводов, вернувшихся из посёлков. И наконец нас осталось только трое: я, молодой зоотехник и представитель районной власти из местных ненцев — Енсу Павлович Вануйто.

Я взглядом спрашиваю Кеерта: «Когда же ты, Юрий Георгиевич, высадишь нас на эту необитаемую землю?» Он подсел ко мне и закричал в ухо с прежней лукавой улыбкой — свистящий звук работающих турбин не располагал к душевной беседе:

— Ты летишь вместе с весной на север. Смотри в окно — как только увидишь кромку снега, так в ближайшем стойбище и сядем. А пока весна бежит впереди нашей «лопоухой авиации».

Я откровенно люблюсь им. Красавец мужчина. Тонкий профиль, гусарские усики, молодцеватая стать, интеллигент питерского воспитания. Он по распределению был направлен на Ямал после окончания Ленинградского ветеринарного института — «конно-балетной академии», как в шутку он называл свою альма-матер, — и назначен главным ветврачом районного управления сельского хозяйства. Мы дружили семьями. Он часто с восхищением рассказывал о встречах в тундре с интересными, самобытными и мудрыми людьми, любящими оленей, знающими природу и вековые традиции местного населения. За время длительных кочевий со стадами ему пришлось побывать во всех уголках Ямальского полуострова: на факториях Усть-Юрибей, Морды-Яха, Тамбей, Дровяной, на



Воздушный извозчик

полярной станции Мара-Сале, полярной станции острова Белый, на острове Литке, куда в 1862 году после гибели шхуны «Ермак» вышли русские матросы с командиром Павлом Крузенштерном и были спасены от голода и холода богатым оленеводом Сейчем Сэротэтто. Юрий Георгиевич оставил следы своих резиновых сапог фабрики «Красный треугольник» на южном берегу Карского моря.

Я всегда слушал его рассказы, что называется, с раскрытым ртом и просил отправить меня в тундру с кем-нибудь из специалистов — один в первый раз я не решался. И вот представился такой случай.

Кеерт вернулся к пилотам. Я взглянул на часы — летим уже три часа. Накануне Юрий Георгиевич показал мне на карте маршрут движения нашей комплексной бригады зооветспециалистов. Нас высадят в стойбище отстающей в движении на север оленеводческой бригады. Отстающая не значит плохая — на пути её каслания слишком много природных препятствий: не освободившихся ото льда многочисленных речек и озёр. Стада идут с апрельским приплодом, и форсирование ледяных купелей всегда сопровождается массовыми простудными заболеваниями ещё не окрепших оленят. Я ловлю себя на мысли, что с подачи Ю. Г. Кеерта начинаю разбираться в основах оленеводства.

Наконец борт резко накренился и, сотрясаясь всей железной утробой, пошёл на посадку.

Всё немногочисленное население высыпало нам навстречу. Я ступил на твердь какого-то незнакомого континента. Женщины и мужчины одеты в шкуры оленей. На их лицах не было ни восторга, ни удивления — только интерес: кто прилетел и зачем? Вануйто в двух словах объяснил хозяевам, и бригадир Худи Някочи пригласил нас в чум на чашку чая.

Ненцы остаются язычниками. Не смогли миссионеры навязать им христианство. Остяков, вогунов, зырян обратили в православную веру, а ямальцы умело разбегались по тундре и тем самым сохранили свою неповторимую этнокультуру.

После обильного чаепития я отправился побродить по окрестностям. Вокруг голая равнина — ни спрятаться, ни «присесть», ушёл километра за два. Сегодня первый день тепла, солнышко прогревает освободившуюся от снега землю, над её поверхностью лёгкое, зыбкое марево испарений вечной мерзлоты. И в Заполярье пришла весна! Солнце с середины мая не заходит, а катится колесом по горизонту, как бы извиняясь за долгомесячное отсутствие. Боже! Какая чудесная погода! Воздух хрустальный, так и пил бы его бесконечно.

Наша бригада пополнилась ещё двумя зоотехниками, их привезли из соседнего стойбища мои спутники. Спать легли очень поздно. Я укутал голову мягкой шкуркой оленёнка, пахнувшей кислым хлебом и приятно щекочущим лицо мехом, и провалился в глубокий сон.

Сегодня воскресенье — выходной день, а здесь — в стадах — выходных не бывает. Погода резко испортилась. С утра густой туман, на озёрах дико кричат птицы — их пугает отсутствие видимости. К полудню сильный ветер разогнал туман и принёс тяжёлые тучи. Пастухи ловят оленей для упряжек. В шесть часов вечера выезжаем в следующую по маршруту бригаду.

Енсу Павлович уговаривает меня остаться — дорога предстоит очень трудная. Я возражаю:

— Мне за несколько дней командировки необходимо посетить максимальное количество оленеводов.

Надел меховые чулки зоотехника, на них — резиновые сапоги бригадира — и вперёд!

Дорога действительно оказалась сложнее, чем я мог предположить. Дорога... какая здесь дорога?! В тундре вообще нет дорог, есть лишь направления, и у каждого — своё. Погода скверная, сильный ветер, на траве изморозь. Сверху свинцовое низкое небо, внизу — хлябь господня. Я в курточке и тонких брюках — на дворе ведь календарное лето! Как же ты меня обмануло, северное лето... Первобытный холод облил спину, кольнул в поясницу, забрался

под воротник да там и остался. Я попросил Всевышнего сделать хоть на полтора градуса теплее обычного. Он ничего твёрдо мне не обещал. Пушкина, кстати, вспомнил: «Наше северное лето — карикатура южных зим».

Олени бегут то по воде, так что нарты заливают, то бредут по брюху в мокрой снежной каше. На пригорке показался одинокий чум и рядом трое запряжённых нарт: это бригадир уехал раньше и приготовил горячий крепкий чай для обогрева и смену упряжек.

Мой каюр, взглянув на меня, предупреждает, что дальше дорога будет ещё сложнее, уговаривает остаться в чуме. Я непреклонен. Наскоро пьём чай и снова в путь. На мою нарту положили лодку, в неё усадили меня; упряжку поставили в конец колонны и привязали к предыдущей нарте, опасаясь, что я отстану и потеряюсь в тундре. Олени буквально бредут по воде, а мне сухо! Даже если потонут нарты, я в лодке останусь на плаву! Сижу, радуюсь такой прекрасной мысли. И только погода портит настроение. Я весь дрожу от холода, а впереди ещё многие километры. Вспомнил напутственные подбадривающие слова редактора: «Тундра летом — это же дом отдыха!» Посмотрел бы он сейчас на меня, как я здесь «отдыхаю под палящими лучами у южного побережья Карского моря!»

Пытаюсь отвлечься от замороженного состояния, смотрю по сторонам. На озёрах черно от уток, по берегам важно вышагивают гуси и бегают кулики. Вблизи от нарт пробегают любопытные куропатки. Остановятся, посмотрят удивлённо и побежали дальше. Вот где охотничий рай! Птица спокойная, непуганая.

Подъехали к речке. Она быстрая и глубокая. Один из моих спутников переплывает на лодке и бросает нам верёвку. Её натягивают и переплавляют упряжки с пустыми нартами, затем на лодке перевозят нас. И снова впереди бескрайняя тундра. Ехать предстоит ещё сутки. Замёрз окончательно.

В четыре часа ночи неожиданно показалось стойбище из четырёх чумов. Обычно ненцы ставят три чума, четвёртый был

поставлен для нас, «путешественников». Внезапное появление тепла было для меня приятным сюрпризом — ведь мы ехали всего десять часов, а меня пугали сутками. В чуме Сенгани пьём крепкий чай. Не могу согреться — зубы выбивают мелкую дробь по эмалированной кружке. Наконец падаю на приготовленную постель из толстых оленьих шкур, на меня набрасывают ягушки — женские шубы, постепенно согреваюсь и засыпаю...

Спали долго. Народу набилось в чум под завязку. После чая в бригаде началось всеобщее оживление: пастухи ловят и запрягают оленей, женщины разбирают чумы и грузят амгари¹ на нарты — собираемся каслать на новое место, дальше на север, в следующие бригады.

День немного разгулялся. Яркое солнце, белые облака, голубое, словно выстиранное, небо. Наконец, всё уложено на нарты, и мы аргишем — длинным караваном, — с мобильным жилищем и нехитрым скарбом аборигенов, снова в пути.

Дорога лучше, чем вчера. Снега здесь ещё много. Едем напрямик через реки и озёра. Лёд толстый, крепкий, с голубоватым оттенком. Весна ещё не докатилась до середины Ямала. Ветер с Карского моря грудью упирается — не пускает весну в Заполярье. Олени не любят весеннюю распутицу, пытаются по снегу выйти к морю. За стадами, едва поспевая менять стойбища, спешат бригады оленеводов.

Ехали два часа. К вечеру на высоком сухом холме облюбовали место для стойбища. Женщины сноровисто установили чумы, выстелили на утоптанном снегу толстые оленьи шкуры, разложили амгари, и стойбище обрело вид населённого пункта в миниатюре. Вануйто уехал в соседнее стадо за ветврачом и фельдшером. Обещал к ночи вернуться.

На нарте лежит маленький оленёнок. Ему, наверное, от роду дней десять. Он дрожит от холодного ветра. Я прижался лицом

¹ Амгари — вещи, имущество.

к его мягкой пушистой шёрстке. Но вот его снимают с нарты и начинают душить... Какая ужасная картина! Тут же на снегу сдирают с него шкуру и едят тёплое сырое мясо, запивая горячей кровью. По утверждению учёных, занимающихся северным оленеводством, в ста граммах сырого мяса оленя содержится суточная потребность человека в витаминах.

Мы не вправе осуждать обычаи своих соседей.

Пищевой набор наших кочевников невелик. Сухари, чай плиточный, сушки, масло сливочное, соль, сахар, сгущёнка. Всё остальное даёт им олень. А также в рацион иногда попадает птица и рыба из местных озёр и речек.

В девять часов вечера пьём чай. На ночь хозяйка варит мясо и заправляет лапшой. Ненцы обычно завтракают, обед отдают врагу, ужин едят сами, а потом целый день полощут кишки чаем. Ко сну отходят очень поздно, иногда далеко за полночь, словно господа аристократы, и так же поздно встают. Подобный режим дня и у детей. В три часа ночи ложимся спать.

Поднялся сильный ветер. Под его натиском зашатался чум, но устоял. Сквозь сон слышу — вернулся из соседней бригады Енсу Павлович, с ним две женщины: молоденькая мировая девушка-фельдшер и ветврач Маша Талеева. Наш ковчег сразу заполнился девичьим смехом и щебетанием. Сна как не бывало.

Достаю блокнот, смотрю на свои часы и записываю время нашего часового меридиана. Зачем? Здесь, за Полярным кругом, совершенно другое времяисчисление. Здесь забываешь общепринятые понятия: утро, день, вечер, ночь, сутки, недели... Четыре месяца длится полярный день. Солнце, как бы извиняясь перед тундровиками за восемь месяцев беспросветной полярной ночи, сутками не покидает северян.

Четвертый день моего «отдыха». С утра и весь день воет ветер, поднимая жуткую метель. В такую погоду отправляться в тундру опасно.

Девятый час вечера, а за тонкими стенами чума, не умолкая, воет ветер, нагоняя какую-то пешёрную тоску. Здесь, видимо, никогда не бывает благоприятных времён года. А так хочется тепла, жаркого солнышка...

«Гуси потянулись на север — бабы полетели на юг!» — вспомнилась фраза местного остролова. И действительно, давно сложилась традиция у северян: уезжать в льготный отпуск один раз в два года. В одно лето выезжают первые руководители, на второй год — их заместители. Женщины с детишками отдыхают на юге каждое лето. Вспомнился случай, рассказанный моей знакомой. «Выхожу, — говорит, — из самолёта со своим несмышлёнышем. Он как увидел траву — на весь аэропорт закричал: „Мама! Смотри, какой зелёный снег!“ Пассажиры взглянули на него с улыбкой, а на меня — с осуждением».

Вчера к ночи разбушевался настоящий буран — в трёх шагах ничего не видно. Всю ночь ветер бил в тонкие стены нашего жилища и, казалось, вот-вот опрокинет и всех нас накроет жердями и толстыми тяжёлыми шкурами. Стараясь заглушить первобытный страх перед стихией, читаю журналы, режемся в карты и много смеёмся. Смех весёлым не назовёшь — он какой-то истеричный. Здесь я узнал разницу между позёмкой, метелью, бураном и пургой. По этим явлениям природы оленевод планирует свои действия на ближайшие дни.

По ночам слышим гул реактивных самолётов. Странно. Реактивная авиация — и древний, ровесник египетских пирамид, чум. В Египте — пирамиды, в России — конусы. И разницы-то в геометрических фигурах. В пирамидах лежат мощи фараонов, в вечной мерзлоте тундры — мощи мамонтов. Пирамиды вскрыли в поисках золота, тундру тоже вскрыли и тоже нашли золото, только чёрное и голубое, и меняем его на золото жёлтое...

Какие только мысли ни приходят в бессонные ночи!

И всё-таки ненецкое жилище, чум, — самое удобное и оптимальное в условиях тундры. Конструкция его выверена веками.

Она предельно проста, в ней нет ничего лишнего, а все детали незаменимы. Чум собирают из 25—40 (иногда из 50) шестов, составляют их по кругу на утрамбованном снегу, сверху скрепляют ремнём три шеста и на них кладут все остальные. Остов покрывается четырьмя нюками-покрышками, каждая сшита примерно из пяти десятков шкур оленей — и всё, пристанище тундровика готово. Кстати, на всё про всё уходит меньше часа. Пока мужчины ловят и запрягают оленей, женщины разбирают жильё и укладывают на нарты. На новом месте мужчины распрягают, женщины устанавливают чум.

Следует отдать должное женщинам тундры. Место бывшей стоянки чума принято оставлять чистым. Как только уложат на нарты части чума и вещи, они подбирают всякий мусор и сжигают его. Этот обычай связан с представлением о том, что сразу после откочёвки людей на чумовище появляется дух Мядинда, который собирает всё то, что было оставлено, и может через эти предметы причинить вред уехавшим людям. Считалось особенно опасным оставлять волосы или остриженные ногти.

Вход в чум никогда не смотрит назад, только вперёд, только в будущее! При установке чума, конечно же, учитывается направление господствующих ветров. У ненцев насчитывается более тридцати типов и наименований чумов по конкретной необходимости.

«Четвёртый день пурга качается над Диксоном, — напеваю популярную грустную песенку и добавляю: — И над Ямалом тоже». Пьём чай и до одурения играем в карты. Буран взял наше стойбище в осаду — не даёт возможности выехать в следующие бригады. Затопили печь, варим кашу, весь дым в чуме — закрыли верхнее отверстие, чтобы не уходило тепло. Очуметь можно, и на улицу не выскочишь — с ног валит. Ненки, не обращая внимания на нашу нервозность, спокойно занимаются рукоделием, мужчины выстругивают заготовки для нарт. Хозяин бытовую утварь делает своими руками. В чуме ничего покупного, за исключением

посуды. При изготовлении нарт, столика, лодки использует самодельные ножи и свёрла. И что самое удивительное — нарты сработаны без единого гвоздя, а какие нагрузки выдерживают, особенно летом по голой земле!

У каждого хозяина несколько видов нарт. Нам с Машей всегда запрягали легковые нарты. На таких бригадир обычно едет впереди аргиша подбирать место для становища, а пастухи группируют стадо, подгоняя отставших и отбившихся оленей.

Есть специальные женские нарты. Они отличаются от мужских большей площадью сидения и наличием помимо задней ещё и боковой стенки у сидения. Это необходимо, потому что женщины часто ездят с детьми.

Каждая семья тундровика имеет и грузовые нарты двух основных видов. Одни из них по конструкции похожа на легковую, у них дощатый настил и стенки со всех сторон. Они более прочные, массивные, грубой отделки и служат для перевозки и хранения продуктов, части одежды, постельных принадлежностей и прочей меховой утвари, не употребляемой в данный период времени. Часто зимние вещи, плотно укрытые и увязанные на этих нартах, оставляют на лето в тундре, на местах летних кочевий, или отправляют родственникам в посёлок. Если они возятся с собой, то тоже остаются у чума не распакованными.

Вторая разновидность грузовых нарт отличается от первой мобильностью и ещё большей грузоподъёмностью и также имеет различное назначение: нарты для перевозки шестов чума и предметов домашнего обихода, на других перевозят нюк — покрытие чума, также постельные принадлежности и продукты. Когда бригада, допустим, из трёх чумов, переезжает на другое стойбище, то вытягивается довольно длинный аргиш — караван из упряжек.

Буран успокоился через трое суток. Солнце, словно отполированное жёстким снегом, сияет ослепительно. Возможно, ненцы поэтому такие узкоглазые — постоянно вынужденные щуриться от бликующего разноцветными искрами снега.

Все трое суток стадо лежало под снегом. Как только начинает тянуть позёмка, предвестница пурги, олень ложится и безмятежно пережёвывает свою жвачку. Его заносит снегом, и лишь ветвистая голова торчит над снежным холмиком. То же самое происходит, когда пурга внезапно застаёт упряжку вдали от стойбища. Каюр надевает поверх малицы гусь — шубу из меха зимнего оленя, на кисы — тоборы из того же меха и ложится между оленями, предварительно положив хорей в направлении своего маршрута. Эта вынужденная остановка в зимней тундре называется «куропаткин чум».

В тот же час, невзирая на время суток, как установилась погода, в стойбище все оживились и стали собираться в дорогу. Хозяйка накормила нас варёной утятинной. Наученный горьким опытом, я надел Машину малицу, а она, закалённая тундрой, — мою курточку. Машка правит упряжкой, а я лаю. В полном смысле этого слова — лаю. Олени бегут плохо, и чтобы нагнать на них страх, Машка приказала мне лаять, а сама тычет хореем оленям в крупы. Так вот и едем. Обхохочешься. Не слушаются олени, не боятся — лай не лай.

— Маша, — обращаюсь к бывалой подруге, — а зачем ты заставляешь меня лаять? Это что — розыгрыш новичка в тундре?

— Какой там розыгрыш! — огрызнулась Машка. — Ты слышал, чтобы на стойбище лаяли собаки? Нет? Так знай: оленогонные собаки не лают попусту, их так воспитали, чтобы не пугали оленей. Они лают, взвизгивают и рычат вдали от стада, когда бегут всей сворой навстречу волку. Гонят его и призывают пастуха с ружьём. Стадо, услышав лай собак, в страхе срывается с места и летит напропалую вперёд. Тебя я просила лаять, рычать так, словно волки гонятся за нами. — И Машка громко рассмеялась.

Я тоже хихикнул, восторгаясь мудростью тундровиков, но лаять перестал.

Дорога не утомительная. Тепло. Тихо. На озёрах полно уток. Первую речку переплыли на оленях без лодки. Вторую — на лодке.

Как и прежде, вначале переплывают олени с пустыми нартами рядом с протянутой верёвкой, затем — мы на лодке. Я хотел было скинуть с себя малицу: если, думаю, лодка перевернётся, то в этой тяжёлой шубе не выплыть, — но каюр не позволил: сиди, говорит, в лодке и не дыши.

Довольно близко на пригорке показались конусы чумов, вроде рукой подать, но не тут-то было. Мы попали в низину, сплошь залитую водой. Нарты стало подмачивать под самое сиденье. Около часа мы выбирались из водного плена. И только в пять часов утра прибыли в стойбище. Пьём чай и ложимся спать. Я влезаю в тёплый гусь, сверху меня укрывают ягушками, постепенно засыпаю.

В полдень меня будят. Оказывается, собираются каслать. Спать хочется... Поднялся страшный ветер, небо нахмурилось. Торчим на ветру, пока ловят и запрягают оленей, разбирают чумы и укладывают амгари. Меня поражает тишина происходящих сборов. Тундра не любит шума и суеты. Я на минуту представил переезд деревенской семьи: сколько было бы шума, крика, команд, матерков, советов соседей и общей суеты...

Мне очень нравятся маленькие оленята. Такие хорошенькие, доверчивые, всё время бегают около своих мамок, сосут энергично и так забавно кричат, когда не могут найти свою мамку. Они привязались к людям, выпрашивают хлеб, едят прямо из рук и лежат в чум, спасаясь от гнуса, спят вместе с людьми.

В пути были всего час. И вот мы уже на новом месте. Оленеводы по пути с юга на север Ямала делают около двадцати пяти перекочёвок, останавливаясь в стойбищах всего на два-три дня, за редким исключением дольше, лишь по вине погоды. Летом здесь, наверное, хорошо. Рядом озеро. Виктор, зоотехник, стреляет уток на ужин, мы с Марией помогаем устанавливать чумы, переносим в них постели и свои вещи.

Забивают оленя. Ненцы тут же, на земле, переворачивают тушу на спину, вспарывают брюхо, вынимают внутренности.

В брюшной полости скапливается кровь. В неё кидают крупные куски мяса и немного подсаливают. Все родственники от мала до велика с ножами в руках садятся вокруг туши, и начинается пир. Берут руками окровавленный кусок, зажимают зубами и у самой нижней губы взмахом снизу отрезают то, что зажато зубами. Получается так ловко и сноровисто, что диву даёшься, как губу ножом не отхватят. Обратил внимание, что ножи у них только с правой заточкой.

Вечером и нас накормили свежим, но варёным мясом. По этому случаю пускаю последний запас спирта. Пьём по паре рюмочек. Долго не можем уснуть. Мы окончательно выбились из нормального биоритма: ночью кочуем, улавливая приятную погоду, а спим днём в ненастье.

Встали в полдень. Нас огорчили — снова собираются каслать, а так с непривычки тяжело. Снова придётся торчать на ветру. Ветер по-прежнему сильный. Ночью лужи подёрнуло ледком. К нашей радости, каслать не будем, просто переставим чумы, освободим удобное место для кораля — загона оленей. Зоотехники будут ставить прививки.

Всю ночь выл страшный ветер, срывал и хлопал крышками чума. Валил мокрый снег, временами лил холодный дождь. До полудня валяемся в постели. Днём погода установилась нормальная, и всё население стойбища устремилось к коралю, готовятся к вакцинации оленей. Женщины встали в полукруг у кораля — не дают животным разбежаться, пастухи гоняют стадо вокруг становища, разрезая его, и броском тынзяна на рога ловят очередного оленя и валят его на землю. Подходит зоотехник со шприцем и ставит укол. Только сейчас я понял необходимость нескольких зоовет-специалистов в одном стаде. Сложно себе представить, сколько времени понадобилось бы одному специалисту на обработку двух тысяч рогатых голов в одной бригаде. А бригад двенадцать.

Поставили варить котёл мяса. Меня определили в кашевары. Никак не могу растопить печь. Хозяйка увидела отсутствие дыма

над чумом, покинула оцепление, прибежала, молча моментально вздула огонь и вернулась в строй. В печи загудело, в котле заклокотало, и я вышел на улицу. Рядом играют ребятишки. Те, что постарше, гоняются за малышами и, подражая взрослым, кидают на них тынзян. Так вот и происходит преемственность навыков — от отцов детям. Вся жизнь их с раннего детства связана с оленем.

Олень для ненца — основа жизни. Они неразделимы. Они не часть природы, а сама природа. Олень — это продукты питания, одежда, тепло жилища, круглогодичный вид транспорта.

Уставшая, но довольная проделанной работой, бригада специалистов ввалилась в чум. Сбросили малицы и, свернув ноги калачиком, уселись вокруг котла. Ели приготовленный мною компромиссный русско-ненецкий суп. Я, по-русски, опустил в котёл две банки рассольника, а хозяйка, по-ненецки, заправила наше варево затирухой из муки. Недовольных ужином, на радость повара, не оказалось. После обильного чаепития все завалились спать.

Мы с Машей долго не можем уснуть: кто-то храпит, кто-то кашляет... Я понял причину своей бессонницы. В тундре работают не по часам, а по погоде, тем более что здесь нет ни восхода, ни заката, а есть благоприятная для работы погода и погода для работы только в пределах чума. Я так и не смог привыкнуть к тундровому ритму жизни — мои биологические часы дали сбой во времени.

Сегодня последний день моей командировки. Завтра за нами должен прилететь вертолёт. Лежим с Марией под тёплыми шкурами, нежимся. Ненцы уже чаёвничают. Времени около девяти. Енсу Павлович пьёт чай со вкусом: прихлебывает из блюдца, охает, ахает, чмокает, и под конец трапезы у него начинается шумная отрыжка — это означает, по обычаям тундры, что гость сыт по горло и благодарен хлебосольным хозяевам.

Все жители нашей небольшой деревни, как и вчера, продолжают обрабатывать стадо. Маша воспользовалась отсутствием в чуме посторонних, устроила себе баню. Какое счастье, что она появилась рядом во время моей командировки! Быт, нравы,

обычаи тундровиков мною были бы осознаны не до конца без пояснений моей боевой подруги. И всё-таки она чудака. Своими выходками часто приводила меня в смущение. Ей ничего не стоило объявить в чуме, что пошла по большой или малой нужде — так она предупреждает всех, чтобы никто не выходил, пока она не вернётся. Я в мягкой форме выговаривал ей.

— А ты хотел, чтоб я за два километра от чума бегала, как некоторые?

Я имел неосторожность рассказать во время ночных хохотушек о первой встрече с тундрой.

— Охамела я здесь, ты прав, — сказала она с грустью. Но тут же встрепенулась, — грусть и раскаяние не в её характере: — Вот прилетим домой, в посёлок, попарюсь в баньке, надену свой лучший костюм, сотворю лихой причесон, прихвачу коньячку и явлюсь к вам в редакцию под вечерок, и побеседуем мы с вами, сударь, на тему «А помнишь...?», и попохочем всласть!

У ненцев, между прочим, существуют свои правила естественного поведения. Проблемой любого нетундровика может стать поиск туалета на ровной, безлесой поверхности тундры. Стойбища, как правило, располагаются на возвышенности, и на некотором расстоянии от них всегда есть низины или овраги. Это как раз те места, которые вам понадобятся. В светлое время суток мужчины идут за чум, в противоположную сторону от входа, а женщины — в другом направлении. С наступлением темноты можно далеко не ходить. Естественные нужды воспринимаются ненцами именно как естественные, не нарушающие хода жизни природы, а потому и не оскорбительны.

Весь день выстояла хорошая солнечная погода, а к вечеру налетели тучи и полил дождь. Всю ночь крупные капли, словно град, барабанили по покрову чума. Моё спасение от бессонницы — блокнот. Пишу на ощупь в темноте.

Сегодня должен прилететь за нами вертолёт. Прилетит ли? Встали рано, сразу на улицу — туман, предвестник ясной погоды.

К полудню он рассеялся, но осталась низкая облачность. Нелётная погода. Снова придётся ночевать здесь. Так надоела зависимость от погоды!

Уже половина четвёртого, а вертолёт всё нет. Вероятно, сегодня уже не будет. А день разгулялся! Голубое, безоблачное небо! Пошли с Машей побродить по окрестностям, а заодно насобирать полмешка ягеля для исследования по заказу института. На озере утки плавают, на нас никакого внимания — идиллия! И вдруг рванул холодный ветер. Стало зябко и неудобно... И почему в тундре всё случается вдруг? Тундра почему-то всегда полна неожиданностей.

Весь день, не спеша, собираемся к переезду на новое место, с тайной надеждой на прилёт вертолёта. Выехали в восемь часов вечера. Мы с Машей опять на одной упряжке. В пути три часа. Остановились на очень высоком, красивом месте. Умеют аборигены места выбирать. А может быть, это точки их постоянных стоянок при перекочёвках? И только нам кажутся случайными?

Мы с Машей помогли установить жилища на ночлег и отправились осматривать хальмер — местное кладбище. Вокруг него мягкий, тёмно-зелёный вперемешку со светлым, словно мраморный, нетронутый мох, так и хочется побегать по нему босиком и поваляться. На земле на угловых подпорках стоят прямоугольные ящики с захоронениями. К паре вертикальных планок, находящихся в головах покойного, прикреплена горизонтальная рейка, на ней подвешен колокольчик. Один гроб сооружён из лодки и такой же лодкой прикрыт. Большинство детских захоронений. В разрушенных временах «гробах» видны истлевшие вещи, которыми покойный пользовался при жизни: оленья сбруя, ножи, перевёрнутые нарты и прочие предметы, необходимые в потустороннем мире. На детских могилах лежат куклы, игрушки. На женских — предметы домашнего обихода.

Впечатление хальмер произвёл тягостное. Эту картину я, наверное, никогда не забуду: одинокий высокий холм среди

бескрайних просторов тундры. На нём полтора десятка захоронений, а вокруг неприбранные черепа, кости... Ветер поёт с колокольчиком печальную детскую песенку.

Возвращаясь в стойбище, я вспомнил необычный гроб из лодок и рассказ Ю. Г. Кеерта о том, что ненцы, по своему обычаю, тонущих собратьев не спасают. Они никогда не купаются, даже в тёплой воде. А русский мужик не упустит возможности искупаться в море, даже если оно Карское, хотя бы для того, чтобы записать строкой в свою биографию. «Как-то мы с Н. Д. Кугаевским, — рассказывал Кеерт, — вышли со стадами на побережье. Олени опрометью кинулись в море и принялись слизывать солёную пену. Мы, глядя на них, разделись и нырнули „в набежавшую волну“. Море выстрелило нас дуплетом. С какой космической скоростью мы вернулись на берег, засекая секундомером, к сожалению, было некому. Мы кричали, ругались, грозили кулаками морю за его негостеприимство так, что олени в недоумении уставились на нас и удивились, впервые увидев двух голых мужиков». Он так интересно и в подробностях рассказывал этот эпизод из своей, полной приключений, жизни, что мы, смеясь, долго не могли успокоиться.

В чум вернулись далеко за полночь. Спать не хочется. Пора белых ночей. Хозяйка поворчала на нас за посещение хальмера и предупредила, чтобы ничего не брали с могил, особенно бусы. О святая простота! Как могла она подумать, что мы позаримся на эти «сокровища»!

Ненцы опять уже швыркают чай. Ложимся, и я очень быстро засыпаю. Сказалось безуспешное ожидание вертолёт, долгие сборы и каслание, отрицательное впечатление от посещения хальмера и целый день, проведённый на свежем воздухе.

Ночью опять был плотный туман: видимо, сказывается близость озера. Гадали, какой будет погода днём. Я предполагал желаемое солнце. Бригадир утверждал, что будет дождь. Правы оказались оба «оракула»: с утра, после тумана, выглянуло солнце,

а потом пошёл дождь. Обескураженные подлостью погоды, ни на что не надеясь, сели играть в карты. И тут бригадир заявляет: пора каслать за стадом, а то далеко уйдёт. Ох уж эти мне каслания! Мы, не поднимаясь, всё же ждём вертолёт.

И вот послышался гул... Все замолкли, прислушиваются... «Вертолёт!!!» — закричали все разом. Он, сердечный! Хватаем свои вещи и вперегонки бежим, не опасаясь ещё не остановившихся винтов. Вслед за нами медленно вышло всё население стойбища посмотреть, кто прилетел. Вышли двое выписанных из больницы членов бригады.

Сдержанные в чувствах, тундровики не проявляют бурных эмоций: ни объятий, ни поцелуев, ни слёз радости. Суровая жизнь в экстремальных условиях закалила их характеры и отмела сантименты за ненадобностью. Это земля медленных движений и сдержанных улыбок.

В дверях вертолёта стоит Ю. Г. Кеерт и улыбается. Я бросился к нему:

— Спаситель ты мой! С неба спустился, как ангел-хранитель! Как же ты нас нашёл в этой необъятной тундре?

— А я никого не теряю, знаю всех, кто где каслат, — отвечает он всё с той же улыбкой.

— Как же я буду оправдываться перед редактором за дни просроченной командировки? — пристаю шутя, от радости встречи.

— Отмахнёмся как-нибудь, всё спишем на погоду.

Наша винтокрылая машина добавила оборотов лопастям, и вот мы уже в воздухе. Летим в направлении ближайшей заправки — в Новый Порт, а потом — без посадок домой, в Яр-Сале.

Впечатления двух последних дней заносу в блокнот уже в вертолёте.

ВОЖАК

По замёрзшей глади моря — Обской губы — мчится упряжка ездовых собак. Взъерошенная шерсть их заиндевела, дыхание застывает в воздухе и кристаллами оседает на шкуре.

Упряжка из пяти собак. Каждая на отдельной верёвке. Соединяются они в кольцо на передке нарт веером, и ни одна из них не бежит по следу другой.

У «веерной» упряжки, применяемой на открытой местности, как в нашем случае, есть преимущество перед упряжкой «гуськом», используемой в основном в лесистой части Крайнего Севера, — это разная длина верёвок. Она мешает собакам, бегущим сзади, кидаться на передних, а затевать драку можно только с той соседкой, которая идёт на более короткой верёвке. Однако тогда нападающий оказывается лицом к лицу со своим врагом. Но самое большое преимущество этой упряжки заключается в том, что, стараясь напасть на передних собак, задние налегают на постромки, а чем быстрее катятся нарт, тем быстрее бежит и преследуемая собака. Таким образом, задняя никогда не может догнать переднюю. Чем быстрее бежит одна, тем быстрее удирает от неё другая и тем быстрее бегут все остальные собаки. В результате всего этого быстрее катятся и нарт.

Порой на пути встречаются снежные перемёты. Скорость снижается. Каюр, до того стоявший на полозьях нарт, бежит следом, подталкивает их, помогая упряжке. Уставшие, более слабые собаки, приотпустили постромки, надеясь передохнуть.

— Амур-р-р! — незлобно, но повелительно кричит погонщик.

Вожак, не снижая скорости бега упряжки, на полном ходу взметнулся вверх, рванул загривок ленивой собаки, та жалобно взвизгнула и прибавила прыти. А он уже бежит прежним махом впереди всех.

Чтобы заставить собак на равных тянуть постромки, каюру не нужен бич, его роль исполняет вожак. Он чувствует своей могучей грудью тех, кто не тянет, а просто бежит в упряжке. То и дело оглядываясь по сторонам, он готов в любую минуту сделать на полном ходу крутой поворот и кинуться на слишком ленивую и слабенькую собачонку, в то же время не отстать и смотреть себе под ноги.

Амур — крепкий, рослый и самый опытный пёс в упряжке. Потёртая шерсть на шее и груди говорит о многолетнем стаже ездовой собаки. На его шее широкий ошейник, от которого идут две лямки к ремню, перекинутому поперек груди и через спину; к этому ремню привязана самая длинная верёвка, соединённая с нартами. Ему оказана большая честь.

На самом деле чести в этом мало, потому что его ненавидят и преследуют все собаки. Привязанный на длинную верёвку, собакам кажется, что он удирает от них. Им видны только его задние ноги и пушистый хвост, а это далеко не так страшно, как вставшая дыбом шерсть и сверкающие клыки. Кроме того, зрелище бегущей собаки вызывает в других собаках уверенность, что она убежит именно от них и что её надо во что бы то ни стало догнать.

...На участок подлёдного лова я прибыл по заданию редакции накануне попутным самолётом. Рыбаки быстро загрузили борт мешками с ряпушкой и, пока мы с бригадиром обходили порядки ставных подо льдом неводов, АН-2 взлетел и лёг курсом на Новый Порт. Бригадир заметил моё смятение и растерянность, удивлённый взгляд вслед улетающему самолёту, успокоил:

— Завтра доставим тебя целым и невредимым. Успокойся.

«Значит, завтра опять прилетит самолёт за рыбой, и я улечу с ним!»

Я считал свою командировку на этот раз неудачной: неводы поставили вчера, а поднимать их будут только через два дня. Мне не удалось понаблюдать интересный процесс. Рыбаки, конечно, рассказали всю технологию подлёдного лова, но лучше один раз увидеть... Судя по штабелям мешков с мороженой рыбой, зимняя путина проходила успешно, рыба шла косяками.

Вернулись в балок. Бригадир взял из кладовки дощатого щитового пристроя полмешка рыбы, вышел, закрыв за собой двери на вертушку. Собаки тут же с громким лаем окружили его, заискивающе и преданно глядя в глаза. Он кидает рыбу сначала крупным и сильным собакам, потом остальным. И в этом я увидел глубокий смысл и знание собачьей натуры.

В дверях нас встретил крупный лохматый и добродушный пёс. Его хозяин запер в пристройке, чтобы избежать драки в своре во время кормёжки. Этого пса кормили отдельно. Помимо мороженой рыбы, ему вынесли большую миску наваристой, густой и тёплой ухи с хлебом.

После плотного ужина с дежурным блюдом — ухой, сваренной не только из ряпушки, но и других ценных видов «деликатесного цеха страны», рыбаки улеглись по своим местам. Я же долго ещё, сидя за столом с десятилинейной керосиновой лампой, донимал их расспросами. Наконец один из них не выдержал и рассказал случай из жизни, явно рассчитанный на новичка.

Бригадир соседней бригады Григорий Гуцу послал домой в Молдавию банку осетровой икры. Получает в ответ письмо от жены: «Твоя посылка шла так долго, что икра испортилась и почернела. Я её выбросила на помойку!»

Я рассмеялся, они криво улынулись. Это был намёк: «Туши свет и ложись спать!»

В жарко натопленном жилище стало абсолютно темно и тихо. И лишь ветер, вечный странник, жалобно и надрывно завывал в железной трубе печки-буржуйки.

Утром бригадир дал краткие распоряжения мужикам, повернулся ко мне, осмотрел внимательно мою экипировку:

— Ну, поехали.

— На чём?!

— Карета стоит у подъезда, — и улыбнулся.

Раздался сдержанный смешок.

На улицу вышли всей бригадой. У балка стоит в полной готовности запряжённая в нарты собачья упряжка. Мне предстояло испытать ещё один вид транспорта советского Заполярья. Сел верхом на узкие нарты.

— Бр-р-ря! — крикнул каюр. Упряжка с места рванула вперёд. Он пробежал вслед несколько метров, держась за поручень, и вскочил на полозья.

...Ноги затекли от неподвижности и неудобного положения. Оглянулся на каюра. Ресницы, щёки, борода и мех шапки так покрылись куржаком и обледенели от застывающего на воздухе дыхания, что под ледяной коркой не было видно лица. Судя по всему, мой портрет выглядел не лучше.

— Располагайся, как тебе удобно, — поняв мой взгляд, предложил он.

Откидываюсь назад, на мешок с мороженой рыбой, ноги кладу на второй мешок, лежащий на передке нарты, тоже с рыбой, — это корм собакам на обратный путь.

Призрачный сумрак короткого дня Заполярья незаметно растаял. Ночное небо чёрным бархатом в сверкающих звёздах опустилось над нами так низко, что, казалось, встань на нарты, поднимись на цыпочки — и достанешь вон ту, особенно яркую, подмигивающую тебе звезду-проказницу. Купол неба — полусфера стоит всем своим основанием на тверди замёрзшего моря. Горизонт — по кругу. Ни одной точки на поверхности, взгляду не на чем остановиться. Все созвездия северного полушария, кажется, собрались, сдвинулись тесной компанией и взирают на нас надменно из поднебесной высоты, лукаво перемигиваясь между

собой и удивляясь нашей смелости, а может быть, дерзости; нашему одиночеству в оледеневшем мёртвом пространстве, где ни малейших признаков жизни. Только наша одинокая упряжка быстро, как ветер, летит по застывшей пустыне.

Каким звериным инстинктом и чутьём должен обладать вожак упряжки, чтобы без видимых ориентиров, в ночи полярного безмолвия, держать верное направление к дому, а потом обратно — от дома, и найти в бескрайних просторах замёрзшего моря, среди других бригад рыбаков, балок своего хозяина!

Впереди, на горизонте, показалось млечное зарево. Мы подъезжаем к посёлку. Собаки с визгливым лаем добавили ходу и вскоре вынесли нарты на главную улицу.

Здесь можно было бы поставить точку в моём повествовании. Но следует добавить ещё несколько строк для создания полноты образа моего героя. Я наблюдал за отношениями Амура с хозяином. Пёс не старался проявлять свои чувства. Он был сдержан и никогда не встречал хозяина лаем, и заискивающе не вилял хвостом, не кидался ему на грудь, не суетился и не прыгал, чтобы доказать свою любовь. И лишь почтительно вставал и отходил от дверей, пропуская хозяина в дом. Только глаза, следящие за каждым движением хозяина, выдавали чувства обожания и преданности.

ПО МОРЮ... НА ТРАКТОРЕ

Нарушая вечный покой уснувшей под тёплым одеялом снегов тундры, трещит, выстреливая вверх сизые кольца дыма, бежит по тёмно-зелёной глади Оби трактор, наматывая на большие резиновые колёса первые километры далёкого пути. Он только что миновал заснеженное русло Юмбы, ограждённой по берегам густым кустарником ивняка, и вышел на простор широкой реки.

В одноместной кабине двое. Упакованные в несколько слоёв тёплой одежды и застёгнутые на все пуговицы полушубки. Рядом с трактористом, полусидя на ящике с инструментом, жмётся к холодной тонкой стенке кабины, у самой дребезжащей дверки, его пассажир. Сзади трактора мотается из стороны в сторону по гладкому льду волокуша — лист металла с загнутым передком. На ней, скорчившись, лежит человек.

«Полярная экспедиция» отправилась по льду Обской губы из районного центра Яр-Сале в посёлок Бухта Находка. Расстояние между пунктами, по официальной версии, летом, по воде, — 120 километров, зимой, по тундре, — 94. Расстояние зимой по льду никто не мерил.

— Не более девяноста километров, — предположил Енсу Павлович Вануйто, инструктор райкома партии, приложив потёртую деревянную линейку к карте области. — Держитесь левого берега, и часа через три-четыре ждём от вас по радиации привет.

Положившись на авторитет местного жителя, в предвкушении гладкой дороги и краткого пути, с бутербродами в карманах, экипаж из трёх человек отправился навстречу своей судьбе. Выехали в предутренних сумерках, в десять часов.

Первые сомнения в точности маршрута вызвали у путников думы из труб близкого посёлка Сюнай-Сале. Следуя наказу не отрываться от берега, они полностью повторяли контур восточного побережья Ямала, заходя во все бухты, заливы и устья рек. С трудом объехали по периметру маленькую, занесенную снегом бухту, обогнули мыс Ямсале и вновь вышли на голый лёд Обской губы.

Время упущено, прошли лишние километры. На пределе всех лошадиных сил, впряжённых в двигатель, трактор летел вперёд на север. На волокуше — Володя Фатеев. Молодой парень только что вернулся из армии. Просьбу начальника узла связи Наркиса Павловича Чистякова — доставить батареи для радиостанции безмолвствующего посёлка — принял как приказ, выполнить который предстояло любой ценой. Ценой оказалась... волокуша. Вот где проявилось «мужество отчаянных парней»! Неоднократные предложения пассажира трактора периодически меняться местами Володя решительно отвергал.

Механизатор широкого профиля Владимир Вышкребенец был вызван из кубанской станицы на «длинные» северные рубли близким родственником — начальником рыбокооператива и посажен им на тот самый трактор, что вёз нашу компанию в дальний посёлок. Так бы и возил он товары и продукты с базы по магазинам, не попадись на глаза председателю райисполкома Виктору Сергеевичу Кузьмину.

— Вот тебе транспорт! — взглянув в окно, воскликнул предрик. По улице, в сопровождении своры собак, бежал колёсный трактор, следом на тропе болталась волокуша. Сказал сгоряча. Потом ухватился за эту мысль и поднял трубку телефона: — Соедините, пожалуйста, со Шпилёвым... Николай Иванович, тут на меня насаждает редактор газеты — ему надо попасть в Бухту Находка. Оленей поблизости нет. Отправь его на своём тракторе. — Пауза. Выслушал возражения. Они показались неубедительными. — Николай Иванович! Надо! По льду поедут. Хорошо. Завтра в десять будет у вас.

— Понял? — обратился он к редактору. — Иди, готовься к ледовому походу!

Жидкий полуденный свет незаметно поглотила мгла полярной ночи. Исчезла из виду береговая линия с чахлым тёмным кустарником. Ориентиром служил край снежных заносов. Ветры смели весь снег с гладкой поверхности льда и утрамбовали его у берега.

Расчётное время прибытия в пункт назначения давно истекло. Казалось, «ещё немного, ещё чуть-чуть» — и появятся манящие огоньки посёлка. Машина летит напропалую. Два светло-жёлтых конуса тупо упираются в снежную пыль, едва высвечивая тёмный лёд под колёсами да кромку снежных заберегов.

Впереди, как-то внезапно, в отражении света фар вспыхнули звёздочки. Они радужно преломлялись на хрустально прозрачных гранях дыбом стоящих льдин. Торосы! Визг тормозов, трактор по инерции скользит, опасно подкатывается под самые надолбы. Волокуша догнала задние колёса и ударилась так, что Володя вылетел под трактор. Вскочил, огляделся, отряхнулся от снега и в недоумении взглянул на водителя.

Тот в шоке. Сидит не шелохнувшись. Опомнился, вышел, оценил обстановку и запаниковал. Потирая через шапку ушибленный лоб, держась за поручень, с высокой ступеньки на лёд спустил пассажир и тут же присел. Ноги от неподвижности и неудобного сидения затекли и, словно ватные, не держали тела и массы навздёрнутой на него одежды. Тысячи иголок пронзили мышцы ног. Он полез в торосы определить ширину гряды, словно собирался форсировать непреодолимое препятствие. Полуметровой толщины льдины угрожающе-спокойно торчали во все стороны. Ширина гряды — три-четыре метра. Вернулся к своим спутникам. В их глазах мольба: «Вернёмся назад!»

Предводитель рискованного похода чувствовал ответственность перед товарищами, пытался отвлечь их от панических настроений, шутил, подбадривал:

— Парни! Помните старый анекдот про Василия Ивановича? Скачут по степи Чапаев и Петька. Петька оглядывается и кричит: «Василий Иванович! Сзади белые!» — «Гони, Петька! Земля круглая, догоним!»

Никакой реакции.

Снежинки, твёрдые, как алмазная крошка, отскакивают от обветренного лица и противно скрипят на шее. Ветер с моря, как усталый старик, то свистит, словно сквозь редкие зубы, то сопит, будто успокаиваясь. Настырная позёмка — любвеобильная особа — навязчиво целует нос, щёки, губы, обнимает за шею, распахивает полы полушубка, назойливо прошупывает одежду в поисках доступных мест и там остаётся. Пар выдоха мгновенно леденеет, вдох морозит горло.

— «Здесь колыбель ветров и выюг, а позади у нас Полярный круг!» — продекламировал он стихи местного поэта. — А не пора ли нам, ребята, пообедать?

Втроём влезли в тесную кабину. Здесь было так же холодно. Она защищала лишь от пронизывающего ветра. Подмёрзшие куски хлеба хрустели на молодых крепких зубах вафлями и не утоляли голод.

— Чайку бы сейчас горячего...

— Размечтался! Шеф чай нам обещал через три-четыре часа, — мрачно молвил Вышкребенец.

— Владимир, а сколько километров мы проехали? Что показывает твой спидометр?

— Какой спидометр? Трактор приспособлен огороды пахать, а не по тундре шастать...

— Да, тракторист, мой отец пахал на одной лошади, а в твоего пахаря затолкали тридцать или даже сорок лошадей, а пашет он как один Савраска.

— Что ты к трактору привязался? А у тебя, начальник экспедиции, карта или компас есть?

— Да, ты прав. Крепко ты меня прижал! И ледовую разведку я как-то не предусмотрел... Ну всё, мужики, передохнули — и вперёд! Володя, поменяемся местами?

— Нет, у вас тут тесно, а у меня плацкارت.

— Пойдём, я помогу тебе оттянуть волокушу. — Шеф сбросил полушубок: — Утепли плацкарт, — и, подгоняемый крепким морозцем и ветром, вскочил в кабину.

— Ну, капитан надводного корабля, вперёд и с песней! Пусть ветер дует в наши паруса!

Непредвиденные обстоятельства взбадривают рассудок и обостряют внимание. Не следует забывать — здесь Заполярье! И опасности подстерегают на каждом шагу. Тяжело здесь телу, но легко душе.

— Что ж ты молчишь всю длинную дорогу? Хочешь, я буду петь тебе старинные ямщицкие песни? Нет-нет! Про то, как в степи глухой замерзал ямщик, — не буду, ты и без того скис основательно. Я спою тебе про любовь!

Спел всё, что хранила память. Ни одна мышца лица водителя не шелохнулась. Он начал злиться ещё накануне поездки, когда припугнули: в случае отказа снимут с трактора и посадят более сговорчивого. Он всю дорогу молчал, лишь иногда смешно шевелил губами — беззвучно ругался и проклинал весь белый свет.

Голосом провинциального конферансье звучит объявление следующего номера камерного концерта:

— Выступает застуженный артист Советского Союза! Он исполнит песню о большой, самозабвенной и прерванной любви декабристки. Она отправилась зимой в кибитке в далёкую и жуткую Сибирь к любимому мужу. «Это было давно, лет пятнадцать назад. Вёз я девушку трактом почтовым. Вся в шелках, соболях, чёрно-бурых лисах и закрыта платочком шелковым...»

У слушателей местного промёрзшего Дома культуры после такой мелодраматической истории побежали бы мурашки по спине

и скатились где-то у самого сидения, а единственный слушатель был невозмутим.

— А почему она зимой была в шёлковом платке, а не в шали шерстяной? — неожиданно спросил Владимир со свойственной крестьянской рациональностью.

По полузамёрзшему стеклу кабины пробежали яркие краски. Небо высветилось, резко очертив горизонт. Северный край неба замерцал, зашевелился, стальные полосы покатались по нему, и чудилось, что они вот-вот тонко зазвенят.

Заиграло северное сияние. Дивное диво, которое они видели много раз и всё же наглядеться на него не могли. На ночном горизонте бушевало пламя. Огромные столбы сияния рвались в поднебесье, таяли в нём, переливаясь всеми цветами радуги. Изменения цвета, форм столбов и гирлянд были динамичны, интенсивны, напоминали цветомузыку. Словно лучи тысяч прожекторов выстроились в извилистые линии и били вверх. Цвет прожекторов у горизонта был зелёным, а вверх бьют струи ярко-красного цвета. Их тысячи, они переливаются разноцветными огнями. Всё время волнами шла такая интенсивная смена цвета, будто рожь колыхается.

«Ледоход» мчится вдоль гряды торосов, попыхивая сизым дымом. Он лезет во все щели, выедаёт глаза, мешает любоваться прекрасным, сказочным явлением природы. Торосы тянулись слишком далеко поперек реки. Ширина её в этом месте — от 90 до 105 километров. Казалось, выгляни солнце на мгновение, и наши путешественники увидели бы дымки посёлка Ныда на противоположном берегу.

Высота льдин постепенно уменьшалась. Подходила к критической отметке и выдержка тракториста. Когда торосы опустились ниже колена, он отогнал машину в сторону, махнул Володе, чтобы тот покинул свой лежак, и с разгона бросился на ненавистный «крепостной вал». Переваливаясь из стороны в сторону, трактор преодолел барьер. Вслед за ним, болтаясь на тросах,

сбивая верхушки отдельных льдин, взвилась вверх, подобно листу промокашки, с диким визгом и грохотом шлёпнулась на лёд волокуша. Ура!

Водитель вышел из машины. Снял шапку. Вытер рукавом вспотевший лоб. Постояли, размялись, перекурили. Мороз крепчал, и голод гнал к заветной цели.

— Мужики! Сейчас нам сам чёрт не брат! По машинам! — и погнали в обратную сторону, к спасительному берегу — ориентиру дальнейшего пути.

В минуты отчаяния и безысходности, при встрече с непредвиденными обстоятельствами память возвращает к истокам. Редактор сел поудобнее, насколько позволяло место в уголке тесной кабины, прикрыл уставшие от постоянного напряжения глаза, и мысли понеслись, опережая одна другую, путались, переплетались, исчезали и появлялись вновь. Память прокрутила киноплёнку последних событий в обратном направлении.

Год полувекового юбилея Советской власти был для редактора звёздным: областная конференция Союза журналистов СССР признала его газету лучшей среди районных изданий области. Обласканный областной властью, он попросил помощи в строительстве здания редакции. Ему вручили типовой проект со словами: «Вопросы стройки решайте на месте!» — что означало: необходимо постановление райкома и решение райисполкома.

Секретарь райкома партии Павел Иванович Денисов выслушал отчёт делегата с нескрываемым удовлетворением. Решать вопросы оснащения полиграфической базы и создания нормальных условий для творческих работников он отправил редактора этажом ниже — в райисполком.

— Виктор Сергеевич! — почти кричал он с юношеской запальчивостью. — Вот смотри, альбом типового проекта районного издательства — комплекса двух зданий: редакции и типографии с планировкой размещения современного полиграфического оборудования. Деревянное исполнение. Рядом, по ямальским

меркам, стоит бесхозный, пустой посёлок. Решение райисполкома — и стройматериалы будут здесь.

— Хорошо. Убедил. Ты можешь уговорить ломовую лошадь, — улыбнулся предрик в знак согласия. — Отправляйся в посёлок. Посмотри на месте, рассчитай, хватит ли бруса свободных домов на твоё строительство. А там решим...

Редактора угнетало убожество помещения издательства районной газеты. Редакция и типография находились в двух комнатах старого барака времён освоения Севера. Тепла от двух печей хватало, чтобы погреть озябшие пальцы наборщиц. Ручной набор текстов, тигельная печатная машина, родная сестра той, что печатала «Искру» вождя мирового пролетариата в прошлом столетии, никак не вписывались в эпоху освоения космоса.

Он был свидетелем открытия Новопортовского газоконденсатного месторождения на полуострове. Знал, что через десяток лет начнётся промышленное освоение Ямала и вместе с ним начнёт развиваться социальная инфраструктура. Но он был нетерпелив.

Дух того времени был направлен на созидание. Была гордость за своё дело. Работа одолевала нас, а мы — работу. В те годы говорили: если у вас есть трудности, значит, вы живёте нормальной жизнью. Мы пытались преодолевать трудности, подгоняя время.

Надводный корабль с крейсерской скоростью тридцать километров в час мчится к берегу. Время далеко за полночь. Вот они — снежные заносы и силуэты корявого кустарника. Резкий поворот направо — и, не снижая скорости, без остановки летит экипаж безумных авантюристов всё дальше на север, в неведомую даль.

В предрассветных сумерках на высоком овражистом берегу показался конус чума. Трактор оставили с работающим двигателем метрах в двухстах от берега: подойти ближе не позволили снежные заносы. Путники шли по насту, как по асфальту, — настолько плотно был утрамбован ветрами снег.

Крутой берег, словно городской канал, облицованный полированными мраморными плитами зелёного цвета, был покрыт двухметровыми льдинами.

Облицованные льдами берега — свидетели бурных природных явлений, «битвы выюги и воды». В начале сентября, когда река ещё всю собирает последние воды осеннего ненастья из многочисленных речек своего бассейна и несёт их спокойно к морю, ничего не подозревая, за Полярным кругом навстречу ей уже дохнёт снегом, закружит, запуржит, налетит с моря встречный северный ветер.

Он бьёт в лоб, гребни волн в столкновении разлетаются в брызги и клочья пены. Морской прилив поднимает всю эту бурлящую массу до уровня высоких берегов и держит до отлива. За дело принимается его величество мороз. Он тихо, по-стариковски, успокаивает разбушевавшуюся стихию, мохнатой лапой приглаживает кудри волн и покрывает их прозрачным панцирем.

Река успокоилась, легла в своё привычное русло. Море сняло осаду, откатило солёные воды. Над рекой нависла «стеклянная крыша». Под крышей пустота... Но, как известно, природа не терпит пустоты. День-другой — и ледяная кровля обрушивается на спокойную гладь реки, оставляя на суше береговой припай. Громом небесным, треском и каким-то пещерным уханьем несётся эхо подо льдами, вырываясь у береговых изломов. Гул от реки разносится далеко окрест, пугая всё живое на своём пути, нарушая спокойствие засыпающей тундры.

Ледовые поля медленно, но упорно притираются друг к другу, в столкновении образуя торосы и расщелины. Мороз и на этот раз успокаивает всех. Выюга, с мастерством классного отделочника-штукатура, затрёт, заметёт, замажет все щели и трещины снежными перемётами. Река успокоится на долгие месяцы, до лета.

Путники нащупали подобие ступенек меж изломанных льдин и, почти на четвереньках, поднялись на берег. Парни обошли чум по кругу, пытаясь скрипом снега разбудить хозяев в столь ранний час. Наивные. Они не знали, что шум их «лунохода» был слышен на десятки километров и свет блуждающих по реке огней давно был замечен хозяином.

Откинув нюк — низкие мягкие двери, — незваные гости вошли в жилище аборигенов тундры. В центре круга шумит железная печь-буржуйка. Вскипевший чайник гремит в нетерпении крышкой. Хозяйка, бегло взглянув на вошедших, спокойно продолжает строгать мороженую рыбу. Стружки, закручиваясь, скатываются в тарелку. Керосиновая лампа освещает низкий столик и лица хозяев.

— Здравствуйте! — приветствует начальник экспедиции.

— Ань тарово, — отзывается, улыбаясь, молодой ненец. — Давно ждём. Заблудились, однако? Раздевайтесь, грейтесь, чай пить будем!

Выслушал рассказ незадачливых путешественников, сочувственно покачал головой:

— От устья Яды, где чум мой стоит, совсем маленько осталось. Обойдёте мыс у бухты Восход, а там и Находку увидите. Один день ходу. Колёса большие, быстро ехать будете.

Парни переглянулись: «Ещё один день ехать?» Тракторист отлил в канистру солярки для лампы, рыбак завернул в мешок пяток крупных муксунов.

Тепло жилища, плотный завтрак, горячий чай и сутки без сна на морозе разморили парней. Хотелось откинуться на мягкие олени шкуры и забыться на несколько часов. Ненцы — народ гостеприимный, простодушный и добрый, но не настолько, чтобы оставить в одиноко стоящем чуме трёх незнакомых мужиков. Гости почувствовали тревогу хозяев и со словами благодарности покинули чум.

До бухты Восход добежали довольно быстро. Берег внезапно исчез. Догнать его и идти по контуру было невозможно. Мешали высокие сугробы, полностью запечатавшие подходы. Пошли, как и прежде, у кромки заносов. Перед ними встал высокий мыс у выхода из бухты.

Издали увидели едва заметный парок. Это могла быть полынья или трещина во льдах. Медленно, накатом приближается

трактор к неизвестной преграде. Так и есть! Впереди двухметровой ширины расщелина.

— Ещё этого нам не хватало! — плаксиво произнёс тракторист и крепко выругался.

Собрались в кружок. Впечатление от тёмной, спокойно стоящей воды было магически завораживающим, пугало своей бездной. Расщелина, извиваясь длинной змеёй, уходила далеко за горизонт. Вспомнили весёлые искорки на гранях торосов. Это препятствие было страшнее.

— Река играет с нами. Подкидывает новые испытания. Проверяет на прочность, твёрдость характера, выносливость. В обход!.. «Другого нет у нас пути — вдали у нас Находка!» — пропел вдохновитель авантюры и направился в кабину.

— Послушай, тёзка, ты от воды подальше держись, чтоб волокуша моя не съехала...

— Да-да, водила! Чтоб не получилось, как в песне: «Отряд не заметил потери бойца!»

Они во второй раз преодолевали расстояние, равное тому, что было обозначено деревянной линейкой на карте.

Расщелина оказалась длиннее гряды торосов. Постепенно она сужалась, а трактор всё дальше уходил от берега.

— Володя! Смотри! Слева от нас огонёк! Это, наверное, стан рыбаков подлёдного лова!

Огонёк размером со спичечную головку превратился в кольцо.

— Что за чудо?

Тракторист сбросил скорость, примеряясь к ширине препятствия, соизмеряя её с диаметром переднего, малого, колеса. Чувствовалась его нервозность и нетерпение. Наконец он не выдержал и решил, как в прошлый раз, перескочить...

Колёса крепко засели меж острых краёв льда. Они никак не реагировали на потуги вращения взад-вперёд задних, лопоухих больших колёс, скользящих по гладкому льду, разогревая его до появления пара. Измучившись сам и перегрев движок до предела,

тракторист, чертыхаясь, заглушил двигатель, отключил аккумулятор, слил воду из радиатора.

Бросив трактор, команда авантюристов отправилась пешком на огонёк. Шли легко. Мешок с рыбой потеряли по дороге — плохо привязали за фаркоп.

Примораживало, неохотно тянула позёмка. Пурга сделала лёгкую передышку. Ночью заметёт, завертит, завьюжит и понесёт снег со всей реки к берегам. Почему-то в Заполярье пурга ночи любит. Добавляет им жути. А они и без того не больно весёлые.

Водитель по-бабы причитает:

— Новый трактор не дадут, да и нет его... Пошлют на разные работы, а то и под суд...

— В лагерь, пионервожатым, на лесоповал... в полосатых трусиках отправят, — добавил в тон плаксивому монологу редактор, злой на своенравного тракториста. — Ну, Володя, готовь свою попку, разнесут тебе её, любимую, в клочья.

— «Три-четыре часа — и будем на месте!» «Девяносто километров»... Двое суток шарахались от берега к берегу!..

— Звездолёт твой, дорогой, слабо приспособлен для ледового экстрима... Надо было мне у буровиков АТЛ заказать. На нём и торосы бы преодолели, и через расщелину перепрыгнули.

— «Бы» да «бы»... — продолжал ныть тракторист.

Очередной порыв ветра плотным кляпом запечатал ему рот, прервал диалог. Дальше шли молча.

Ночное небо вызвездило — жди мороза. На звёздочки гляди, а варежки прижми к носу. Звёзд было очень много. Ближе других ровно светились солидные, спелые звёзды, а за ними мерцали, перемигивались, застенчиво прятались одна за другую мелкие, юные звёздочки. И не было им конца и края, невозможно было их охватить взглядом — эти бессонные добрые спутники ночных кочевников.

— «Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу. Прочнее был бы старый таз — длиннее был бы мой рассказ».

— Сам придумал?

— Нет, поэт сочинил, а я наизусть выучил. Бросил ты свой та-зик с болтами среди моря обского... На чём обратно поедем?

Порыв ветра донёс запах дыма. Это был не тот дым с выхлопными газами сторовшей солярки. Это был запах жилья, тепла, уюта. Нет ничего притягательнее и слаще дыма. Где дым — там огонь. Где огонь — там люди. Где люди — там жизнь.

Спасительный «маяк» в кромешной тьме то медленно таял, то вспыхивал вновь. Ночные путники, преодолевая усталость, невольно добавили шагу, боясь потерять ориентир. Они почти бежали на полусогнутых ногах, как бегают по скользкому льду.

Плотный ветер с моря, вкупе с крепким морозцем бессовестно прощупывал части тела. Парни плотнее нахлобучили шапки, подняли воротники, варежками защищали лица. Сколько времени и километров длился кросс, никто из них сказать не мог.

Постепенно во тьме стали вырисовываться два освещённых окна, затем выступил контур домика с антенной на крыше. А вот и спасительный огонь «маяка» — в закопчённом ведре догорали тряпки, смоченные соляром.

Холодный пар, опережая гостей, прорвался в дом и нырнул в поддувало жарко натопленной печи.

— Ой, Володя, я тебя заждалась! — обрадовалась хозяйка связисту.

Пока ночные гости раздевались, а хозяйка накрывала на стол, Володя вышел на связь с райцентром.

— Мужики нас потеряли, выслали нарты на поиски. Спрашивают: «Где вы блудили двое суток?»

— Ребята, ребята, как же вы отчаялись на такую поездку? Счастье ваше, что не было пурги. Ни я бы не заметила ваши огни, ни вы — мой факел, — никак не могла успокоиться наша спасительница, угощая голодных путешественников строганиной, спиртом и горячей наваристой ухой с тёплыми булочками.

Постоянное одиночество в заброшенном посёлке среди бескрайних просторов тундры угнетало её. Неисправная рация усугубляла положение. Она испытала чувство беспомощности и обречённости.

— Если бы не твой огонек в ночи, неизвестно, чем бы закончилась наша экспедиция...

— А я случайно выглянула в окно, — перебивает радистка, пытаясь скрыть смущение, — гляжу, кто-то катит прямо в море от берега. Сразу поняла — заблудились! Схватила тряпку, бросила в ведро, облила соляжкой, подожгла и стала крутить в воздухе...

— Мы обратили внимание на огненное кольцо. Потом огонь то угасал, то вспыхивал вновь.

— Это я плескала в ведро солярку, когда она выгорала. Потом гляжу, огни повернули в мою сторону — значит, заметили мой «маяк». Обрадовалась и побежала растапливать печь и готовить завтрак для ранних гостей. Оглянулась, а огни погасли — сердце обмерло. Даже говорить не хочется, о чём я тогда подумала. Побежала опять на улицу, добавила тряпок и солярки... Долго что-то вы шли! Я вся испереживалась. Ну, ложитесь отдыхать. Заговорила я вас тут...

Задула лампу.

Но ещё долго никто не мог уснуть — перебирали в памяти события последних дней.

На рассвете к дому с лихим разворотом подкатили олени упряжки. На нартах привязана ремнями тёплая одежда. Каюры-ненцы, круглые и неуклюжие в меховой одежде, прытко соскочили с нарт. Их капюшоны пышно обросли куржаком, и только раскосые глазки радостно поблёскивали из куржака. Они были рады встрече. Вошли в дом. Сбросили малицы и пили чай до седьмого пота. Володя-радист сообщил в райцентр, что всё в порядке: нарты пришли в полном составе — в расчёте на троих седоков.

Редактор отправился обследовать посёлок.

Поздней осенью шестьдесят первого года колхозы были реорганизованы в совхозы. Посёлку Бухта Находка был определён

статус рыбоучастка Новопортовского рыбозавода. Председателя колхоза «Красный рыбак» Михаила Михайловича Шутя перевели в Се-Яху директором совхоза «Ямальский».

Михаил Шуть принадлежал к замечательной плеяде ямальских зооветспециалистов, осуществлявших связь традиционного оленеводства с научными предпосылками. Они вели большую разъяснительную работу в тундре, по крупницам собирали, обобщали и распространяли передовой опыт. Ямальское оленеводство было выведено ими на первое место среди приполярных государств не только по величине стада, но и по научно обоснованным методам воспроизводства и сохранения молодняка.

Председатель отличался добросовестностью, прекрасными деловыми качествами, искренней добротой, невозмутимым и спокойным характером.

Осевшие было — на несколько лет — кочевники тундры снялись с насиженных мест, сложили амгари на нарты, разобрали свои чумы, что стояли рядом с новенькими домиками, и потянулись по заснеженной тундре аргиши — за сотни километров, дальше на север, в Се-Яху, вслед за добрым и умным руководителем. Они были оленеводы, а не рыбаки.

Посёлок опустел. Посёлок умер. Никому не нужными оказались потемневшие от времени, но крепкие и просторные школа и клуб с библиотекой, молочная и зверофермы. Грустно белея свежим брусом, стояли новенькие одно- и двухквартирные дома — предмет особой заботы и гордости председателя. В каждой квартире две большие комнаты, удобная кухня с печью-камином. На колхозные средства квартиры были обставлены мебелью, жители обеспечены постельным бельём. И всё это было брошено в одночасье без слёз и сожаления.

Поселок-призрак стоял на высоком берегу бухты, продуваемый всеми ветрами. Дома занесены снегом по самые крыши. Вокруг ни единого следа.

Набросав на лист бумаги схему посёлка, проставив на глазок размеры построек, редактор вернулся в гостеприимный дом. Его спутники были уже облачены в одежду тундровиков и с нетерпением ожидали, когда каюры закончат чаепитие.

Наступив на полоз нарты, чтобы она не откатилась под напором малицы, он плюхнулся спиной к каюру. Нарты вздрогнули, олени с места рванули рысью, ненец, направляя упряжку хореем в нужную ему сторону, немножко пробежал рядом и упал на неё бочком.

Снег вихрем взвился за нартами, поднялся облаком. Сквозь его пелену долго ещё была видна одинокая фигурка женщины.

Р. S. Минуло три полярных ночи. Голубая мечта редактора воплотилась в жизнь. Здания были построены. Играла музыка, но он её не слышал — был слишком далеко от Ямала. Он был нетерпелив.

МОРСКОЙ ВОЛК

Река

В начале июля Река отдала океану свои последние льды. И тотчас открылась северная навигация. На рейде Нового Порта бросила якорь эскадра сейнеров Мурманской базы морлова. Хозяева приняли гостей без особого восторга. С невеликой охотой шли на Реку и морские капитаны.

— Нет! Вы только подумайте! Нас, бороздивших воды Атлантики и северных морей, посылают рыбачить на какую-то речку! — возмущались «морские волки».

А их желания никто и не спрашивал: приказ в руки, якорь к борту и... вперёд!

Возмущались и местные власти:

— Какой умник придумал морскими тралами бороздить дно реки? Они же всё перебаламутят, подорвут кормовую базу осетровых! Что, у них там, в Москве, балык исчез из кремлёвских буфетов?

Но было поздно. Телеграмма пришла, когда корабли были уже в пути. Возмущались все. Изменить же ситуацию были не в силах. И тогда выступила на защиту своих прав Река.

...Тысячу четыреста сорок притоков приняла она в своё русло. Тихо и плавно, с достоинством истинной сибирячки, осторожно, чтобы не расплескать, несёт она свои воды к самому солёному и студёному морю. Подойдя к Ямалу, расходится, как в хороводе, на рукава: Обь Горная, Обь Надымская, Обь Хаманельская, Обь

Зырянская... И сходятся сёстры в единый поток, образуя Обское море. На восемьдесят километров разлилось оно вширь, омывая Тазовский, Гыданский и Ямальский полуострова.

Обь каждую секунду приносит в губу двенадцать с половиной тысяч кубометров воды. Это в два раза больше, чем Волга, в восемь раз — чем Днепр. Нет в России рек более достойных воспевания, чем Обь. Она занимает четвёртое место среди рек земного шара по длине и пятое — по площади бассейна, а среди рек Евразии — первое. Возмущает людская несправедливость, которая отводит Оби более скромное место, чем Енисею, Лене, Амуру, не говоря уже о крохотных речонках вроде Куры и Терека, прославляемых в поэзии и прозе. А за что, за какие такие достоинства?

По тихой глади бегут «омики» и «мошки»¹, оставляя за собой пенный шлейф, скользят над водой кокетливые «ракеты», важно и гордо проходят пассажирские дизель-электроходы. Идут вслед за льдами. На Север — переполненные, обратно — полупустые. Люди спешат осваивать газовые месторождения.

Вслед за ними — сухогрузные караваны барж. Кирпич, цемент, блоки домов, стекло, мебель, арматура — плывут караванами новые города и посёлки Заполярья.

Вот караван барж, гружённый трубами большого диаметра. Они уложены поперёк барж в огромные высокие треугольники. Пронзённые вечерней зарёй, они похожи на гигантские пчелиные соты, истекающие янтарным мёдом.

На Север! На Север! Скорее на Север! Плывут днём и ночью. Река не спит. Ото льдов до новых льдов — сплошной рабочий день. Река-труженица! Река-работяга!

¹ «ОМ» и «МО» — двухпалубные речные теплоходы.

Море

Смотрят мурманские рыбаки и удивляются: «Вот это навигация! Нигде не приходилось видеть ничего подобного! Как же нам ходить здесь с тралами при таком-то движении судов? А река — хороша! Тихая, спокойная, не то что наше Баренцево море».

Два дня ушло на оформление документов и прочие формальности. На третий день вышли в море. Ничто не предвещало неприятностей. Капитан-директор с флагманского корабля выслушал рапорты капитанов флотилии, постоял недолго в рубке.

— Пойдём, корреспондент, ко мне в каюту. Там и поговорим. Здесь ничего интересного не предвидится.

— Я хотел посмотреть, как будут поднимать трал.

— Это ещё не скоро. Нас позовут.

Каюта капитана расположена в носовой части судна. На переборке у входа — в рамке под стеклом групповая фотография команды военных лет. Юные морячки смотрят из далёкого прошлого.

— Нашёл меня? И не найдёшь. Я сам себя не узнаю.

Трудно узнать в почти мальчишке в лихо заломленной бескозырке старого, седого капитана.

— Это сейчас наши корабли — «рыбаки-сейнеры», а в войну они были «морскими охотниками».

— И наши «ярославцы», что почту развозят по округу, тоже были «морскими охотниками». И у них я видел такие же фотографии военных лет.

— Вот спишут наши посудины в металлолом, нас, старых капитанов, — на берег. Сладим мы свою «память в рамках» в музей пароходства, и некому будет рассказать, кто есть кто на этих фотографиях... Что-то грустный разговор у нас получается. Разбередил ты мне душу. Я уже давно не замечаю сей групповой портрет «команды молодости нашей». Примелькался. Давай выпьем понемногу и переведём пластинку на день сегодняшней.

— Товарищ капитан! Вам радиограмма! Штормовое предупреждение! — докладывает с порога вахтенный матрос.

— Чего испугался? На реке штормов не бывает. Это тебе не море. Иди.

Мы выпили. Стаканы пошли скользить по столику: вправо-влево, вперёд-назад...

— Что за чертовщина? Какая-то необычная качка.

Мы поднялись в рулевую рубку. Чёрные, клочковатые тучи заволокли всё небо и низко висели над водой. На радиомачтах зажглись сигнальные огни. Заморосил мелкий, нудный дождь.

— Не трусь! — по-свойски хлопает по плечу капитан. — Дождь — пыль для моряка!

Он молча отстранил рулевого матроса, взял штурвал. Судно раскачивает уже основательно. Волны бьют в корму, набегают слева и справа. Судно не слушается руля, не подчиняется штурвалу.

— Отдать якорь! Поднять трал!

Загremели лебёдки трала. Беззвучно ушёл ко дну якорь. Корабль, как цепной пёс, мечется вокруг якорной цепи. Капитан передал штурвал рулевому и поспешил на корму, где рыбаки поднимали трал. Громадный кошель морской сети мотало волной, словно тряпку. Трос соскочил с барабана лебёдки.

И тут раздался такой раскатистый, с переливами, заборный мат, какого мне не приходилось слышать ни до, ни после. Не вникая в смысл слов, я восхищался самой тирадой. Это была музыка! Барабанная дробь в исполнении какого-нибудь латиноамериканского ударника, выходца из Южной Африки. Под эту «музыку» мигом всё поправлялось, налаживалось, горело, свистело и правилось. Бодрела и умнела команда, распутывались все узлы, и насморк не мучил матросов.

...Много позже, на берегу, бывалый речник рассказал мне, по случаю, историю своего боцмана, самородка, виртуоза, кладезя в смысле «богов с боженятами». Всего-то два слова команды отдать, а как подступит, какую преамбулу подведёт — увертюра, и только!

Профсоюз постановил штрафовать его за каждое нецензурное слово на рубль. В первую же вахту он спустил две получки. Во вторую — достигло на полнавигации. В третью — боцман перехитрил профсоюз. Прежде чем дать команду, он выделявал вольные упражнения губами, и уж после того к нему возвращался дар речи.

— Отдать концы! — пласиво и обиженно, общипанно и обстриженно произносил он бескрылую, куцую команду.

...Шторм разыгрался не на шутку. Свирепый северный ветер гнал солёную волну Карского моря на сотни километров против течения. Река сопротивлялась и нижним течением сбрасывала свои воды. Громадные волны бились о восточный берег и рикшетом возвращались в море. Навстречу им катились волны от западного берега. Они бросались друг другу в объятия, поднимая клочья пены, кружились в диком танце. Мощная северная волна настигала их, поднимала ещё выше и крутила в обратном направлении. Буря смешала море с небом.

Ночью вахты несут капитаны.

— Это какое-то ненормальное море, — как бы оправдывается кэп. — На порядочном море волна катит с одной стороны. Ставишь корабль навстречу — и держи крепче штурвал. Бывает качка килевая, бортовая, а тут какая-то вертухальная! — продолжает он возмущаться.

Капитан теплохода «Калашников» более десяти лет перевозил пассажиров от Салехарда до Тазовского. Изучил коварный нрав Обской губы и так объяснял мореходам, почему в Обском море навигация сложнее, чем в океанах:

— В Тихом океане бывают приличные шторма, но всё равно не такие, как здесь. Губа мелкая, ветер сильный, поэтому волны крутые, как обрыв. В океанах же более пологие, мягкие. У нас корабли иногда переламинаются на волне. На земле есть четыре проклятых Богом места: Каспий, Бискайский залив, Татарский пролив и наша Обская, или, как мы её фамиллярно называем, Шальная губа. Особо гнусное местечко — у Мыса Каменного. Там

на моей памяти, с сорок первого года, шестьдесят семь судов разбило и потопило.

— Обь-матушка разгулялась...

— Не матушка, а мать её... — сверкнув глазами, он опять зализал такой «соловьиной трелью»...

Я слушал его и удивлялся — ни одного повторённого слова! Вот это поэт-импровизатор!

Наше судно медленно подняло вверх и резко шлёпнуло о воду. Кэп выпустил штурвал и обеими руками зажал рот.

«Уходи, быстрее уходи!» — машет рукой, другой с трудом сдерживая раздувшиеся щеки. Я понимаю — «морской волк» не хочет показать свою слабость. Его сильно тошнит. Он чувствует себя чем-то вроде испуганной курицы...

— Я легко переносил штормы во многих морях и океанах. И никогда ничего со мной не случилось. А здесь... Где? На реке! Меня уболтало, как последнего салажонка, — возмущался он утром, после вахты. Лежал он в своей каюте на животе, как и положено во время качки. Бледный. Скулы резко обострились.

«Да, кэп, это, наверное, твоя последняя путина...»

Шторм продолжался ещё сутки. Капитан-директор лежал в своей каюте пластом.

...Не желала Река отдавать своё сокровище, царь-рыбу — осетра. Вздрыбила она главную волну в извечно спокойном течении своём. Гнала, пугала непрошенных гостей. Вся природа воспротивилась...

Ты прости, капитан. Долгие годы я держал данное тебе слово. И сегодня я не называю твоего имени, хотя отлично помню и фамилию, и отчество. Ты воевал, жил и трудился не ради блестящих пуговиц на мундире. Не твоя вина, что путина на Оби не удалась...

Семь футов тебе под килем!

ПЕРЕКРЁСТКИ

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД СОВЕТСКОЙ ЭСКАДРЫ

Не служил бы я на флоте,
Если б не было смешно.

Флотская шутка

Военная бабушка

Однажды я решил отдохнуть в степной части Крыма. Поселился у прекрасной бабули. У неё в то время жил внук — моряк Черноморского флота, этим летом уволенный в запас. Тёплыми летними вечерами он рассказывал мне матросские байки.

Мы вели праздную жизнь отпускников-«дикарей». Мне, отказавшемуся от санаторно-курортной путёвки, нравилось «свободное расписание» отдыха, не втиснутого в жёсткие рамки распорядка дня санатория. Внук хозяйки, уволенный в запас матрос, постепенно отходил от строгой корабельной службы. Спал до полудня, пока яркие лучи солнца да ароматные запахи кухни не поднимали его с постели. После обеда мы ехали на электричке к морю, в Евпаторию. Вечером плотный ужин с домашним вином и длинные, за полночь, беседы.

Наблюдая и любясь своей хозяйкой, я всё больше проникался к ней глубоким уважением. Прямая, высокая, с твёрдым взглядом и чуть подёрнутым мелкой вуалью морщинок лицом, с чувством собственного достоинства, она выражала всем своим волевым видом независимость человека, живущего своим трудом. Её двор всегда был полон всякой живностью: куры, утки,

поросёнок, — но каждому было отведено своё место, и асфальтовая дорожка от дома до летней кухни всегда была чистой и поливалась из шланга по утрам больше для того, чтобы поднять влажность в жаркий день.

— Какая у тебя тихая и спокойная бабуля! — не выдержал я надежды, чтобы не выплеснуть свои чувства. — Лишнего слова не вымолвит, не лезет с расспросами, как обычно старухи...

— Это моя-то бабуля тихая, спокойная?! — возмутился он, подскочив со стула, и с какой-то ироничной улыбкой громко сказал: — Да знал бы ты, что она за три часа прорвала тройную оборону Севастополя! Поставила на уши замполита бригады военных кораблей и моего командира. А на вооружении у неё было всего лишь две корзины пирожков с фруктовым вареньем, орехи греческие да две бутылки с «зажигательной смесью» — самогоном! Это сейчас она тихая и спокойная, потому что внук дома... А тогда...

Он закурил, успокоился, а я с нетерпением ждал продолжения его рассказа. Начал он издалека, видимо, подводя слушателя к причинам, двинувшим бабулю на штурм Севастополя:

— Попал я на флот осенним призывом. Двое суток на сборном пункте в Симферополе, потом всех новобранцев отправили в экипаж в Севастополь на дополнительную медкомиссию. Распределили по флотам: Балтийский, Северный, Тихоокеанский... Меня оставили здесь, вблизи от дома, на Черноморском. Два месяца учёбы на Береговой базе, присяга — и в числе двадцати человек направили на боевой корабль. Вскоре мы вышли в малую «кругосветку» вокруг Европы, через Балтийское море в Польшу. В Севастополь вернулись через три месяца. И только тогда я написал первое письмо своей бабуле... — закончил он грустно рассказ с чувством запоздалого раскаяния. — Бабуля, как рассказывала при встрече, обливаясь слезами, каждый день заглядывала в почтовый ящик, вздыхала и плакала по ночам в полном неведении, где её любимый внук, что с ним. «Ну и выдеру я его при первой же встрече, как бывало в детстве! Не посмотрю, что

большой вымахал да в армии служит», — успокаивала себя бабушка. А увидела на палубе боевого корабля в форме матроса — бросилась в объятия, принялась целовать, разглядывать меня, тихо всхлипывая на моём «бравом» плече, сразу как-то обмякла, ссутулилась, постарела. Я впервые увидел у неё седые волосы...

— Постой-постой! Ты пропустил самое главное — шторм Севастополя!

— Погоди, не гони волну, — охладил меня рассказчик, расчувствовавшийся от своего повествования, и надолго замолчал.

— Получив письмо, бабуля с радостной вестью бросилась к соседям: «Внук нашёлся!» И тут же принялась собирать гостинцы. Напекла пирожков, насыпала грецких орехов — благо в саду два громадных дерева, — фруктов, разных компотов. Подумала немного и положила на дно бутылку самогона для капитана. Села, довольная, успокоилась. «Так это что же, одному внуку? А кругом будут стоять такие же «сиротины», смотреть и облизываться?» Взяла вторую корзину и её «укомплектовала». Взяла бы и третью, да рук не хватило...

Утренней электричкой бабуля ехала в Севастополь! Приграничный, закрытый, режимный город-порт, база военно-морского флота СССР, был недосыгаем для посторонних граждан. На станции Гурзуф пограничники останавливали все поезда и проверяли документы. Пассажиров без пропусков высаживали и встречными поездами отправляли обратно. Подошли они и к бабушке с корзинами.

— Куда, к кому, зачем едете? Ваши документы? — стандартные вопросы вежливых пограничников.

— К внуку, в Севастополь. Он там на корабле служит. Вот письмо вчера прислал. Всего три дня стоять будут, потом опять надолго уплывут...

— Бабушка, пропуск нужен, а у вас его нет... Придётся выходить из вагона и ехать обратно.

— Да вы что, сынки?! Хоть стреляйте — не выйду!

— Тогда мы вынуждены забрать ваш паспорт.

— Да забирайте, мне его домой принесут!

Взволнованная неприятным разговором, но довольная, что преодолела первый барьер, она приближалась к городу, в котором никогда не бывала, хотя и жила в ста километрах от него.

Сейчас, когда она целеустремлённо приближалась к встрече с любимым внуком, выплакав море слёз и посевев от переживаний, готова была штурмом брать любые бюрократические преграды. Они ей ещё предстояли впереди.

...Севастополь встретил её хорошей погодой. Солнце было уже высоко в бирюзовой выси безоблачного неба. Оно заливало ярким блеском зеркальные, совсем спокойные бухты, далеко врезавшиеся в берега, и стоявшие на рейде многочисленные военные корабли Черноморского флота, и красавец Севастополь, поднимавшийся над морем в виде амфитеатра и сверкающий своими фортами и домами среди зелёных садов и бульваров.

— У меня и в мыслях не было, чтобы бабулю пригласить в Севастополь, — оправдывался передо мной любимый бабушкин внук. — И зачем тогда я написал ей, что стоим на пристани Угольной и номер своего корабля? — задавал он сейчас себе вопрос. — В таком случае я должен был выслать ей вызов. Она, видимо, приняла моё письмо за приглашение...

Выяснила бабуля у прохожих, где та пристань. Пришла. А там КПП (контрольно-пропускной пункт)...

— Документы предъявите, бабушка! Вызов, пропуск, паспорт, — вежливо объясняет дежурный офицер.

Отошла бабуля, поставила корзины на землю... Нет, не заплакала, стала обдумывать ситуацию.

Выходит на площадь пожилой офицер, замполит нашей бригады кораблей, собирает публику вокруг себя и начинает рассказывать, что он сделает для жителей родного города, если они изберут

его в городской Совет народных депутатов. Выходит моя бабуля со своими корзинами из толпы в круг и обращается к кандидату:

— Вот ты, мил человек, рассказываешь, что потом сделаешь... А что сегодня ты можешь сделать?

Кандидат растерялся. Он никак не ожидал встретить в своём кругу преданных моряков жёсткую оппозицию в лице бабушки с корзинками.

— А что, бабуля, необходимо сделать сегодня? — со смущённой улыбкой спросил грозный офицер.

— Пропустить меня на корабль к внуку. Я ему гостинцы привезла.

Собравшиеся громко рассмеялись.

Замполит вызвал дежурного по КПП и приказал в сопровождении двух матросов проводить бабулю на корабль, чем сорвал аплодисменты собравшейся публики.

Ей предстояло взять последний рубеж. Вахтенный дежурный у трапа дал три длинных звонка, что означает «у трапа высокие гости» в чине адмирала или моей бабушки... По этому сигналу должен выйти командир корабля или старпом. Последний был на берегу, вышел командир. Сопровождающие матросы чётко, по уставу, доложили приказ замполита принять бабушку на борт и удалились. Командир дал, в свою очередь, приказ вахтенным матросам помочь бабуле войти по трапу на корабль.

Я в это время спал после ночной вахты. Прибегает в каюту матрос:

— Серёга! К тебе бабушка приехала! Вставай, одевайся и быстро в рубку дежурного!

Я оделся быстрее, чем по боевой тревоге.

— Где бабушка?

— У командира в каюте беседуют.

— Кто её сюда пропустил?!

— Никто её не пускал и не задерживал. Замполит бригады с сопровождающими прислал. Ну, Серега, у тебя и бабушка! Военная!

Прошла по кораблю, всё посмотрела. Командир рядом ходит, как за адмиралом флота. Всё объясняет ей, показывает... Командир встретил её у сходни со всеми почестями. Иди к командиру!

Я постучался, спросил разрешения войти. Командир переждал нашу радость встречи со слезами и поцелуями и стал хвалить меня бабуле, успокаивая её:

— Хорошего внука вы воспитали. Отличный матрос. Хорошо служит. Схватывает всё на лету. Политику партии и правительства понимает правильно. Верной дорогой идут сынки. Я бы дал ему увольнительную дня на три, но мы завтра уходим на учения, — добавил командир с сожалением.

— Командир, я вам гостинцев привезла, — и подаёт бутылку без этикетки, завёрнутую в газету. — Своя, домашняя, чистая как слеза, фруктовая... Только чтоб не на службе, а дома! — строго предупредила бабуля. Отсыпала из корзины орехов и прочих сладостей.

Капитан не смог отказаться, принял с благодарностью.

— А сейчас я вас приглашаю отобедать чем бог послал, — пригласил командир в офицерскую кают-компанию, как и положено на корабле после официальной части.

Бог послал на стол бабуле красную рыбу и жареную курицу, котлеты с жареной картошкой, масло, кофе, чай, компот — всё что душе угодно. Выбирай на вкус!

Я-то в кают-компании впервой! Стесняюсь командира. Покушала моя бабуля, поблагодарила капитана и говорит:

— Теперь я вижу, внучек, здесь ты с голоду не помрёшь.

А потом командиру с упрёком:

— Что же ты думаешь? Бабка старая, глупая, не поняла, что так матросов не кормят, что это офицерская столовая?

«Какая недоверчивая бабулька!» — подумал командир, улыбаясь. Он не обиделся и был готов к этому вопросу.

— Идёмте спустимся на камбуз, и вы убедитесь, что для всех готовят в одном котле, — с тайной надеждой, что она побоится спускаться по крутому трапу на нижнюю, жилую палубу.

Мы перемигнулись с коком, тот всё понял, показал, объяснил, убедил бабулю. Она успокоилась окончательно, что её внука здесь не обидят ни за столом, ни на службе. Любезно поблагодарила и отпустила командира, а сама пошла дальше — посмотреть, как живут, где спят матросы.

Прошли в мою каюту. Она выкладывает гостинцы на тумбочку. Достала вторую бутылку:

— Кто у тебя «близкий» начальник?

— Боцман.

— Отнеси ему в каюту, скажи, бабушка привезла. А я пока освобожу корзины.

— Ну и бабушка у тебя! Военная! Командир её по кораблю водил, а не какой-нибудь дежурный офицер. А она ему ещё замечания делает, придирается. Ну прямо адмирал! — сопровождает меня ватага матросов до каюты боцмана и обратно, рассчитывая на бабушкины гостинцы.

Набилось матросиков в каюте битком. Парни со всего Советского Союза, все республики были представлены в нашем экипаже. А навестила нас за все годы службы только одна моя бабуля. Как ни хорошо кормили матросов, а домашние гостинцы всегда вкуснее...

К вечеру я проводил бабулю на электричку с полными корзинами подарков и гостинцев от команды. Её визит надолго запомнился всему экипажу.

Только здесь, в бабушкином домике, в тиши окраины села, во дворе, увитом виноградником, в тени фруктовых деревьев, с пьянящим ароматом цветов, он почувствовал и ощутил прелесть гражданской жизни.

Первые дни по утрам напряжённый слух ждал команды: «Подъём!» Ночами — «Боевая тревога!» В 22:00 внутренний биоритм толкал его взор на часы: «Отбой!» Постепенно слух успокоился, распрямилась пружина постоянного напряжения тела.

С каждым новым рассказом он ворошил память, переживал вновь и вновь эпизоды и события недавней флотской службы. Все минувшие трудности с высоты сегодняшнего дня виделись пустяковыми, незначительными и ничего, кроме улыбки, не вызывали. И тем не менее я видел, что он заскучал. Хочет обратно на свой корабль, в свою боцманскую команду, ставшую за годы службы сплочённой, дружной боевой семьей. Снисходительно, иронично посмеивался над флотскими поговорками: «Масло съел — и день прошёл, съел яйцо — прошла неделя. Чтоб ещё такое съесть, чтоб три года пролетело?» — или: «У матроса такая участь — все три года бороться за живучесть». В последний год службы матросы-срочники подгоняли время: «Мы ждём, как сыра от вороны, приказ министра обороны».

— Серёжа, ты рассказал мне о малой кругосветке — из Чёрного моря вокруг Европы в Балтийское, о том, как ваша бригада охраняла встречу на Мальте двух президентов: Джорджа Буша и Михаила Горбачёва. Прекрасные, интересные рассказы! Расскажи о походе в Персидский залив.

— Этот рассказ — не на один вечер. Мы были в походе девять месяцев. Впечатлений — на всю оставшуюся жизнь!

— А нам с тобой спешить некуда. У меня отпуск северный, длинный, у тебя — ещё длиннее. Бутыль с вином мы только начали, надеюсь, до конца твоей повести нам хватит.

Он умел найти искорку юмора в самом незначительном эпизоде и поднести её так тонко и умело, что я не мог удержаться от распирающего смеха. Сонные горлицы в саду начинали истошно орать, возмущённые нашим полуночным бдением. А он, прерывая рассказ, прислушивался: не ворчат ли соседи, что, спасаясь от духоты в доме, спят в летней беседке за сетчатым забором в трёх шагах от нас.

Севастополь

Осенним, октябрьским утром, когда первые лучи перевалившего через вершины крымских гор солнца осветили сияющие купола Севастополя и разлетелись мелкими зеркальными осколками по лёгкой ряби бухты, наш корабль протяжным гудком простился с родным городом. Капитан, штурман и вахтенный офицер стояли в ходовой рубке торжественные и напряжённые. Команда — вдоль борта в строю, лицом обращённая к берегу. Мы уходили в дальний поход. На сколько месяцев, никто не знал, даже командир. «До приказа командования флотом», — объяснил нам боцман.

Миновали морские ворота, вышли в открытое море. Вскоре исчезли за горизонтом последние силуэты кораблей. Капитан и штурман спустились в каюты. Притихшие матросы сбились на юте и ещё долго смотрели молча в ту сторону, где остались родные берега.

В открытом море штурман чувствовал себя свободно, полностью передоверив курс корабля вахтенному рулевому. Он расхаживал по палубе и дразнил боцмана. Это было его любимое развлечение.

— Викентьич, и где ты себе такую команду насобираешь? — наступал он на больную мозоль боцмана. — Ты только посмотри на них — сбились у кормы, как овцы в гурт, и пытаются глазами зацепиться за берег.

— Не овцы, а бараны! — сплюнул боцман. — Они в своих киш-лаках да аулах воду только в арыках и видели!

— А тощие-то какие... — продолжал штурман, детина двухметрового роста, широкий в плечах. Китель на его груди вздымался как кузнечные меха, и, казалось, вот-вот выстрелит во время очередного взрыва смеха после удачной шутки над боцманом очередью блестящих, в якорях, пуговиц. Его красивое лицо было неподвижно и серьёзно, лишь лукавые искорки в глазах выдавали лёгкую, незлую иронию.

— Да, — согласился боцман, — худой матрос — позор для флота, — и тяжело вздохнул: — Откормить-то мы их откормим и разговаривать по-русски научим...

— Так они тебя ещё и не понимают? — не унимался штурман.

— Меня-то они понимают, — боцман покачал свой громадный кулак, как бы взвешивая и прикидывая его вес на глазок. — А я их — с трудом, — окинул недобрым взглядом молодых матросиков из азиатских республик, сбившихся в плотную кучку, испуганно наблюдавших за разговором начальников.

— Вот ты посуди, — подхватил тему боцман, — с давних времён экипажи русских кораблей были русскими. Иноверцев на флот не брали...

— Ну-у-у, боцман, это уже политика! А куда же прикажешь их девать?

— В кавалерию!

— В какую кавалерию? — Штурман не выдержал и рассмеялся. — Где ты столько лошадей возьмёшь? Ты что, забыл, как после смерти Будённого Хрущёв весь советский табун пустил на колбасу? «Дружба» — колбаса называлась. Дружба христиан с мусульманами. Генсек приказал в конскую колбасу свиного сала натолкать. Кстати, а ты проверил при погрузке провизии, какую колбасу нам выдали на берегу? Учти, правоверные свинину не едят. Им конину или, на худой конец, говядину подавай.

— Ничего, — ухмыльнулся непробиваемый на шутки Викентьевич, — у нас камбуз внизу, закроем шторы, чтобы Аллах не видел, как его благоверные Коран нарушают.

Фамилия этому добродушному русскому богатырю, собственно, как и боцману, дана была как в насмешку — Короткий Александр Николаевич. Капитан-лейтенант, уважаемый в среде матросов офицер, частенько защищал их от разгневанного боцмана.

Удовлетворённый утренней разминкой, оставил боцманскую команду в покое, продолжил променады по палубе в поисках замполита. Мимо этой никчёмной «боевой» единицы на корабле

Короткому было так же тяжело пройти, как псу мимо столба. Не терпел он высокомерного, лощёного хлыща. Тот был высок, красив и строен, как болт.

Александр Николаевич прошёл на бак. По-флотски широко расставил ноги, скрестил руки на груди и стоял как изваяние. Лёгкий, уже прохладный ветерок бегал по мелкой ряби волн. Всё вокруг было спокойно, умиротворённо и располагало к раздумьям.

«Куда мы идём? Зачем? Командование даёт дозированную и дробную информацию, не называя конечный пункт назначения. Пока идём на Босфор. А дальше? Получим следующую команду...»

Босфор

На корабле аврал. Связисты снимают антенны спецсвязи, смазывают узлы крепления, тщательно упаковывают в плёнку. Осталась торчать только телевизионная антенна, сработанная нашими умельцами. Экипаж готовится к «дружественной» встрече с Турцией — членом НАТО.

В Босфоре нас приняли «в объятия» быстроходные катера. Фотографировали, снимали на киноплёнку, пытались найти что-то новенькое на военном корабле. На берегу пролива через каждые пятьдесят метров камеры слежения. На командном пункте командир, штурман и вахтенный офицер. Один катер нагло пристроился к кораблю и на почтительном расстоянии идёт рядом, иногда забегая вперёд.

— Проклятые шпионы! — не выдерживает боцман.

Выходит на бак (носовая часть верхней палубы), снимает штаны и показывает потенциальному противнику нетронутый загаром белый зад.

— Нате вам! — кричит и смачно матерится.

С ГКП (главного командного пункта) голос командира:

— Боцман! Ты, какого... рекламируешь свою задницу?!

— Я им кадр испортить хочу.
Минутная пауза.
— Боцман! Срочно на ГКП!
— О, один клиент уже есть! — ухмыляется проказник.
— Викентийч, солидолу дать? — спрашиваю.
— Дай! — и принимает на левую ладонь солидный жирный шмат. — Мичман Поцелуев для группового секса прибыл! — громко, по-военному, рапортует и приглушённо добавляет: — Я и смазку принёс...
— Пошёл отсюда! — кричит кэп. — Чтoб духу твоего не было на палубе, пока Турцию не пройдем!

Средиземка

Напряжённое состояние команды, как тяжёлый груз, свалилось с плеч, когда вырвались на просторы Средиземного моря. Покачиваясь на лёгкой зыби, наш корабль быстро идёт к югу, удаляясь всё дальше и дальше от севера — белого, снежного, холодного, и всё-таки близкого, дорогого севера. Небольшой, окрашенный в шаровый цвет¹, стройный и красивый, легко и грациозно поднимается с волны на волну, с тихим шумом рассекает их своим острым форштебнем, вокруг которого пенится вода и рассыпается алмазной пылью. Волны ласково лижут бока корабля. За кормой стелется серебристая лента.

На палубе и внизу идёт обычная утренняя чистка и уборка, начинается день.

Рассыпавшись по палубе в новых тропических хлопчатобумажных безрукавках и шортах, босые матросы скребут и чистят палубу, пушки и медь — всё доступное должно блестеть и сверкать.

¹ Шаровые краски — составы, применяемые для отделки и маскировки военных кораблей, как правило, серого цвета.

Щелчок в динамиках и голос командира:

— Всему личному составу приступить к восстановлению антенного хозяйства! Срок исполнения — пятнадцать часов! Второе — собрать и передать связистам все пластмассовые телескопические удочки!

— Ничего себе команда! — ропщет матросский люд. — Разбирали антенны несколько дней, а собрать за пятнадцать часов!

К Порт-Саиду корабль подошёл похожим на громадного ежа: ошетинился по всему корпусу антеннами, в том числе и ложными, из рыбацких удочек. «Лови, фашист, гранату!» — вспомнил боцман клич морской пехоты. Позабавил нас командир своей выдумкой и немало озадачил иностранные разведки. Ещё бы: через проливы Турции корабль прошёл голым, как яичко, а через Суэц идёт обвешанный антеннами, словно принимает информацию со всех спутников, летающих в космосе.

Суэцкий канал

Суэцкий канал — сложное гидротехническое сооружение. Несколько параллельных каналов разной ширины и глубины. В зависимости от грузоподъемности и водоизмещения судов формируются соответствующие караваны. Движение по каналам одностороннее.

В девять часов утра открываются ворота. Наш корабль идёт впереди каравана иностранных и советских судов. Проводящий корабль — это платформа с песком впереди паровоза, идущего по партизанским лесам. Береговые службы, формирующие караваны, предпочитают ставить в голову российские суда и, по возможности, боевые корабли.

У наших штурманов более точные карты минных полей. И это не удивительно — именно Россия первой откликнулась на обращение Египта очистить воды от мин после войны с Израилем.

С тех пор, по межгосударственному договору, наши суда получили право беспошлинно проходить в Красное море.

На борт поднимается береговая команда проводки: лоцман, два электрика и два лодочника. Лоцман занимает место у штурвала, электрики устанавливают свои дополнительные прожектора, лодочники вместе с палубной командой готовы в любую минуту перебросить кранцы на борт, опасно приблизившийся к стенке канала. Якоря приспущены, готовы к манёвру.

Красное море

Убрали весь камуфляж — удочки с антенн и прочие хитрости. Звучит команда: «Готовность номер один! Все по боевым расчётам!»

Палубная команда в броне- и спасательных жилетах, шортах, касках и... тапочках. Получили автоматы — без патронов, по паре гранат — без запалов: «Вдруг за кольцо дёрнете».

«Приближаемся к пункту назначения», — подумали матросы.

Оказалось, идём на дозаправку к эфиопским островам Дахлаг. В водах этого небольшого архипелага беспредельничают местные повстанцы — пираты XX века. Налетают на гражданские, торговые и даже военные суда, не обращая внимания на флаг государства, под которым идёт корабль.

Слабых грабят, сильных обстреливают — и скрываются на быстроходных катерах.

Наше командование вынуждено закрепить в акватории островов большой десантный корабль.

Дозаправка прошла спокойно: нам не пришлось бросаться на abordаж со штыками наперевес и босиком — тапочки полетели бы в головы пиратов вслед за гранатами.

Миновали Баб-эль-Мандебский пролив, отделяющий Африку от Аравийского полуострова, вышли в Аденский залив и по Аравийскому морю обогнули одноимённый полуостров. Здесь

всем стало ясно, куда вело нас командование от залива до пролива, по морям и океанам, — в Персидский залив, где американцы изгоняют войска Саддама Хусейна из Кувейта, объявив иракскому диктатору «Бурю в пустыне».

Появился нездоровый интерес увидеть американцев, их боевые корабли. Весь экипаж в трепетном нетерпении ожидал встречи. Но нам предстояло пройти ещё Оманский залив и Ормузский пролив. И вот мы в Персидском заливе. Встали на боевое дежурство в водах Объединённых Арабских Эмиратов. К сожалению, это далеко от Кувейта и американского флота.

Встреча на рейде с американцами

Корабль бросил якорь на рейде Оманского залива: Ормузский пролив на ночь закрывается. Ночь была тихая. Безоблачная высь переливалась золотыми гроздьями созвездий. Всё выше поднималась луна, и серебряный свет её расстился по ровной поверхности вод. Море заворожённо молчало. В такую ночь сотни глаз пристально смотрели по сторонам, всматриваясь в силуэты ярко освещённых кораблей, стремясь определить: «Наш? Не наш?» Американцы стягивали свой флот к месту боевых действий.

Духота южной ночи, полное безветрие, не остывший от полуденного зноя металл корабля не давали никакой возможности находиться в каюте. Штурман, капитан-лейтенант Александр Николаевич Короткий, вышел на верхнюю палубу. На траверсе американский фрегат семафорит нам: «Кто такие? Куда идёте?»

Штурман подошёл к сигнальщику, отсемафорил в ответ «договориться» и перешёл на их частоту. На английском вёл разговор по радию.

Здесь уместно будет заметить: капитан-лейтенант А. Н. Короткий отлично знал английский язык, а также, помимо языков основных мореходов мира, свободно владел арабским.

На вопрос соседнего корабля последовал уклончивый ответ:

— Мы-то по нужде, а ты куда идёшь?

— Нужды бывают разные. А ты кто такой?

— Я русский.

— Странно. А я американец. Куда идёшь?

— Не твоего ума дело.

— Сразу видно, что русский.

— Куда идёте?

— В Персидский залив.

— И мы в Персидский.

— Мы вам не советуем туда соваться.

— А в чём дело?

— Там будет большая заварушка.

— И без вас знаем.

— А что у вас в трюмах?

— Полные трюмы спирта, — пошутил штурман.

— Разрешите познакомиться поближе?

— Швартуйся.

Фрегат медленно развернулся и направился на сближение.

На палубу выходит командир — Александр Александрович Аксёнов. Ему тоже так и не удалось уснуть в эту ночь. Огляделся.

— Александр Николаевич, это что за корыто идёт к нам? Что ему надо?

— Успокойся, командир. Всё нормально. Это наш заклятый друг американец идёт к нам в гости.

— Как — к нам?

— Да, я его пригласил.

— Ты что?! В своём уме?!

— А что? Мы же союзники. Сказал, что мы торговое судно. Везём полные трюмы спирта.

— Ты что — идиот? Какое торговое судно с пушками на борту!

Между тем фрегат подошёл с левого борта. Сделал несколько галсов, встал. По радиации договаривается со штурманом, кто к кому будет причаливать. По морским законам, малый корабль

подходит и швартуется к большому. Американец видел: перед ним не гражданское судно и водоизмещением меньше его. Предлагает нам сняться с якоря и пришвартоваться к нему.

Штурман вошёл в раж:

— Кто к кому идёт в гости?

Командир безучастно наблюдает за переговорами, втайне надеясь на снобизм и гордыню не званного им гостя.

Американец уступил. Пришвартовался. Перекинули трап. По обе стороны трапа заняла своё место вооружённая вахта. С дружеским визитом к нам на корабль перешли командир, старший офицер и штурман. Они были в штатских костюмах, без знаков различий: в белых брюках и теннисках. И только по их взаимоотношениям можно было судить, кто есть кто. Наши офицеры встретили союзников крепкими рукопожатиями и пригласили в кают-компанию.

Я заступил на вахту в 20 часов. Стоим, смотрим друг на друга с нескрываемым любопытством. Познакомились: Джон — Серж. Душно. Мой визави вызывает посыльного. Тот приносит ему контейнер, в нём на льду банки кока-колы. Достает, открывает и с наслаждением потягивает прохладный напиток. Я вызываю своего посыльного:

— Видишь?

— Вижу.

— Я тоже хочу пить.

Посыльный возвращается с тяжёлым, трёхлитровым дюралюминиевым чайником прохладного компота. Стакан забыл, придурок. Я поднял чайник и пью из носика.

Американец заинтригован:

— Чейндж? Давай меняться?

Он подаёт мне из контейнера холодную, в росе, банку, я ему — чайник. Он пьёт из носика.

— Олрайт! — показывает большой палец и, довольный, широко улыбается.

«Народная дипломатия» продолжалась до смены вахты в 00 часов. За это время мы обменялись часами, зажигалками, «Беломорканал» пошёл в обмен на сигареты...

В четыре часа утра боцман поставил на вахту опять меня.

— Викентийч, я не успел выспаться, — канючил я не по уставу.

— Ничего, Серёга, отоспишься, когда гостей проводим. Ты, я смотрю, с ними общий язык нашёл. Ты их встречал, тебе и провожать, — по-отечески уговаривает боцман.

На том корабле, видимо, руководствовались теми же соображениями: мы опять встретились на вахте, как старые друзья, которые не виделись целых... четыре часа.

«Визит вежливости на высшем уровне» закончился в ранних предрассветных сумерках. Тёплая, дружественная беседа разморила гостей. Они, придерживаемые под локотки нашими офицерами, шагали, с трудом переставляя ноги. По вызову вахтенного Джона навстречу прибежали шесть матросов и поодиночке, осторожно перевели своих командиров по трапу. Те, уже на своём корабле, оглядываясь, кричали слова благодарности и клятвы в вечной дружбе.

Короткий рассвет рождался в тишине. В глубине бледно зеленеющего неба гасли звёзды. Море ещё не проснулось, но уже румяно улыбалось. Обласканные чудесной свежестью, поднимались на палубу вахты. Вот радостно заструились, пронизывая солёный воздух, первые лучи солнца...

Мы убрали трап, подняли якоря, отдали швартовы и тихо пошли к проливу. Фрегат не подавал никаких признаков жизни.

Персидский залив

Радости команды не было предела — наконец-то закончился дальний и утомительный поход. Стоим на якоре. Солнце играет с морем в «ладушки». Тихо. Утренний ветерок ладошками гладит по щеке, волны по-кошачьи мурлыкают и ластятся к борту

корабля. Идиллия после трудного перехода. Мы и предположить не могли, что самое сложное предстоит впереди — испытание воли, терпения и нервов во время многомесячной стоянки. В таких условиях и выясняется, кто есть кто.

Экипаж жил и служил в прежнем режиме, определённом уставом. Сменялись вахты, проводились тактические занятия, стрельбы, имитировалась химическая атака: «слоники» — матросы в противогазах носились по палубе, проводили деактивацию, опрыскивая надстройки химическими препаратами. И всё-таки было скучно, однообразно до скрежета зубов, и каждый старался как-то разнообразить своё свободное от вахты время.

Штурман от безделья донимал боцмана, любил смотреть, как тот воспитывает молодых, в пушке и с зеленью на ушах, членов своей команды, подходил и назидательно выговаривал:

— Великую оздоровительную силу русского мата, Валерий Викентьевич, нельзя разменивать по мелочам!

Безобразно и нагло светило солнце; крупные капли росы собирались на железе в сытые, лоснящиеся лужицы, отвратительная голубизна прозрачной дали рождала в душе гнусное желание опуститься на четвереньки и кого-нибудь забодать. Подобные мысли не покидали Александра Николаевича последние дни. Стоять на приколе четыре месяца — невыносимое испытание для могучей, темпераментной натуры штурмана.

— Где этот балласт для корабля?! — кричал он в подпитии, имея в виду замполита, на котором постоянно срывал зло, накопленное от безделья.

А когда удавалось встретить своего визави, он не бросался на него с кулаками, не ругался по-боцмански, матом, — он изощрённым сарказмом, интеллигентно, не повышая голоса, разговаривал с ним, и со стороны можно было принять их перепалку за деловую беседу двух офицеров.

— Вы оскорбляете моё достоинство, — обиженно заявляет капитан-лейтенант третьего ранга Гритчин.

«Человеческое достоинство» вызывает у штурмана хохот, так смеются пьяные проститутки, когда с ними вдруг говорят о любви.

— Что смотришь, как задница на кактус? Не совершили бы вы эротическую прогулку пешком в то место, откуда появились? Как бы вас не обидеть? — якобы задумался штурман. — Чудак! Считайте мои слова комплиментом. — И с чувством выполненного долга гордо удалился.

Замполит «настучал» на штурмана в политотдел перед самым выходом в море. Политотдел, скорый на расправу, потребовал строго наказать, вплоть до снятия с должности.

Начальник штаба пошёл на компромисс:

— Пусть сходит в плавание, нечем сейчас заменить опытного штурмана. А там посмотрим.

...Утро. Боцман вышел на солнышко, зевнул, как пёс, покинувший свою конуру, выдохнул, улыбнулся и, сняв пилотку-мицу, обнажил свою седую голову, подставил лицо ласковому ветерку, зажмурился, как кот, от удовольствия.

На палубе идёт построение на утреннюю физзарядку. Дежурный офицер поручает провести её мичману, мичман — старшему по отделению, и, пока идёт препирательство, подходит боцман к шеренге, командует:

— Пятки вместе, носки врозь, попки сжать и грудь вперёд! — И пошёл дальше.

Громкий хохот залпом вырвался из десятка молодых глоток.

На шум в строю прибежал дежурный офицер:

— Прекратить смех! Смирно!

Медленно, с всхлипыванием, смех стихает. И только хохотун Вахтанг Чуприна, душа компании, не может успокоиться. Он взвизгивает, зажимает рот ладонью...

— Чуприна! Выйти из строя!

Вахтанг вышел и встал рядом с офицером. Взглянул на парней — они с большим трудом собирают растянутые улыбкой губы в трубочку, подобную куриной гузке, из которой только что

выпало яичко, и он вновь заливается заразительным смехом. На парня напал смехунчик. С полным ртом смеха, дрожа веками, пузырясь ртом, он пытается сдерживаться, у него выкатываются глаза, из него вырываются какие-то звуки — всё это, скорее всего, от нервов. Парни, глядя на него, тоже не могут удержаться от смеха и закатываются хохотом.

Боцман

Всё лето наш корабль в составе бригады Черноморского флота стоял на рейде в водах Персидского залива. В самом пекле: слева Африка, справа Аравия. Американцы изгоняют войска Ирака из Кувейта, а мы стоим на боевом дежурстве в готовности номер один. Жара донимала, напряжённость изматывала. И лишь в конце декабря бригаде дали отбой. Мы встали на отдых в порту Абу-Даби — столице ОАЭ, на востоке Африки.

Утро в тот день стояло солнечное, блестящее, небо синее, чистое от облаков. Капитан отпустил команду на берег, на корабле остались лишь вахтенные.

— Товарищ командир, разрешите сойти на берег? Старпом второй день отказывает в увольнительной. Домой идём... Детишкам подарки купить хочу, — просит боцман.

Таким униженным и оскорблённым кэп его видит обычно на второй день после очередной выходки на берегу. Они оба знали причину отказа на увольнительную. Но упоминание о детишках смягчило сердце капитана, и он отступил от своего обещания не отпускать на берег боцмана до самого Севастополя.

Надо же, что в прошлый раз учудил! Жарко было. Выпил немереное количество кружек пива, вышел из бара на площадь и видит скульптуру писающего мальчика. Встаёт рядом, в форме советского морского офицера, и даёт тугую струю, соревнуясь со скульптурой. Его, конечно, повязали и доставили на корабль.

— Добро, Валерий Викентьевич. Возьми пару крепких матросов из своей команды, чтоб довести, а то и донести могли. — Капитан усмехнулся.

Боцман хотел было возразить или, пуще того, поклясться, что «ну ни единой капли в рот не возьму»! Командир остановил его жестом: мол, знаю цену клятвам твоим, — и добавил:

— Смотри, здесь не Европа. У арабов сухой закон, и пьяных они ненавидят.

Несмотря на свирепую наружность и на самое отчаянное сквернословие, которым боцман приправлял обращения к матросам и монологи под пьяную руку на берегу, Валерий Викентьевич Поцелуев был простодушнейшим и кротким существом с золотым сердцем, и притом лихим и знающим своё дело до тонкостей боцманом. Он никогда не обижал матросов — ни он, ни матросы не считали, конечно, обидой его ругательные импровизации. Нечего и говорить, что простой и незаносчивый Викентьич, как почти-тельно звали его матросы, пользовался среди команды уважением и любовью.

Бывало, соберутся матросы после вахты на баке, в этом матросском клубе, где обсуждаются все явления судовой жизни, и давай байки травить. Жара подсказала тему. Разговор пошёл о пиве.

— Да и водочки бы не мешало, — мечтательно произнёс кто-то из «стариков». — Надо же придумать пытку — держать девять месяцев на сухостое!

Боцман ходит вокруг компании, сигареты покуривает, прислушивается, ухмыляется себе в усы, но близко не подходит: форс держит, ждёт, когда пригласят или спросят что.

— Викентьич, говорят, ты пить большой мастак? Сколько сможешь выпить за один раз? — распахнув глазки, искренне спрашивает первогодок.

— А сколько нальёшь, столько и выпью, — увильнул от ответа боцман.

— А какую надо закуску, чтоб не опьянеть? — не унимается юнец.

— Не знаю, какую тебе, а наш боцман предпочитает квашеную капусту. А наутро — капустный рассол, ежели нет огуречного, — ответил вместо Викентьича мичман. — А пьёт он до тех пор, пока капуста не всплывёт! — И захохотал, довольный своей шуткой.

...В городе боцмана не интересовали ни городской пейзаж с красивыми мечетями и минаретами, ни многоэтажки офисов из стекла и бетона, ни арабочки в свободно накинутых цветных и прозрачных платках, смущённо прикрывающие лица и с любопытством рассматривающие большими миндальными глазками встречных моряков. Он шёл на базар. Это был не тот восточный базар из сказок Шахерезады, а современный, урбанизированный — сплошные ряды металлических стандартных павильонов. Здесь можно было приобрести любые «товары народного потребления», кроме флакона с нефтью — основного продукта экспорта, за счёт которого создан самый высокий жизненный уровень населения Эмиратов.

В любой «лавке» вас радушно встретит хозяин. Предложит выпить душистого чая. Расспросит, откуда пришли, где побывали, что видели, куда путь держите, как живут в вашей далёкой северной стране. Помимо работающего кондиционера, он поставит перед вами персональный вентилятор или предложит бесплатно, как и чай, бутылочку прохладительного напитка. И лишь после близкого знакомства с любезной улыбкой поинтересуется целью вашего визита. Раскинет перед вами на прилавок полный ассортимент различных моделей и модификаций. И начинается торг в восточном стиле!

Для продавца, скучающего в отсутствие покупателя, торг — это игра, удовольствие, наслаждение от общения, спектакль. Он улыбается, заглядывая вам в глаза, бегаёт вокруг — примеряет, доказывает достоинства товара, на калькуляторе показывает цену. Вы делаете удивлённые глаза, морщите брови и мотаете головой.

Он тут же сбрасывает цену на четверть, потом на три четверти... Вы делаете вид, что уходите: «У соседа в два раза дешевле!..» Он чуть не ловит вас за рукав и сбрасывает цену в два раза. И если вам удалось купить не за восемьдесят, к примеру, а за двадцать драхм, он с удовольствием и радостью торжественно преподнесёт вам презент — какую-нибудь незатейливую безделицу — и будет благодарить за покупку, провожая до порога.

Викентийч загрузил нас пакетами с покупками, и мы на автобусе отправились в порт. Всю дорогу он ворчал, что в этом арабском городе покупку невозможно обмыть... «Ладно, мужики, в порту оттянемся по полной программе!» Мой напарник, азербайджанец Фирдус Гаджи оглы, в общем, Федя, с тревогой взглянул на меня: мы были наслышаны о «программах» боцмана, о них в экипаже ходили легенды. Мы робко пытались отговорить его от «выступлений»...

Шлагбаум медленно опустился, пропустив автобус в порт. Мы за границей арабского аскетизма. Здесь есть всё для отдыха иностранных моряков: бары, рестораны, увеселительные заведения...

Боцман уверенно направился в ближайший бар. Мы за ним. Взяли по банке кока-колы и встали за высокий столик, не спуская глаз с нашего командира. Он долго стоял у стойки, изучая широкую, во всю стену, витрину с большим ассортиментом вин. Вдруг его взгляд поймал в пёстрой картине знакомую с детства наклейку «Московская». Он даже хрюкнул от радости, глаза заблестели, рот растянулся в блаженной улыбке; потирая руки, он показал бармену на предмет своих мечтаний. Тот поставил стопку, и, пока раскупоривал бутылку, нетерпеливый гость заменил её на поллитровый высокий стакан для коктейлей. Тот удивлённо взглянул и начал лить. Боцман приложил палец к горлышку и наклонял его до тех пор, пока вся жидкость не перелилась полностью.

— Ну, родная, за тех, кто на борту! А те, кто за бортом, напьются сами, — и залпом опрокинул, да так лихо, что кадык не шелохнулся.

Бармен-негр был до крайности удивлён, покачал головой и предложил закуску. Викентий стоял, закрыв глаза, прислушивался, как «живительная» влага очищающим потоком медленно опускается вниз его организма.

— Оп, упала!

Викентий подошёл к нам, достал пачку сигарет «Полёт» (были в наше время такие «термоядерные», без фильтра: затянешься — обратный клапан срывает), закурил.

— Это я, ребята, — как бы оправдываясь перед нами, — долг своей утробе отдал за многомесячный сухостой. А сейчас приму на грудь авансом — когда ещё придётся душу порадовать!

Он подошёл к стойке и показал бармену жестом: «Повторить». На этот раз тот перелил в стакан уже без посторонней помощи. Боцман громко выдохнул и опрокинул стакан одним махом. Вытер губы рукавом и попросил булочку. Бармен позвал напарника, показывает ему на русского и что-то объясняет. Потом наливает в тёмный бокал какой-то напиток, поджигает и предлагает боцману. Тот отказывается: не заказывал и денег больше нет, — хлопает по карманам и разводит руки в стороны.

— Бери, пей — бесплатно, фирма оплачивает, — объясняет негр. Но уж коли так, да на халяву, боцман кричит:

— Ты что же делаешь, чёрная обезьяна?! Зачем поджёг — спирт выгорает!

Закрыв широкой ладонью бокал, пытаюсь погасить фиолетовые язычки пламени, и выпил на радость и удивление собравшейся вокруг публике. Любопытных собралось с обеих сторон стойки: там — весь обслуживающий персонал зала, здесь — моряки иностранных судов.

Видя, что событие приобретает весёлый оборот, бармен наполнил второй бокал, поджёг и вновь предложил боцману. Иностранцы наперебой пытаются объяснить, что грог пьют разогретым и пламя не надо тушить, но Викентий отодвигает их широким жестом от стойки бара:

— Будет ещё немощь забуточная учить русского моряка водку пить!

Потушил пламя и уже без особого удовольствия, больше из куража, выпил и этот бокал.

Улыбки, удивление, восхищение, аплодисменты заполнили небольшой зал бара. Героя дружески похлопывали по плечу и предлагали выпить ещё с ними. Боцман потерял над собой контроль и пошёл вразнос... Ждать беды. Мы с трудом вывели его на свежий воздух и направились на корабль.

Смеркалось. Длинные тени лежали на остывающем бетоне приморской площади. Вдохнув полной грудью вечерней прохлады, Валерий Викентьевич в приподнятом настроении удачно выступившего артиста, сорвавшего аплодисменты публики, покачиваясь, неровным шагом шёл, поддерживаемый нами, на корабль. Он был доволен сегодняшним днём. Чувства переполняли душу и рвались наружу. И он запел! О родных российских просторах, перебирая слова и мелодии, но пел громко и самозабвенно.

Нас обгоняет и резко останавливается джип. Выходят полицейские и вежливо предлагают свои услуги — доставить на корабль.

— Какую песню задушевную испортили! — кричит на них боцман. — Идите прочь! И без вас дойдём! — Размахнулся и сбил фуражку одному из не понимающих русской души.

Объяснить бы им, что наш мужик по пьяни всегда песни поёт, и чем задушевнее песня — тем громче исполняется. Так опять же языков не знаем. Отвесили нам так вежливо по доброму подзатыльнику и почти от самого корабля увезли в город, в полицейский участок. Там пострашнее, чем в порту, порядки.

Проверили наши военные паспорта, составили протокол, выяснили, с какого мы корабля, вызвали сотрудника нашего посольства. Тот с порога к боцману:

— Как тебе не стыдно?! Позоришь форму советского офицера!

— Не тебе её носить, скотина! — кричит ещё не остывший боцман. Потом, как бы очнувшись: — Так ты ещё и по-нашему балакаешь?! На тебе в рыло!

Посол опрокинулся спиной на стойку дежурного участка. Боцмана связали, и он, поняв, что силы неравные, затих и даже задремал.

После инцидента с послом с нами разбирались ещё часа два. Мы с Федей, напуганные происходящим, сидели тихо в углу. Наконец послу предложили самому отвезти нарушителей на корабль. За это время наш Викентьич немного вздремнул, отрезвел, оклемался и понял, что перед ним русский посол.

— Земляк! Ты откуда родом? Ленинградский? А я челябинский! — и бросился, по-русски, обниматься и целоваться. — Пойдём выпьем за встречу! Я плачу! — широким жестом размахнулся боцман.

— Давай, братишка, сначала на корабль, а там посмотрим.

Джип останавливается у самой кромки причала. Выходим. Время далеко за полночь. Корабль ярко освещён береговыми прожекторами. Мы с Федей, незаметно поддерживая боцмана под локти, поднимаемся по трапу. Консул на небольшом расстоянии идёт следом. На корабле, широко расставив ноги, закинув руки за спину, с трудом сдерживая себя, стоит командир, играя желваками, разжимая и сжимая кулаки. С каким удовольствием и наслаждением он сейчас отметел бы боцмана! Жаль, устав не позволяет. Ему доложили по радиации всё до мельчайших подробностей.

Боцман вытягивается во фрунт, изо всех сил пытаясь держать вертикальное положение и не раскачиваться, что удаётся ему с большим трудом, с фиолетовым «фонарём» под глазом, с царапинами на лбу, в разорванной до пупка флотской рубашке и без фуражки, прикладывает ладонь к виску и, как кажется ему самому, бодро рапортует:

— Товарищ командир! Группа из трёх человек прибыла на корабль из увольнения вовремя и без замечаний!

— Сволочь! — сорвался командир. В этом крике он выплеснул свой позор за команду, нервную напряжённость долгого и тягостного ожидания этого разгильдяя, мучительное волнение

неизвестности отношения к ЧП командования бригады и посольства.

— Вовремя?! И без замечаний?! — зло и с большой долей ехидства прокричал капитан. — А консула зачем привёз? — спросил он с пристрастием, но приглушённо.

— Так не я его привёз, — доверительно поведал боцман, — а совсем наоборот...

— А вам, — наконец кэп обратился к нам, стоящим навытяжку, — марш раздеваться и спать! Вдвоём не могли удержать своего боцмана, — с упрёком добавил он, хотя сам понимал, что этого в пьяном угаре буяна вряд ли и четверо удержат. — А ты, боцман, и вы, товарищ консул, пожалуйте ко мне в каюту.

Только мы разделись и легли, прибегает боцман, почти трезвый — кэп, видимо, своим гневом выбил и хмель, и дурь:

— Серёга! Где у нас спирт?

— Зачем?

— Зачем-зачем, не понимаешь, что ли?

И он залился приглушённо, чтоб не разбудить ребят, такой «соловьиной трелью» ненормативной лексики, что диву даёшься, как он всё помнит накопленный столетиями во флоте русский мат. И ведь как гладко говорит — соблюдая все склонения существительных и спряжения глаголов! Потом спокойно и доверительно, в знак особого расположения, объяснил, что «мирное соглашение» с послом заключается, и прибавил при этом забористое словечко в самом нежном тоне.

Я отдал ему ключи от нашей «шкерки» — кладовки, где хранился такелаж и судовые запасы спирта. К месту сказать, «ключи от спирта» он сам мне отдал на хранение — от греха подальше, наказав при этом не отдавать, сколь бы настойчиво он ни просил. Ну а сейчас особый случай: как ни говори, а мирные договоры даже дипломаты обмывают.

...С тех пор мой боцман в рот не брал спиртного. По крайней мере, при мне, до самого Севастополя.

Шкерка

Мы ужинали поздно, на закате солнца, когда спадала жара. В тени шатра из виноградника не заметили, как выплыл полный месяц, смущённо улыбающийся ярким звёздочкам, окружившим его плотным и радостным хороводом на бархатно-чёрном небе.

Наш обеденный стол и часть двора освещал уличный фонарь. Глупые ночные бабочки-однодневки, слетевшиеся со всего сада, бились о толстое стекло плафона, пытаясь разбить его своими слабенькими припудренными крылышками, чтобы постичь глубину истины источника света.

Ужин давно закончился. Бабушка убрала посуду. Принесла из холодного погреба очередной графин вина. Он тут же покрылся испариной, и мелкие капли влаги, оставляя затейливые дорожки, скатились на стол.

Бабуля, как за глаза я звал свою хозяйку Анну Андреевну, подражая её внуку, постояла у притолоки двери, прислушиваясь к нашей тихой беседе, а может быть, думала о чём-то своём, и отправилась отдыхать.

— Так, приманка у нас на столе, можно и подольше посидеть, — удовлетворённо заметил внук.

— Что значит «приманка»?

— А это чтоб мы со двора не ушли и она спала, за нас не беспокоясь, — расшифровал хозяин непонятливому гостю хитрость своей бабушки. — Вино, которым она сейчас нас угощает, из той бутылки, что поставила осенью того года, когда меня призвали на флот, и закопала в саду, чтобы дед «по ошибке» не перепутал с молодым вином, ещё кислым, так что ему приходилось в стакан подсыпать по чайной ложке сахара. А он не любил вино с сахаром!

На столе стояла большая ваза фруктов. Всё располагало к тёплой, неторопливой и долгой беседе.

— Я смотрю, бабуля тебя откармливает, как хряка на убой, хотя на тощего ты не похож. Постоянно в спортивных штанах на резинке — флотский ремень, поди, маловат? А как на флоте кормят?

— Моряк без пуза — что баржа без груза! — продекламировал гордо чисто флотскую поговорку мой собеседник. — На флоте всегда кормили хорошо... А вот ты мне и подкинул тему для очередной байки...

Мы стояли на боевом дежурстве в Оманском заливе. Был полный штиль. Пора спокойной морской жизни. Вахты самые приятные — почти никакой работы. И матросы, коротая их, разговаривая между собой, вспоминали родные берега, развлекаясь иногда зрелищем блестящих на солнце летающих рыбок, нередко попадающих на палубу корабля.

По громкоговорящей связи раздаётся приказ:

— Подходит буксир с продовольствием! Все наверх! Вахте приготовиться к швартовке! Всей команде — к выгрузке!

Вахтенные матросы быстро, чётко и легко «привязали» наш корабль с носа и кормы, перекинули трапы на «мамку-кормилицу», как называли эту «продовольственную» посудину. Буксир, приписанный в штат бригады, предназначенный для отбуксировки в ближайший док повреждённых кораблей, находился без работы по прямому своему назначению и использовался для снабжения боевых кораблей продуктами из ближайших стран, которые снабжали моряков по договорам с нашим правительством.

Матросы, как муравьи, плотной цепочкой сновали с одного корабля на другой с коробками фруктов, овощей, кофе, чая, масла, тушёнки и сгущёнки, с мешками сахара и свежей картошки. Высыпали фрукты в большие ящики своего трюма и с этими же коробками бежали за сухой колбасой, наваленной кучей в трюме, где температура стояла минус 18-20 градусов.

Обвязав вокруг разгорячённого тела связку холодной колбасы, заправив её концы в штаны на поясище и накрыв колбасный

пояс рубахой навывпуск, зябко вздрогнув, очередной матросик из боцманской команды, лукаво улыбаясь и передёргивая кожей от холодных ручейков, скатывающихся ниже пояса, бежит по трапу на родной борт. Там его встречает «свой», незаметно освобождает от «пояса» и столь же незаметно уносит в шкерку...

Кормили моряков отлично. На столах были и шоколадные конфеты, и всевозможные субтропические фрукты, да такие, что в российских магазинах и не встретишь, не говоря уже о цитрусовых, яблоках, грушах и прочих сливах-вишнях.

В случае с колбасой — это было не воровство, а больше игра. Офицеры видели нашу «хитрость» и предвкушали удовольствие разоблачения после того, как отвалит буксир, — на своём-то судне они разберутся...

...После отбоя никто не мог уснуть. В эти дивные южные ночи с мириадами мигающих звёзд на абсолютно чёрном небе, ночи, когда вся команда, прихватив из кают тюфячки, подушки, одеяла, а иногда и бушлаты — под утро бывает холодно, — спит на верхней палубе, спасаясь от духоты кубриков; а вахтенные, собравшись в кучки, коротая время, рассказывают анекдоты, прикрывая ладонью рот от взрывного смеха, чтобы не привлечь внимание вахтенного офицера.

Команда «заговорщиков» по одному собиралась на «конспиративной квартире» — в шкерке.

Шкерка — это сокращённое моряками слово, обозначающее подшкиперную кладовую, расположенную на верхней палубе, где хранится судовой инвентарь. Там же за большим рабочим столом ремонтируется такелаж. Полноправный хозяин этого цеха-кладовой — боцманская команда, а ключ — у старшего матроса.

Этой ночью стол рабочий напоминал свадебный. Не хватало лишь невесты. Вокруг на ящиках сидели счастливые матросы, человек пятнадцать участвовавших в операции «сухая колбаса». Помещение благоухало ароматом восточного кофе. На столе стоял

ряд открытых банок сгущёнки, у каждого в руке по каральке колбасы и куску тёплого белого хлеба — пекарь расстарался. Вчерашние мальчишки наслаждались «вкусной и здоровой пищей», праздновали, радуясь, как легко и ловко провернули операцию. Подходили опоздавшие дизелисты, мотористы, подавая условный сигнал — стуком в дверь.

Очередной стук пароя. Смело открываем, на пороге — боцман! Он застал нас врасплох. Любитель тёплых компаний, увидев всю свою команду в сборе, для порядка возмутился и без приглашения сел за стол. Мы налили ему кофе.

Следующий стук... Не наш пароль... Но мы уже «за спиной» боцмана, открываем дверь спокойно. Мичман!

— Это что у вас здесь за бедлам?! — но, увидев боцмана, спокойно отхлебывающего из кружки кофе, присоединился к застолью.

Раздался негромкий, но требовательный стук. Капитан или старпом?! Боцман с мичманом вскочили и спрятались за занавесками, прикрывающими стеллажи. Мы смахнули со стола шкурки от колбасы, коленями зажали банки со сгущёнкой, открыли замок... Командир! Все вскочили по стойке смирно. Он спокойно осмотрел стол, убедился, что спиртным здесь не пахнет...

— А это чьи ноги? — и отдернул занавеску. — Да тут собралась тёплая компания! Ладно, садитесь, коли сегодня матросы офицеров угощают.

Мирную, тёплую и душевную беседу за общим столом с командиром прервал резкий, нетерпеливый стук в дверь...

...Старпом искал командира. Вахтенные матросы из дикой зависти, догадываясь, что происходит в нашей шкерке, выдали капитана. Офицерам не хотелось покидать нас и в то же время «светиться» перед скандальным старпомом. Переглянулись, и все трое, хихикая, как пацаны, заговорщески подмигивая нам, спрятались за занавесками.

— Скажите, что меня нет, — прошептал кэп.

Я приоткрыл двери, не отпуская ручки. Да, это был старпом! На его вопрос ответил:

— Командира здесь нет.

Но это был не тот человек, чтобы поверить на слово. Ему было интересно, что делают в шкерке матросы среди ночи. Он резко распахнул дверь и увидел команду матросов, стоящих навытяжку, приветствуя старшего офицера. Тут он раскатил руладу своего стандартного ругательства, правда, далёкого от боцманских импровизаций, и обиженным, почти плаксивым голосом произнёс:

— Старпом ходит голодный, не может уснуть от жары, а матросы сидят в холодке и кофе со сгущёнкой пьют! Вы знаете, что вам будет, если командир узнает?! — продолжал он, обходя стол и приносясь...

— А что я ещё могу узнать? — не выдержал командир, раздвигая шторы. — Он понял, что старпом зашёл сюда надолго и стоять за шторой не имело смысла. Он вышел из укрытия и сел за стол. — Я и так всё знаю. — Его примеру последовали боцман и мичман.

Старпом остолбенел... не зная, что сказать... Наконец опомнился и скороговоркой проговорил:

— Товарищ командир, вам радиограмма.

— Какая радиограмма? Я занят. Завтра расскажешь.

— Товарищ командир, разрешите присоединиться?

— Садись. Сегодня матросы угощают. Колбаса, правда, закончилась... Не обессудь... А кофе со сгущёнкой, хлеб, сахар, масло — пожалуйста, — предлагает кэп на правах хлебосольного хозяина.

...Утром, на построении, командир и словом не обмолвился о наших «ночных бдениях», а старпом не удержался. Не называя фамилий и боцманской команды, он полунамеком дал понять, что есть в нашем экипаже товарищи, не уважающие старшего офицера.

Обиделся, что колбасы не досталось...

Комендоры

Комендор — это номер боевого расчёта, который больше целится, чем стреляет. Иногда даже попадает в цель.

Флотская шутка

— Стрелять-то приходилось, боевой моряк? — задаю провокационный вопрос, побуждая к рассказу очередной байки из его флотской жизни.

— Обижаешь... — растянул он слово с иронической улыбкой бывалого морехода, снисходительно взглянул на «сапога», как на флоте называют весь сухопутный люд. Встал и пошёл в дом.

Вернулся мой юный друг с дембельским фотоальбомом. Перелистнул несколько страниц:

— Вот она! Моя пушечка... — умилённо погладил, словно ласковую кошечку, фотографию, где был изображён на фоне корабельной пушки. — Сколько благодарностей ты принесла мне от командира! Как мы дружили с тобой! Я драил тебя до зеркального блеска, а ты никогда не подводила меня на учениях... — Он так нежно разговаривал с образом своей любимицы, что я чуть не прослезился.

Надолго замолчал. Всплыли воспоминания или не знал, с чего начать?

Я не торопил его. Закурил и спокойно ждал...

В середине лета эскадру Черноморского флота, стоявшую на рейде в Персидском заливе, возглавил флагман БПК (большой противолодочный корабль) «Маршал Шапошников». Он пришёл на смену нашему флагману «Даурия» из Владивостока под флагом контр-адмирала Сергеева.

В первый же день прибытия новый командующий собрал у себя всех командиров для знакомства. Затем со свитой флагманов

побывал на кораблях. Они проверили каждый свою службу: работу штурманов, боеготовность, запасы продовольствия и вещевое обеспечение. Мы ждали высоких гостей со дня на день.

С обычной для военных кораблей торжественностью подняли флаг, и с восьми часов начался судовый день. Все офицеры, выходявшие к подъёму флага наверх, спустились в кают-компанию пить чай. На мостике остались только капитан и вахтенный офицер, вступивший на вахту.

Старший офицер, ближайший помощник капитана, блюститель порядка и чистоты на судне Джафаров Шакир Барат-оглы, вечно чем-то недоволен. По обыкновению, поднявшись вместе с матросами, с шести утра носился по кораблю во время обычной утренней уборки, на этот раз был придирчивее обычного: заглядывал во все уголки. Ещё бы — ждали нового, неизвестного контр-адмирала.

— Смотрите, чтоб у меня всё блестело, как у кота пенсне! — кричал он матросам.

— Так у вас или у кота? — сострил Мешков, этот общий любимец, всегда добродушный, весёлый, жизнерадостный и остроумный рассказчик неистощимых анекдотов, умевший вызвать улыбку даже на хмуром лице.

Старпом остановился, передёрнул усами и уставился взглядом в спину тщательно натирающего до блеска леера. Спросил:

— А ты знаешь, почему на флоте нет КВН?

Матросы, нарочито открывшие рты, хором ответили:

— Нет.

— Все весёлые сидят на «губе», а находчивые лежат в санчасти! — зло ответил Шакир Барат и отправился пить чай, отдав боцману приказание следить за уборкой.

Боцман — это штатный чемпион корабля по боксу. Викентий был талантливым педагогом и учителем. Его уроки были короткими, а наши познания — самыми прочными.

— Показываю один раз, а во второй — будет во! — Он подносил под нос молодому матросу огромный волосатый кулак.

И этого было достаточно, чтобы матрос все свои три года служил исправно: никому не хотелось «упасть на булыжник», воняющий табачищем.

Была окончена чистка и уборка. Корабль сверкал на солнце блеском меди поручней, люков, лееров. Палуба безукоризненна. Сигнальщики глядели в оба, чтобы своевременно предупредить командира о появлении катера контр-адмирала. «Нового» не знали. С ним никто раньше не служил.

Матросы, взволнованные и серьёзные, таинственно шушукались на баке, разбившись кучками.

Сигнальщик, не отрывая от глаз бинокля, несколько взволнованно и громко крикнул вахтенному офицеру:

— Идёт! Адмиральский катер идёт!

Тут раздалась команда по кораблю:

— По левому борту... лицом к адмиралу... смирно!

Матросы вытянулись в струнку до хруста позвонков.

Быстрой походкой, перескакивая через ступеньки с лёгкостью мичмана, адмирал поднялся на палубу. Он был высокий, плотный, крепкий, с необыкновенно моложавым лицом для своих пятидесяти лет. У трапа его встретили капитан и вахтенный офицер, остальные стояли в строю. Командир доложил обстановку на корабле, тот поздоровался, крепко пожал руку. Они пошли вдоль строя офицеров, мичманов и матросов. Каждый из офицеров, отдавая честь, называл своё звание, должность, фамилию, имя и отчество и обменивался рукопожатием с командующим. Проходя мимо матросов, он внимательно всматривался в лица с лёгкой, едва уловимой доброй улыбкой. В строю был представлен весь Советский Союз — от западных границ до Средней Азии.

Командиры спустились в кают-компанию. Туда же были приглашены офицеры. Матросы собрались на баке, делились

впечатлениями, сравнивали «своего батю», что ушёл в Севастополь, с «новым».

И тут выходит он в сопровождении командира и офицеров. Матросы вскочили.

— Вольно! — махнул он рукой. — Ну что, товарищи матросы, спортом занимаетесь?

— Так точно, товарищ адмирал!

— Хорошо, сейчас посмотрим... Гири есть на корабле?

В мгновение ока двухпудовые гири стояли у его ног.

— Так вот, кто из вас поднимет гирю большее число раз, чем я, тому десять суток отпуска, не считая времени в дороге.

Он снял китель, передал его рядом стоящему офицеру, взял гирю, громко выдохнул — и соревнование началось...

Матросы и офицеры плотным кольцом сомкнулись вокруг «ринга». Хором и громко считали подъёмы сначала адмирала, потом смельчаков, рискнувших потягаться с ним силой. Выходило в круг человек семь. Один всё-таки на три жима обошёл и побил адмиральский рекорд! Заслужил аплодисменты, но, из-за тактичности матросов, не такие бурные и продолжительные, какими они наградили адмирала. Здесь же командир распорядился предоставить отпуск рекордсмену корабля.

Тягостную напряжённость отношений как ветром сдуло. Разгорячённый спортивным азартом, командующий надел китель, застегивая пуговицы, просто и неофициально обратился к матросам:

— Я наслышан, что у вас отличные комендоры. Хотел бы лично убедиться в этом. Завтра в одиннадцать часов проведём стрельбы. Наблюдать я буду с вашего корабля. А сегодня вам предстоит изготовить стенд-мишень.

С этими словами он попрощался с нами и в сопровождении флагманской команды офицеров, проверявших службы корабля во время соревнования гиревиков, отбыл на катере на свой БПК. Матросы и офицеры опять стройной шеренгой по стойке смирно стояли вдоль борта, провожая адмирала, отдавая честь. Стояли,

уже спокойные и в то же время возбуждённые — каждый думал, как завтра отличиться на стрельбах.

Весь вечер сварщики варили стенд из пустых бочек. Боцман накапливал, хранил и оберегал их от посягательства «чистоплюя»-старпома, грозившего выбросить весь этот хлам где-нибудь в нейтральных водах. Для боцмана бочки «золотовалютный запас» — он менял их на берегу на что угодно. Сейчас он бежит вокруг сварщиков, пытаясь убедить их, что «шестнадцати штук многовато, хватило бы и восьми»...

Старпом отгоняет его:

— Валерий Викентьевич, отойди, не мельтеши! Глаза пожалей, наловишь «зайчиков» от сварки. Спасибо адмиралу, избавил корабль от лишнего барахла!

А тот грустно смотрит, осознавая собственное бессилие, обречённо вздыхает, наблюдая, как иссякает его «валюта».

Утром наш корабль вышел в назначенный квадрат. Опустили с кормы кран-балкой стенд-мишень на воду. Это была платформа из бочек, сверху рама из арматуры, обтянутая простынями. Вернулись на исходные позиции. За полчаса до назначенного времени прибыл контр-адмирал.

Встретили его, как и положено, по флотскому уставу и морским традициям. На этот раз он весело, как со старыми друзьями, поздоровался и, исключая все церемонии, сразу прошёл с командиром на ГКП (главный командный пункт).

Звучит сигнал боевой тревоги.

— Боевой расчёт номер один к бою готов!

— Второй... третий — готов! — рапортуют командиры орудий.

В шлемофонах, с запрограммированными кассетами зенитно-артиллерийских систем они, с учащённо бьющимся пульсом, прильнули к прицелам, готовые в любую секунду нажать на гашетку...

— Боевая готовность за восемь секунд?! Молодец, командир, молодцы, комендоры! — похвалил нас командующий и крепко пожал руку командиру.

— А сейчас немного успокойтесь, — продолжал он по громкоговорящей связи с командного пункта. — Первые три выстрела делает флагманский корабль, затем три, если мишень остановится на плаву, — вы...

Все три артиллерийских снаряда БПК прошли мимо мишени, не колыхнув «парус» платформы. Позже мы встречались с матросами флагмана. Они объясняли слабую артподготовку тем, что очень редко — один раз в месяц — выходили в море, и то только днём. Нас же выводили на боевые учения и днем и ночью. Тревогу объявляли раз по пятнадцати в сутки. Учились стрелять и ночью с помощью приборов ночного видения.

Звучит команда:

— Приступить к выполнению боевой задачи!

Мы прильнули к прицелам — расстояние до цели километра четыре.

— Пли!

Первый выстрел прицелочный. Снаряд прорвал простыню! Второй — лёг чуть ближе платформы... Боцман стоит справа от меня с биноклем в руках, кричит во всю глотку, чтоб я слышал через шлемофон:

— Серёга! Только не по бочкам! Не топи бочки! — умоляет он.

Командир орудия стоит слева, тоже кричит:

— Бей по бочкам! Топи эту гадость!

Третий — последний выстрел. Снаряд угодил в центр платформы! Бочки с визгом, голубым фонтаном взмыли вверх, разрываясь на лету и разворачиваясь в мятые листы металла, матово поблёскивая на солнце, медленно погружались в воду, не поднимая брызг. Макет, прощально взмахнув опалёнными и разорванными простынями, беззвучно ушёл в морскую пучину. И лишь одна одинокая бочка покачивалась на волнах. Видимо, дошла до Бога молитва боцмана.

Он стоял у орудия, прикрыв лицо руками, горестно и безутешно оплакивал упущенную «прибыль», тщетно надеясь спасти хоть одну — единственную уцелевшую...

Приказ адмирала:

— Подойти поближе, бочку расстрелять и утопить!

Мы исполнили его с большим удовольствием, нажав пару раз на гашетку кормовой зенитки.

Контр-адмирал поблагодарил экипаж за доставленное удовольствие — видеть отличную боеготовность корабля. Командира отметил в приказе по эскадре.

И лишь боцман ещё четверо суток ходил в трауре, будто потерял в бою близкого друга.

Якорь плавающий

— Боцман, отдать якорь!

— Товарищ капитан, я вашего якоря не брал...

Флотская шутка

Мы вернулись из дальнего плавания на свою базу в Севастополь. Город, охвативший в объятия бухту, выглядел по-весеннему чистым, умытым и радостным. Белые здания сияли на солнце, словно жемчуга на зелёном бархате садов. Абрикосы, ещё без листвы, стояли в полупрозрачных светло-розовых накидках распустившихся бутонов. Город ждал, город радовался возвращению своих земляков из дальних походов. На пристани полно народу. Родственники и друзья, прикрыв глаза ладонями от бликующей воды, пристально всматривались в лица матросов и офицеров, пытаясь разглядеть родные черты. Тщетно. В белой парадной форме моряки стояли вдоль борта как оловянные солдатики — все на одно лицо. Слишком далеко корабль от причальной стенки — не разглядеть.

На корабле радостное, но сдержанно-спокойное возбуждение. Приодетые, побритые, подстриженные, некоторые с аккуратной «шкиперской» бородкой, матросы в отглаженных с особым

флотским шиком, с едва заметными складками, синих воротничках, с нетерпением ждали швартовки...

Тесно кораблям у причальных стенок. Они швартуются кормой. Подошли, отдали правый якорь, развернулись на нём кормой к берегу, сбросили левый и стали отрабатывать назад. Якорь лежит на дне, но мы продолжаем травить якорную цепь, приближаясь к причальной стенке кормой: чтобы корабль не мотало из стороны в сторону, якорные цепи должны быть предельно натянуты, и лишь потом «привязывают» корму к швартовым кнехтам.

— Боцман! Трави правый якорь!

— Отправил!

— Сколько метров?

— Двести семьдесят.

— Левый подтрави!

— Травлю...

— Сколько?!

— Двести...

— Не понял?! Что с якорем?!

— Чего — якорь? Всё нормально, товарищ командир, плавает...

— Как «плавает»?! Боцман! Ты пил с утра?!

— Только чай...

Командир прибежал, наклонился через борт и увидел плавающий якорь.

— Боцман! Ты идиот?! Я тебя убью! Куда дел якорь? Сволочь! Где пропил?!

— Ну, что поделаешь... Потеряли...

— Где?

— Да где-то в Средиземке...

— Почему не доложил?!

— Да я сразу и не обнаружил...

Командир выплеснул поток слов и букв, что собрались в его распалённом мозгу. Два дня он ставил боцмана в позу бобра, заставляя грызть перила:

— Как хочешь, так и доставай якорь!

У нас был запасной. Стоял на шкафуте. Но, чтобы его установить, необходимо было составлять акты, протоколы, писать объяснительные записки боцману, старпому, командиру, а это, как известно, влекло за собой оргвыводы командования и прочие неприятности.

Отсутствие левого якоря мы обнаружили перед проливом Босфор. Подошли к нему поздним вечером и стали на рейде до утра. Самый узкий пролив на нашем пути с девяти вечера до девяти утра закрывался для судоходства специальной металлической сетью, так что даже маленькая джонка не проскочит. Пролит имеет несколько узких мест, и, чтобы волной или течением не ударило судно о стенки — берега водного прохода, корабли идут с приспущенными до уровня воды якорями, что даёт возможность быстрого торможения или резкой остановки для следующего манёвра.

Опустили якоря до заданного уровня. И тут боцман заметил, что якорная цепь без особого энтузиазма опускается из левого клюза. Посветил фонариком за борт и ахнул — цепь пустая... Другой бы растерялся: что делать? Но не таким был наш боцман. Он из любой ситуации находил выход.

— Серёга, ты у нас художник. Рисуй якорь!

— Какой якорь?

— Натуральный! В натуральную величину!

— Да ты что, Викентийч! Хочешь рисунок прилепить к якорной цепи, чтобы турок обмануть?

— Чтоб турок обмануть, я бы якорь на борту нарисовал. Нам надо обмануть командира, хотя бы до Севастополя. Да ещё прикрыть от «прямого попадания» свой зад и борт корабля. Из-за вас, уроды, я потерял якорь! Кэп узнает — поставит меня в позу «мама моет пол».

— Так что будем делать, боцман?

— Якорь! Идите за мной!

Он показал две железнодорожные шпалы, неведь откуда взявшиеся у запасливого боцмана «на всякий случай». Мы вытащили

их, разметили, одну распилили под откос, вторую поставили вертикально. Сбили скобами, обтесали до необходимой формы, покрасили чёрной краской, чтобы выглядело натурально, привязали канатом к якорной цепи и опустили за борт...

Смастерили «якорь» за два часа в крошечной темноте, соблюдая светомаскировку, чтобы не вызвать подозрение офицеров и командира. Пока не прошли Босфор, никто из боцманской команды ночной вахты не ушёл в каюты спать. Молча наблюдали за ходом корабля, перемигивались, довольно улыбались. И лишь с выходом в открытое родное Чёрное море пошли отсыпаться.

А якорь мы потеряли в Эгейском море. Эта подлая «лужа», усыпанная островами, островками и скалами, проклятая всеми моряками за самый сложный фарватер! Постоянно приходилось то опускать, то поднимать якоря — тормозить и лавировать в узких и кривых проходах, да ещё шторм налетел, а он на мелководье особенно крут. Видимо, в очередной раз забыли поднять якорь вовремя. Он брякал, брякал по камням, да и отбрыкал...

Что же боцман? Как он выкрутился на этот раз?

Испортил настроение командиру, лишил его радости встречи с близкими людьми. Насмешил до слёз всю команду своим «непопулярным якорем». Боцман есть боцман. На шкиперских складах Севастополя достал якорь и привёз на корабль. Специалисты быстро «посадили» его на цепь, а деревянный оставили на палубе.

— Не вздумай бросить его в море! — предупредил командир. — Узнают чей — на весь флот просмеют. Ещё и анекдоты рассказывать будут. Увези его домой. Поставь перед воротами, как памятник, как символ смекалки и находчивости русского моряка! — посоветовал командир, дружески хлопнул по плечу нашего Викентьича и громко захохотал. Шутку подхватили, и громкий весёлый смех прокатился над причалом, пугая нахальных и крикливых чаек.

Дембель

...Нас в индийской оперативной бригаде сменил другой боевой корабль подобного класса, и через девять месяцев мы причалили к стенке пирса родного Севастополя.

Приказом министра обороны досрочно отправили на дембель прибалтов, остальные «отдавали долг Родине» до установленного срока. Дембель — не девушка: мимо не пройдёт.

Никогда не забуду день прощания. Внесены записи в военный билет, поставлены печати, с 24 часов — я свободный человек! Командир вызывает к себе:

— Ты когда хочешь сойти?

— Выйду утром на подъём флага. Отдам честь кораблю и флагу.

— Молодец! — Потом грустно, по-отечески: — Вы же, дембеля, всё равно будете всю ночь колдырить... Ну ладно, вот тебе литр спирта. Картошечку поджарить, чайку замутить — пожалуйста, только молодых не трогаете, не надо их прессовать.

Последнее утро на корабле. Построение.

— На флаг — смирно!

Звучит гимн Советского Союза. Прощаюсь с командиром.

— Благодарю за службу! Желаю попутного ветра на волнах жизни!

Жму руки дембелям и тем, кто остаётся служить. Последним подходит Валерий Викентьевич. Крепко, до хруста пальцев, сжал ладонь, взял за плечи, посмотрел внимательно в глаза, рывком прижал и затих. Так же рывком отстранил, повернул лицом к берегу, легонько подтолкнул в спину:

— Иди!

И тут грянул марш «Прощание славянки». Слёзы брызнули из глаз, я отвернулся и побежал к сходящим: корабль — место не мокрое!

А вслед слова боцмана:

Родится сын — храни для флота,

Родится дочь — для моряка!

ЗАПОВЕДИ ДЕДА

Я повернул кольцо запора, открыл массивную калитку и оказался на просторном крытом дворе. Под ногами — пол из толстых, плотно сколоченных плах. Справа высокое крыльцо. Робко постучал в дверь. Тут она отворилась, и старушка, не отпуская ручку двери, пригласила войти. Я перешагнул высокий порог в сени, вошёл в дом.

— Проходи, садись.

— Меня председатель направил к вам на ночлег.

— А он всех гостей залётных к нам направляет. Посиди, отдохни. Старик приедет — ужинать станем.

Большая, просторная, без перегородок, изба. Посередине русская печь. Заборка, разделявшая когда-то избу на две половины, была убрана, остался лишь светлый след на полу. Колено самоварной трубы висело у шестка на гвоздике, рядом два ухвата, совок и кочерга, да лопата деревянная — каравай в печь сажать. Голые, бревенчатые, щелеватые стены с чёрным мхом в пазах, некрашенный пол с поблёскивающими на солнце сучьями-луковицами, деревянная кровать за печью и толстые, широкие лавки вдоль стен. На них, видимо, и спали дети. Под потолком на матице висела под голубым сверху и белым снизу эмалированным абажуром — из синего волнистого стекла десятилинейная лампа. Рядом, без абажура, голая лампочка. На подоконнике стояла ещё одна керосиновая лампа — семилинейная, с пузатым стеклом. На стене тикали часы, приводимые в движение гирей в виде еловой шишки. Рядом в простенке — застеклённые рамки с фотографиями.

Старушка маленькая, совсем усохшая, с заплаканными бесцветными, подслеповатыми глазами. Лицо её одрябло, как прошлогодний овощ. В чистеньком белом платочке с цветочками, повязанном по-деревенски концами вперёд, сидит она, облокотившись на худые руки, у окна, поджидает своего вечно занятого старика.

— Бабушка, — подал я голос, чтобы прервать гнетущую тишину, — сколько вам лет?

— Молода была — помнила, а ноне-то уж забыла. Старик подъедет, дак скажет. Он, поди, ещё помнит. Худо вижу — весь свет в дыму.

Мария Тихоновна поднесла сухонькую коричневую руку к глазам и, подслеповато шурясь, посмотрела в мою сторону.

— Мóлодец, однако? — ставя ударение на первый слог, в смысле молодой, юный. — Откуда?

— Командированный! — нарочно повысил я голос, не надеясь на её слух.

— Чую, что дальний. У нас говорят потише, — с лёгкой иронией заметила старушка.

Я попытался её разговорить. Подошёл к рамкам с фотографиями.

— Расскажите, пожалуйста, кто на этих фотографиях.

Она подошла к рамке и, не видя образов детей своих, на память стала показывать пальцем и называть имена каждого:

— Ни одного не осталось, все там. А сколько было-то! Петя, Ваня, Павел, Егор, Стёпа. Пять мужиков. Старших — тех война съела. На одном году четыре похоронки получила — вот как по мне война-то проехала! Егор тоже через войну нарушился — в плену у германцев был. Вот какой уж год пошёл, а я всё вспоминаю и плачу. Ложусь и встаю с тем. По ночам плачу — подушка утонула в слезах. Руки-то в колхозе от работы высохли.

Слеза выкатилась, запрыгала по морщинам, будто по ухабам, упала на пол. Она промокнула глаза кончиком платка, села на прежнее место и продолжала вглядываться вдаль.

Вдруг встрепенулась, налила горячего борща в большую семейную чашку, положила три ложки, каравай хлеба, накинула на плечи стёганую кацавейку и вышла. Я с любопытством выглянул в окно, выходящее во двор. Моим глазам предстал ритуал казачьей традиции.

Старушка сняла с засова чёрный от времени и отполированный до блеска за долгие годы макагон, распахнула ворота, и старик въехал во двор, не слезая с телеги. Через минуту он был в доме. Вскользь взглянул на меня, как на очередного постояльца, безо всякого интереса; вымыл руки под рукомойником, вытер их полотенцем и протянул мне сухую жилистую ладонь. Крепким рукопожатием дал понять — силён ещё! Представился:

— Иван Сильвестрович.

Я назвал своё имя.

Пока старик умывался, я незаметно наблюдал за происходящим во дворе. Его супруга распрягла коня,пустила в конюшню и вернулась в избу. Умылась и молча села за стол подле деда. Стол стоял в правом переднем углу, и вокруг него рамою навечно приколоченные к полу скамейки из толстых плах.

Когда мы сели за стол, солнце уже лежало на верушках леса, и лучи его, короткие, ласковые, тихо догорали на подоконнике. Мы с дедом, оба голодные, по-мужицки ели молча.

— Как он жадно ест! — всхлипнула старушка. — Прямо как мои, бывало, галчата...

Она опять вспомнила, глядя на меня, своих безвозвратно потерянных сыновей.

— Да будет, будет тебе, — досадуя, приструнил жену хозяин. — Ест же человек, кушает, а ты мокренью брызжешь!

Мария Тихоновна торопливо утёрлась передником, сидит, опершись на стол, тупая, послушная. В позе, в лице, в движениях её такая неизбывная, дна не имеющая тоска, что и сравнить её не с чем. Ей всё безразлично оттого, что в доме пусто, нет гаму, шуму, и хочется попасть обратно в ту жизнь.

А какое удовольствие было смотреть на стариков! Тут знали цену хлебу насущному: Хлеб дед резал стоя, прижав каравай к груди; ели молча, неторопливо, по старинке: в правой руке ложка, а левая ковшичком сопровождала ложку от общей большой семейной чашки до подбородка.

Когда хозяйка унесла посуду на кухню, хозяин виновато обрattился ко мне:

— Ты уж прости старуху за некстати слово сказанное...

Морщины резче обозначились на его сухом узком лице да на жилистой, дочерна загоревшей шее.

— Говорят, один сын — не сын, два сына — полсына, а три сына — сын. У меня пять было — и ни одного не осталось. На войну забрали, и всех убило. На трёх месяцах четыре похоронки на меня пало. Дак как, думаешь, легко было нам? Дом без детишек-внучат — всё равно что амбар пустой среди зимы. Да и я немножко повоевал... А что ты удивляешься? Когда война метлой вымела молодых мужиков из деревни, военкоматы за стариков принялись.

Определили меня в конный транспорт снаряды на передовую подвозить. И ведь что обидно, перед самой победой немецкая батарея положила несколько снарядов на нашу батарею и наделала беды. Телега моя взлетела в воздух, мерина осколками убило, а меня вот Бог помиловал: дескать, хватит жертв в твоей семье. Контуженного, в нескольких метрах от воронки обнаружили меня после боя.

Пока валялся в госпитале, война закончилась, и меня комиссовали. Время было трудное, послевоенное. Многие колхозы дышали на ладан. Мужиков-то после войны, почитай, раз-два и обчёлся, да и те покалеченные. Лошадей — и тех на фронт забрали. Старики, бабы да мелюзга пузатая — недокормыши и кормили Рассею.

Старик надолго замолчал, мысленно прошёлся по одному из трудных отрезков своей жизни. Лёгкая дрожь пробежала по его телу, он встряхнулся:

— Ну да чё это я тоску на тебя навожу! Ты, поди, не хуже меня всё это знаешь.

— Иван Сильвестрович, расскажи ещё что-нибудь интересное.

— А у меня вся жизнь интересная, в какой закуток ни загляни. Так вот, пришёл я с фронта, руки-ноги целы, за всю тяжёлую работу первым хватался: стыдно же перед бабами отлынивать, — вот и надорвался...

— На бабах ты надорвался, — не выдержала жена.

Она сидела в закутке за занавеской и прислушивалась к нашей беседе. Взыграли прошлые обиды! Она вышла из кухоньки и вступила в разговор:

— Гулеванить-то как он любил! Да всё с куражом, всё с вывертом да с норовом. Вот вдовушки и липли к нему. Из сельсовета, бывало, с почтой часто поздно приезжал: почтовый поезд, дескать, опоздал...

По худому, бледному лицу старушки скользнула чуть приметная усмешка:

— Почтарка, небось, какая долго почту не отдавала.

Без злобы бабка ворчала, любила его, гордилась мужем своим: не променял он её ни на какую молодуху — каждую ночь домой возвращался. И всё же приятно вспомнить годы молодые на закате жизни.

Дед сидел довольный, гордый, как петух, выкатил грудь вперёд: мол, слышишь, каким гоголем я был, да и сейчас ещё ого-го! Накручивал свои гусарские усы.

— Во-во, за усы твои, поди, бабы-то и любили, — не унималась старуха. Наведи она какую другую критику на деда, тут бы и получила полный отлуп: сиди, мол, в своём углу и не мыркай! Неча в мужицкий разговор встревать!

Воркотня-вспоминание перевела моего рассказчика на более лиричный стиль повествования.

— Так на чём мы остановились? Это надо же, старуха почти слепая, а ухо остро держит. Всю беседу испортила, — добродушно поворчал дед, всё ещё довольно улыбаясь.

— На тяжёлой работе надорвался, — подсказал я и не смог сдержать улыбки.

Дед взглянул на меня, сконфузился и продолжал:

— И тут меня во второй раз комиссовали. Перевели на лёгкий труд — почтальоном.

Ревнивые реплики старушки добавили в отношения стариков ещё больше трогательного очарования и скрытого от постороннего взгляда взаимоуважения и любви. Есть такие люди, которые умеют прятать свою грусть, переживают её в одиночку и оттого кажутся на людях всегда весёлыми и беззаботными. Он был из той, уходящей, породы русских мужиков, которые умели и жить с размахом, и работать всласть, и чудить не теряя рассудка.

Я откровенно любовался своим собеседником. Рубаха на нём длинная, навывпуск, подпоясана узким ремешком. Воротником-стойкой застёгнута, прибрана, постирана, поглажена. Ублажала его супруга. Старик сухожильный, не поймёшь, какого возраста. Тонкая кожа сухого, красивого, загорелого, точнее — обветренного лица подчёркивала его молодцеватость. Лишь морщинки у глаз, разбегающиеся к вискам птичьими лапками, когда он лукаво улыбался, выдавали его возраст. Чистый, высокий лоб с редким зачёсом назад, посыпанным пеплом прожитых беспокойных лет. Стройная фигура. Я представил его в черкеске и папахе, — чистый есаул! Как сохранилась эта мужская красота, не сгорела в лихолетье гражданской бойни, дурелома раскрестьянивания, тотального военного призыва? Глубоко сидящие, когда-то голубые, выгоревшие временем глаза постоянно поблёскивали мудрой лукавинкой.

Старик говорил не спеша, обстоятельно, ему не надо было ни поддакивать, ни кивать головой. Можно было даже не слушать его, он всё равно не обиделся бы. И я слушал, стараясь не перебивать и радуясь, когда старик произносил занятные и забавные слова либо выражения. Я не доставал блокнот, боясь спугнуть рассказчика. Вот некоторые из тех, что сохранились в памяти: «Противу

совести не устоять никакому попу», «Без совести жить — не жить», «Работай всю жизнь до смертного часу, а кто работает, тому скрывать нечего». Подобными афоризмами житейской мудрости он непрестанно пересыпал свой рассказ о длинной жизни своей.

Дед давно не встречал среди своих постояльцев благодарного слушателя, с интересом ловящего каждое его слово. Мы сидели в потёмках, не зажигая света. Беседа протекала спокойно, как ручеёк по камушкам. Бабка, лёжа на печи, то и дело засыпала, но сразу же просыпалась от звуков собственного храпа. Она вновь прислушивалась к нашей беседе, но не мешала и не отправляла нас в постель.

С первого дня дед взял за правило: ни дня без свежих газет. В любую погоду сел на телегу — «вперёд, за политикой!» Раньше, бывало, верхом. Слева к седлу приторачивал почтовую сумку с письмами, переводами и газетами, справа обычно торчала какая-нибудь посылка. Газеты и переводы развозил очень тщательно. Конь его уже сам знал, к какому дому нужно сворачивать. Почтальон, не спускаясь с седла, совал газету в скобу ворот и ехал дальше. В последнее время он частенько боялся слезать, потому что залезть обратно в седло иногда просто не мог. В седле же он сидел молодцевато, по-гусарски, чем вызывал невольные улыбки женщин и усмешки мужиков.

— Конь-то у тебя, Сильверстыч, справный, — подкинул я комплимент старику, памятуя старое ковбойское предупреждение: «Обижая лошадь, ты обижаешь всадника!» Предполагая благодарную улыбку, и не думал, что задел самую тонкую струну его души. Он выдал целую хвалебную оду своему любимцу. Я понял: конь — предмет его любви последней и гордости.

Старик оживился, потеплели его глаза:

— Я ведь его ещё недоуздом во двор привёл. А ведь как дело было до того? Позор, да и только. Определили меня, значит, в почтальоны. Вроде как из мужицкого сословия списали. Обиделся

я, но ненадолго. Потом интерес пришёл. Огорчало только, что на конном дворе мне старые клячи доставались, которые не только плуг — борону таскать не в силах. А мне позор, насмешки от всех встречных-поперечных. Не буду повторять, что мне вслед выкрикивали, а потом гоготали. Взмолился тогда перед председателем. На колени, говорю, паду перед тобой, дай мне лошадку, припиши её к почте как штатную единицу. Во двор к себе уведу, сам поить, кормить буду. Ну и про фураж не забудь — сено-то косить, говорю, я уж не в силах. Согласился он. А жеребчика-то этого я ещё сосунком приметил. И кличку дал ему — Игрень. Утром я тебе покажу его во всей красе. По крови он мне пришёлся.

Это выражение я слышал впервые и запомнил его надолго. Он рассказывал о своём любимце с такой нежностью, что невольно наворачивались слёзы умиления.

Улеглись мы далеко за полночь. На тиканье ходиков и циферблат мы не обращали никакого внимания. Дед, растревоженный воспоминаниями, долго ворочался на скрипучей деревянной кровати — не мог заснуть. Я лежал на лавке, переполненный впечатлениями. Не заметил, как провалился в сон...

Утром проснулся от шелчков в репродукторе и не мог вспомнить, где я. Передавали последние известия. Я лежал с закрытыми глазами и слушал, как по улице гнали стадо.

Первой встала баба Маня. Она по старинке вздула огонь, подкинула из-под печки сухих полешек, и по стене запрыгали весёлые белые отблески пламени жарко запыхавших дров.

Дед как ни в чём не бывало встал, перекрестился на образа, покрытые вышитым полотенцем, с постоянно горевшей тусклым пламенем лампы, пошептал молитву, умылся и вышел во двор.

Не близкий же я какой-нибудь там родственник-отпускник, чтобы валяться в постели, когда хозяева на ногах. Встал и вышел следом. Кричали курицы, исполнившие своё дело. Особо громко кудахтала одна несущка, словно снесла целую планету. Пытаясь

перекричать куриный галдёж, беспрерывно горланил петух, будто тоже хотел снестись, но яичко никак не пролазило. Конь громко переступал по дощатому полу конюшни. Коровы во дворе не было — не те силы у стариков. Но диву даёшься, как им удалось сохранить двор — оплот истинно свободного землепашца.

Дом стоит на земле более столетия, и время его не скособо-чило. Лес валили для дома в феврале, на растущей луне, чтоб смо-лою был обилен и не гнил до времени. Дом был главой целого се-мейства построек. Стояло поблизости большое, с овином, гумно, крепкий амбар, два односкатных сеновала, баня, картофельный погреб и рубленый на студёном ключе колодец, тут же небольшо-й инвентарный сарай, где по сезону хранились сани или теле-га, в глубине двора, к огороду, баз — для выгула скота в зимний период. Жизнь в селе текла спокойно, по давно сложившемуся укладу.

Хозяин вывел свою гордость из стойла попоить. Игрень по-косился на меня радужно-фиолетовым, словно фотообъектив, глазом. Я улыбнулся, положил руку на тёплую лошадиную шею, пощекотал ладонью его бархатную нижнюю губу. Это был воро-ной, молодой и сильный конь, разительно отличавшийся своим видом от колхозных лошадей.

— Пойди пока, погуляй по улице. К завтраку не опоздай, — отправил меня хозяин.

Село разбежалось вёрст до пяти вдоль широкой улицы. Она начиналась от старинного Сибирского тракта и уходила вдаль, в сторону районного центра, стоящего на железной дороге Транс-сибирской магистрали. Под бревенчатые пятистенки, срубленные словно по единому образцу, подведены высокие, в человеческий рост, подклети из природного дикого камня. Промежутки между домами забраны высоким заплотом из таких же кряжистых брёвен. Улица напоминала деревянную неприступную крепость. У двух-трёх крайних от старого тракта домов в брёвнах заплота вырезаны окна-кормушки для варнаков и прочих бродяг. В былые времена

в них хозяйки ставили кринку молока и ломоть хлеба: «Поешь, бедняга, и иди с богом дальше, не тронь скотинушку мою».

В центре села, на высоком холме с погнутым мощным крестом, храм под пятью куполами. Перед храмом обширная площадь, где собирался круг не только станичников, но и казаков из окрестных посёлков. Это была самостоятельная старинная казачья станица, со своим атаманом, назначенным генерал-губернатором. Одно из тех поселений Сибирского казачьего войска на пограничных линиях России.

В 1918 году казачество было упразднено, храм разграблен, иконостас сожжён, казаки репрессированы. В тридцатые годы, после раскулачивания, поселению присвоили новое название — колхоз имени Сталина. После нескольких переименований колхоза почтальон получал почту на адрес: колхоз «Вперёд, к коммунизму».

Под впечатлением увиденного я решил за завтраком расспросить старика об истории села.

— Иван Сильвестрович, скажи, пожалуйста, как тебе и твоим односельчанам удалось сохранить свои усадьбы? Ни одного дома с заколоченными окнами, как в других деревнях!

— Были и наши дома временно без хозяев. В тридцатые годы, после высылки семей крепких мужиков. И в сороковые, во время войны, село обезлюдело. А в пятидесятые, когда власть переселяла колхозников из «неперспективных» деревень, в селе уже не было ни одного свободного дома.

— А Гражданская война прокатилась по всей Сибири до Дальнего Востока?

— Вот именно, прокатилась она по железной дороге, а мы от неё в семидесяти верстах, и нас, слава богу, не тронули ни белые, ни красные.

— А как прежняя станица называлась?

— А кто сейчас её помнит? — ответил он вопросом на вопрос.

Старик избегал политических тем.

— Ну что ж, покушали, пора и на работу. Конь заждался уже. А по правде сказать, — он наклонился ко мне, уже во дворе, — нас спасает отдалённость от районного начальства.

...Игрень бежит лёгкой, неторопливой рысью. Старик в очередной раз едет на почту за «политикой» и везёт меня до сельсовета.

— Я ведь, почитай, всю жизнь в обнимку с лошастью прожил, — заговорил он как бы сам с собой, ни к кому не обращаясь, радуясь тому, что на этот раз едет не один по длинной, утомительной дороге. — По тракту по Сибирскому с обозами ходил, как лошастью править научился, как силёнок стало хватать, чтоб супонь на хомуте стянуть. Сперва-то коленкой не доставал, дак ногой, ступнёй упирался. Посмотрел отец: «Запряжёшь самостоятельно — в обоз возьму». Шубейку, шапку справили, катанки новые — и в обоз. По двенадцати дён ехали. Случалось, и по ночам: лошадей покормим — и опять в путь. Раньше-то так не ездили. — Старик указал взглядом на дорожные лужи. — Дорога на Сибирском тракте булыжником выложена была. На каждой версте, почитай, хутора стояли людей государственных, для содержания дорог поставленных. Да и сейчас столбы полосатые стоят, ещё не сгнили, а хуторов уж нет — разогнали смотрителей.

— Сколько ты ещё собираешься за «политикой» ездить?

— А вот как хомут поднять не смогу, тут мне путь трудовой и кончится, — старик горестно вздохнул, представляя свою беспомощность.

Мы подъезжали к большому селу. Приближалось время расставания.

— Да, ты вот что... — встрепетул старик. — Ты, я вижу, парень добрый, деревенский, не испорченный ещё, послушай совет старика. Не спеши жениться, погуляй, повыбирай, приглядиись. Бери девицу моложе себя лет на пять-десять. Не бери в жёны дочь вдовы. Прежде чем жениться, посмотри на будущую тещу, — знай, жена твоя в старости на неё будет похожа. Люба ли она тебе будет тогда?

Он не успел расшифровать мне свои заповеди, осознал я их много позже.

— Ну, прощай! Будешь в наших краях — заходи. Рады будем. Легонько тронул вожжой, Игрень твёрдой поступью пошёл знакомой дорогой к почте.

Я с грустью посмотрел им вслед и понял: с этим стариком уходит в безвозвратное прошлое целая эпоха крестьянской Сибири.

ГЛУХОЙ ТЕЛЕФОН¹

Подрубив ладонью свет уходящего солнца, на высоком крыльце конторы колхоза стоит дед — ночной сторож, всматривается в даль дороги. Его поставили в дозор. Он должен предупредить о приближении районного начальства.

Председателю, в порядке солидарности, сообщили соседи: «К вам едет Сам Первый!»

Срочно собрали Правление. За некоторыми отправили в поле нарочного. Задним числом заполнили декадные сводки косовицы и обмолота хлебов. Прикинули кандидатуру нового председателя колхоза. Выбор оказался трудным. После войны в селе мужиков осталось раз-два и обчёлся, и все они по разу управляли колхозом. По второму кругу никто не согласился. Решили посмотреть, что предложит районное руководство.

Издали, поднимая пыль, катит к селу высокий вороной райкомовский рысак. Вперёдсмотрящий протёр слезящиеся от напряжения глаза, взглянул ещё раз на дорогу и закричал:

— Едут! Едут! — сорвал голос, вбежал в кабинет и уже хрипло, с испугом доложил: — Едут!

Все вышли на улицу. Встали по обе стороны крыльца. Председатель — в центре.

Бесшумно подкатила пролётка. Жеребец мотает головой, пытаясь ослабить вожжи. Молодой кучер, сидя на облучке с фотоаппаратом на шее, всё ещё держит их внатяг. Секретарь осторожно

¹ Рассказ — лауреат Международного литературного конкурса «Славянское слово» в 2018 году.

ступил на землю, потоптался, разминая ноги, отёкшие за дальнюю дорогу, поздоровался со всеми за руку и прошёл с председателем в кабинет.

Снял трубку телефона:

— Девушка, соедините меня с райкомом.

Мгновение — и на том конце провода отозвался дежурный. Секретарь многозначительно посмотрел на смущённого председателя:

— Почему целый месяц был отключён телефон?

— Да связь у нас барахлит, — неуверенно соврал председатель.

— Срочно собирайте общее собрание! — И стал неторопливо просматривать сводки.

Председатель вышел к ожидавшим дальнейших распоряжений колхозникам:

— Всем в клуб на собрание! — и вернулся в кабинет.

Мужики толпой отправились в клуб. У конторы остались только двое приезжих: мужчина лет сорока и юноша-корреспондент.

Повестку дня собрания огласил парторг, он же завхоз, инвалид войны:

— Доклад о международном положении и о ходе уборки урожая в нашем районе прочитает первый секретарь райкома партии товарищ Фролов Павел Тимофеевич. Второй вопрос — перевыборы председателя колхоза.

Докладчик рассказал, что в мире неспокойно, но страна успешно продвигается к победе коммунизма. Назвал цифры, сколько чугуна, стали и каменного угля приходится у нас на душу населения.

— Наши показатели выше, чем в странах гнивающего капитализма! Но вот по хлебу и мясу мы пока отстаём. Партия поставила перед нами, дорогие товарищи колхозники, задачу — догнать и перегнать Америку!

— Догнать-то, может быть, смогём, а вот перегнать-то стыдно будет, — шепнул на ухо соседу дедок, что стоял на стрёме. — Шибко много заплаток на штанах сзади!

— Некоторые хозяйства района не дотянули до плана хлебо-заготовок, — продолжал докладчик, — и весь район поставили под удар перед вышестоящими органами. Вот я сейчас ознакомился с достижениями вашего колхоза — честь вам и хвала! Вы намного перевыполнили план! И я решил, — не переводя дыхание, заявил секретарь, — недоимки плана перекрыть вашим перевыполнением! — и с надеждой на громкие аплодисменты поддержки взглянул в зал.

Ни один мускул не дрогнул на непроницаемых лицах мужиков, сидящих в первом ряду. И только молодые бабёнки перемигнулись лукаво: дескать, держи карман шире! Спокойная реакция колхозников была воспринята руководителем района как единодушное согласие. Что, мол, тут рассуждать: партия сказала — колхоз ответил: «Есть!»

— Переходим ко второму вопросу, — объявил ведущий собрания. — Перевыборы председателя колхоза.

Народ насторожился.

— Слово предоставляется первому секретарю райкома партии товарищу Фролову Павлу Тимофеевичу.

— Товарищи! За несвоевременную передачу сводок о ходе уборки урожая в районные органы власти, за нарушение партийной дисциплины райком партии рекомендует собранию освободить Аристархова Егора Николаевича от занимаемой должности председателя колхоза.

В зале стояла полная равнодушная тишина. Люди готовы были к столь крутому обороту: они знали — за медалями и благодарностями председателей колхозов приглашают в райцентр, а в глупинку высокое начальство приезжает только лишь для замены местного руководства.

— Товарищи! Партия решила укрепить руководящий состав сельского хозяйства лучшими представителями рабочего класса. Двадцать пять тысяч коммунистов отправляются в колхозы. Один из них перед вами. Это инженер завода нашего областного центра Какаулин Иван Григорьевич. Прошу любить и жаловать.

Представив нового председателя, секретарь райкома занял своё центральное место в президиуме. Толкнул локтем выдвигенца в бок и взглядом отправил его на трибуну:

— Расскажи колхозникам свою биографию, чтобы знали, с кем им придётся работать.

Сидя в президиуме, кандидат в руководители колхоза робко всматривался в лица присутствующих в зале и постоянно натёкся на неприязненные взгляды мужиков из первого ряда. Здесь сидели члены правления колхоза.

Иван Григорьевич кратко изложил свой недолгий жизненный путь. Родился на заводской окраине, окончил институт и работал на том же заводе, где и родители. Возглавлял БРиЗ (бюро рационализации и изобретательства).

— Я, товарищи, направлен к вам партией, чтобы поднять ваш колхоз.

— А он и не падал, — раздался женский голос.

— Поднять! — съязвила девица из конца зала, где кучковалась молодёжь. — Да он бабу не поднимет, чтобы в постель уложить!

Девушки зажали рты ладошками, их глаза слезились от сдержанного смеха.

Претендент действительно был неказистым. Над трибуной была видна только голова с редкими белёсыми волосами.

— Я, товарищи, — продолжал оратор с жалкой улыбкой, пытаясь расположить к себе слушателей, — за всю свою жизнь не вскопал ни единой грядки, но вилы от лопаты отличить могу.

Он был сейчас чуток ко всему, к любому возгласу и шороху, как птица перед первой линькой.

— Как коммунист, я обязан подчиниться решению партии, — закончил свою речь новый председатель колхоза.

Собрание, на радость всем, закончилось. Парни и девчата, посмеиваясь над новым начальником, быстро сдвинули скамейки к стенам, сдёрнули скатерть со стола президиума, поставили на

него радиолу и закружились в беззаботном танце. Всё лето клуб был на замке — то покос, то уборочная.

А на улице в это время собрание продолжалось, но уже без официальных лиц. Решался вопрос, к кому отправить на ночлег приезжих инженера и корреспондента. Выбор пал на Алексея Малозёмова. Он уж, как говорится, не даст молоку прокиснуть. Балагур, весельчак, острый на язык, но без дураков, в меру грамотный и даже немного образованный, должен был провести «идеологическую» обработку новичка, вывести его настрой, связи, а завтра всё доложить в неофициальной обстановке правлению.

— Да ты там давай без вывертов! — наказали мужики, показав ему кулак. — Не сорви заговор! — И громко рассмеялись.

Мужики выбрали не только дипломата, эту роль мог исполнить любой из них, но и его хозяйку. Не каждая женщина, принимая на постой нежеланного гостя, в состоянии сдержать неприязнь к нему. В какой-нибудь мелочи она всё-таки проявится. Вся надежда возлагалась на супругу Алексея.

Он разглядел среди женщин, ожидавших своих благовверных, когда же они досмолят свои сигарки, Анну, показал ей большим пальцем через плечо. Та поняла: «У нас сегодня гости „сверху“, — беги за бутылкой». Она было развела руками, взгляд метнула к небу, что означало: «Ты что, старый, — ночь на дворе, да и сельпо закрыто!»

— Ничего-ничего, Васильевна, дуй за бутылкой! Ты у нас нынче блатная. Как же, первая ночь с председателем твоя! — толкнула пальцем в бок и лукаво подмигнула подружка.

Бабы закатились хохотом. Ох уж это женское любопытство! И тут всё подслушали, подглядели. Смущённая Анна пошла в магазин.

Нюрка-продавщица уже всю суетилась за прилавком:

— Виданное ли дело? Ночью? Сухой закон во время жатвы распечатали! — ворчала она, едва успевая записывать на картонку

фамилии с указанием суммы долга счастливицков, получивших бутылку водки.

— Такой день, Ньюра! Вернее, ночь! В кои веки сам секретарь к нам пожаловал! Да ещё председателя из рабочих привёз! Свои-то мужики, видно, не справляются — никак власти угодить не могут, — балагурил Фёдор.

Он первый бутылку отхватил. Стоял в сторонке и спешил выговориться — скучно одному в ночном дозоре.

Иван Григорьевич Какаулин дорогой к дому убеждал Алексея в том, что он не так прост, как выглядит. Переполненный впечатлениями от встречи с крестьянами, он был рад избавлению от испытующих взглядов, от которых по спине пробежал холодок. Он не мог простить себе маску, прилипшую к лицу во время чтения секретарём его заводской и райкомовской характеристик. Все они были лживыми. Никакой он не организатор, не руководитель. Ни разу не выступал на собраниях. Держался в сторонке от мероприятий. На собраниях выбирал место в последних рядах, прячась за спинами от взглядов начальства.

После института поставили его сменным мастером в инструментальный цех — не справился. Перевели в БРиЗ. Так и сидел бы он, перебирая бумажки, до выхода на пенсию, если бы не взбрела в голову очередному генсеку партии большевиков бредовая идея послать представителей пролетариата поднимать разрушенные партией деревни. И когда поступила на завод разнарядка обкома на десять человек, кадровик представил директору список инженеров, отсутствия которых коллектив не почувствует. Как вы догадались, в этот список попал и наш герой. Есть вечный трепет у русского человека перед казённой бумагой, но есть и хитринка, и умение, как выполнить распоряжение не обидев себя.

Алексей перешагнул через порог, махом кинул кепку на гвоздь:
— Раздевайтесь — и к столу!

Сам нырнул под занавеску на кухню. Достал початую бутылку самогона и торжественно водрузил на стол.

— Как вам наши палестины? — разливая по стаканам, спросил он.

— Мы ещё не успели рассмотреть село, — скромно ответили гости, — вечер был напряжённый...

— Ну, за разрядку напряжённости! — И первым опрокинул стакан.

Молодой отказался. Иван Григорьевич медленно, прикрыв глаза, дотянул водку до дна, чтобы не обидеть хозяина.

Из сеней послышался шорох. Вошла хозяйка. Высокая, статная, с миловидным лицом. Взглянула на компанию. Алексей засуетился. Он по взгляду жены понял свою вину: «Усадил гостей за пустой стол, не дождавшись ужина, а схватился за бутылку, как последний пьяница». Он и прицокивал, и прищёлкивал языком, запел кенаром:

— Ну, баба ты моя, как цветочек аленький, как маргаритка розовая! А ещё не хотела на вечерний моцион. Еле вытащил на собрание! — это он уже к гостям обращается, подмигивая.

— Сиди уж! — жена издали погрозила ему кулаком.

Разделась, поправила волосы, подошла к столу и, спокойная, с обаятельной улыбкой поздоровалась. Гости представились хозяйке.

— И чего опять заливаешь? Как у него, не знаю, язык-то не заболит — с утра до ночи молотит.

— А есть, есть, баба, маленькая натуга в языке, это ты верно подметила. Ну, только не кончено заседание, не вся истина выяснена...

— Истина от тебя... — рассмеялась Анна. — Истина-то тебя, как чуму, обходит стороной.

— Да пошто так-то? Ты ведь у меня золото, а люди подумают — ржавчина... Так-так, баба! Ставь самовар, а то мы с тобой как нехристи — заморили гостей.

Хозяйка поставила на стол принесённую пол-литру, убрала порожнюю, принесла немудрёную крестьянскую закуску и пошла стелить постель.

Хозяин наполнил стаканы. Молодой опять стал отказываться.

— Ладно, насильно я никого не угощаю, а сам вот весь, как в засуху ручей, пересох.

— Хватит тебе, ручей, берега-то размывать! Поёшь уже как утренний петух, кукарекаешь, — отозвалась хозяйка из глубины дома.

— С каких это пор курица заставила орла кудахтать?! — прикрикнул Алексей, показывая, кто в доме хозяин.

Анна, сызмальства перепуганная властью, боялась, чтобы муж по пьянке чего лишнего не нагородил перед незнакомыми людьми. А потом махнула рукой и пошла спать.

Чтобы снять напряжение и смущение перед незнакомым человеком да развязать ему язык, Алексей сходил на кухню, наполнил пустую бутылку самогоном — чем не пожертвуешь ради доверия земляков. Вернулся к столу и продолжал разглагольствовать, отмывая мужское достоинство, как ему показалось, несколько запачканное женщиной.

Гость икнул — домашний напиток был тёплым, и он еле удержал его в желудке, — попытался сменить тему и вставить своё веское слово:

— Вот в «Правде» я читал, что колхозники живут зажиточно, — сказал он тихо, уткнувшись взглядом в овощную закуску.

— «Правда» — она правду и писать должна. А про зажиточность нашу поэт хорошо написал: «Есть и медная посуда — крест да пуговица. Есть и овощ в огороде — хрен да луковица».

— А ещё у нас, в городе, говорят, что есть три стадии алкоголизма, — не унимался гость, пытаясь выдать какой-нибудь смешной анекдот и тем самым создать весёлую, непринуждённую обстановку. — Первая — когда хочется выпить на посошок. Вторая — когда хочется опохмелиться. Третья — это когда просят копейки на проезд.

— Ах, козырь ты мой! Так в городе говорят. А в селе посошок тебе не нальют — спать будешь здесь. Опохмелиться тоже не

придётся, иначе завтра секретарь увезёт тебя обратно безо всякого голосования и копейки за проезд не возьмёт... Ладно, мужики, посидели и будет. Идёмте спать.

Рот его потянуло зевотиной.

Утром хозяйка с трудом растолкала мужиков, напоила крепким чаем и выпроводила за порог.

— А ты пока поспи, — пожалела она молодого парня. — Мы потом спокойно позавтракаем.

Она сняла старушечий платок, причесалась, надела красивую кофточку и села напротив. Она была ещё красива, красива последней бабьей красотой, а движения её были такими же девичьими. Глаза молодые, полные жизни. Лёгкая, синеглазая, грустная — не каждый день такую увидишь. Ах, как же рано старит женщину сельский труд: в сорок пять они уже смиряются со званием «баба», «старуха».

Анна Васильевна взглянула своими ясными глазами, как бы оценивая, можно ли открыться перед юношей-корреспондентом, не заложит ли он её крамольные мысли. И заговорила мечтательно, воспоминающе:

— Был у нас третьего года председатель. Бабы все были в него влюблены, и мужики уважали. Тоже из города прислали. Агроном после института. И жена ему под стать — такая же рослая, улыбчивая, — зоотехник. Студентами ещё поженились. Понравилось им наше село. На первом же году обзавелись усадьбой. Дом поставили с размахом — баня, хлев для животных... Так ведь районные власти расценили это как «недопустимое проявление собственнических замашек со стороны руководителя». Дескать, какой пример колхозникам подаёшь? И поставили вопрос о снятии. А любил он, чтобы всё у него было по-особенному. И какой дом! Ладненький, высоконый, со светёлкой-чердаком, а у той светёлки-чердака ещё балкончик с точёными перильцами. Терем!

Начальству наша нищета колхозная, видно, больше глянется. Первая заповедь — «государству отдай», вторая — «засыпь

семена», третья — «обеспечь всякие фонды». Колхознику-то иной раз совсем ничего уже и не оставалось.

Мой-то ведь тоже был председателем. Как же я за него переживала! Кричат, бывало, по телефону: «Сей! Мать твою так!» А на поля снег выпал — на лыжах сеяли. Осенью опять кричат: «Жни! Всю сводку районную портишь». А как жать-то — колос ещё не подошёл, не вызрело зерно. Центр всю жизнь пытался подтянуть Сибирь к срокам Кубани. Мой-то что учудил... Телефон отключил, контору на замок — и всех в поле: и учителей, и ребятишек, кто постарше, и фельдшерицу, и библиотекаря с завклубом — одним словом, всю сельскую интеллигенцию. Одни старики с детьми малыми в селе остались. Связистов из района прислали. По всей линии телефонной проехали и обнаружили у нас отключённый телефон. Шуму-то было, не приведи господи! А ко времени телефонистов мы уже и урожай поделили: сперва на семена, потом полной мерой на трудодни, остальное — на госзакупки. Правда, немного не дотянули до плана... Но выгребать из сусеков колхозников власть не осмелилась, не те уж были времена. Моего-то и сняли за самоуправство. Слава богу, ещё в тюрьму не спрятали! Мужики-то и осмелели. Что посевная, что жатва — избушку на клюшку и в поле. Рапортовали только по окончании работ.

Как ты думаешь, почему колхозники молчали, когда секретарь предложил забрать у нас сверхплановое зерно? Да потому что в закромах колхоза оставлен лишь один сверхплановый процент. По второму кругу избирать местных мужиков власть районная не стала, привозят сейчас вот таких, — и Анна Васильевна показала на то место, где сидел вчерашний гость. — Ой, недолго он продержится — сбежит...

Вновь избранный председатель ранним утром предстал перед светлыми очами районного партийного руководителя — и не вызвал у него никакого сочувствия. У Ивана Григорьевича был вид человека, утомлённого тяжкими ночными бдениями. Сидел он на стуле обречённо, как бы заранее и добровольно определив себе

место подсудимого. Тугие мешки набрякли под его глазами, но глаза были спокойны и даже чуть сонливы. Руки неподвижно лежали на коленях.

Павел Тимофеевич отвернулся к окну и долго молча смотрел на ранний рассвет. «Какого же идиота я подарил мужикам лучшего в районе колхоза!» В душе он их понимал и сочувствовал. И сам он бывший председатель колхоза из соседнего района. За организаторские способности выдвинули его на руководящую партийную работу.

«Ну что с ним делать? — подумал секретарь. — Не везти же его обратно».

— Ты, Иван Григорьевич, сиди в основном на телефоне и во время передавай сводки. Большого от тебя пока не требуется. Мужикам не мешай. Постепенно вникай. Завтра же отправь подводы с хлебом на элеватор. Желаю успехов!

И уехал.

Вечером того же дня Алексей Малозёмов после плотного ужина скрутил сигарку самосада, с мычанием и причмокиванием приткнулся к керосиновой лампе, почти всё пламя через пузатое стекло вобрал в себя, затянулся, хлебнул дымку, закашлялся глубоко возникающим, громким кашлем. Его колотило изнутри, трясло так, что волосы на голове подпрыгивали и рассыпались соломой.

— Иди на улицу! — прикрикнула Анна. — От твоего табачища икона плачет, все глаза выело!

Именно это «благословение» и нужно было, чтобы без лишних вопросов выйти из дома и отправиться на заседание «совета старейшин».

Промельком сверкали сигарки, светящиеся в вечерней первотеми, да раскалывал тишину натужный кашель.

— В общем, так, мужики, новенького я определил к бабке Нёфёдихе. Она будет ему кашеварить, а питье придётся обеспечить всем селом, через ту же старуху.

Так и порешили. Сводки и рапорты подавали председателю такие, что радовали слух районному руководству, а хозяйствовали так, как учили их старики.

По окончании сева «теневое правительство» колхоза разработало коварный план. Местная самодеятельность с энтузиазмом поддержала его. Загодя вымыли тракторную тележку, а заодно и трактор, постелили половики, установили вдоль бортов скамейки.

Ранним воскресным утром, пока деревенский люд от мала до велика не высыпал на улицу в честь праздника «Красной борозды», молодёжь в сарафанах и с гармошкой заняла места на тележке. Мужики в полной тишине вынесли и положили вусмерть пьяного одного из двадцати пяти тысяч пролетариев, «надорвавшего» своё здоровье на ниве неподъёмного сельского хозяйства. Рядом поставили «на посошок» бутылку водки и тарелку винегрета.

К вечеру весёлый карнавальный экипаж прибыл к подъезду РК КПСС. Крепкие руки парней под приглушённый смех девиц внесли тело и осторожно положили на диван в приёмной секретаря райкома.

КРЕСТ

— Ать-два, ать-два! — весело подбадривает старый солдат Первой империалистической сонного мальчишку-сына.

Гошку подняли рано — до зари. Поднять подняли, а не разбудили. С вечера он с радостью согласился пойти с отцом на сенокос. Собрал удочки, мать приготовила узелок на обед. Он пообещал сестрёнкам уйти утром тихо, без шума.

Сейчас он бредёт за отцом, едва поспевая, с полужакрытыми глазами, совсем не испытывая той радости, что охватила его вчера, когда отец, обращаясь к нему как к взрослому и единственному мужику в доме, впервые пригласил на дальнюю заимку.

Штанишки быстро вобрали капли утренней росы, туман прилепил рубашонку к тощей спине, и по ней пробежала мелкая дрожь, окончательно разбудившая мальчишку. Глазёнки от прохлады широко распахнулись и увидели прекрасный мир леса северного Урала.

Медленно наступает рассвет. Ещё клубится белый туман и с восходом солнца начинает оседать на землю, прибавляя росе ещё больше влаги. Косари перешли мост через Волчанку, вышли на узкоколейку, прошли ещё километра два и свернули в лес.

Тайга встретила ранних гостей птичьим гомоном. Любопытная синичка, перелетая с ветки на ветку, всё спрашивала: «Чи вы? Чи вы?»

— Деревенские мы! — крикнул Гошка и громко рассмеялся.

Отец обернулся:

— Ты что-то сказал?

— Да вот синичка привязалась, всё спрашивает: «Чи вы, чи вы?»

— А, ты уже птичий язык понимаешь! — одобрительно, с лёгкой лукавой усмешкой заметил отец. — Это хорошо.

От похвалы мальчонке почему-то стало весело и радостно. Он побежал вприпрыжку рядом с тропинкой, принимая на себя всю паутину в серебре капелек росы, и уже не обращал внимания на сырость и прохладу восходящего жаркого дня.

Вышли на широкую полянку заливного луга у маленькой речушки со смешным названием Онька. На просторе Гошка впервые увидел лес на утренней заре. Острые колющие лучи едва пробивались сквозь вершины высоких деревьев, обливая золотом стволы сосен, а с обратной стороны поляны — в тени — стояли плотным полукругом тёмные до синевы ели и пихты. Впереди цветущая поляна, позади маленькая, быстренькая, говорливая веселушка — речка Онька, а в центре этого прекрасного и удивительного мира — он!

Непонятное радостное возбуждение переполняло всё его существо.

Отец определил место для костра на песке у речки, где будут готовить обед, и пошёл косить. Сын развёл костёр и любовался отцом: «Какой он высокий, стройный, сильный, красивый!» Широкий взмах — и трава ложится ровно в валок — верхушки к верхушкам; обратный вынос косы кончиком щекочет травки, и снова коса со свистом кладёт в рядок новую гриву. В конце прокоса отец не спеша втыкает летовище в землю, пучком травы обтирает литовку, достаёт длинный брусok и размашисто, звонко точит косу. Сплюнул в ладони, растёр и пошёл махать косой в обратную сторону легко, без натуги, не горбясь, весело. «Вырасту большим и сильным, буду так же косить с папой на пару», — решил Гошка.

К полудню разнотравье лесной поляны лежало в длинных ровных валках. Подсыхало. Завтра мужики придут ворошить сено. Пообедали. Гошка убежал к речке с удочками, а отец решил пройти в старый горельник в поисках ещё подобной поляны под выкос.

Первым после лесных пожарищ покрывает обугленную и, казалось бы, безжизненную землю кипрей — иван-чай, «прекрасный цвет печальных пепелищ». Он — завидный медонос и собирает в своих зарослях пчёл, ос и самых крупных и свирепых в племени жужжаще-жалящих — шершней. Как только отец вышел в их владения, несметные полчища летающих насекомых набросились на него со всех сторон, словно он опрокинул улей. Отец, беспомощно отмахиваясь, с воплем выбежал на поляну, чем несказанно напугал сынишку.

— Гошка, сгони быстрее с меня шершней!

Крупные «мухи», изогнувшись в своей тонкой талии, так крепко вцепились в тело, что не в силах были вынуть свои жала, как кривые турецкие ятаганы. Сын веткой сбросил алчных насекомых. На потной рубахе отца остались коричневые пятна яда. Отец снял рубаху — на местах укусов вздулись крупные шишки: одна на затылке, другая на пояснице, две — на лопатках.

— Сынок, проведи пальцем линии, где сидели шершни.

Гошка провёл. Получился крест!

— Значит, завтра меня заберут... — грустно, опавшим голосом сказал отец и опустил на землю.

Гошка испугался. Он знал значение этих слов. Половина деревенских мальчишек — его сверстников — не выходили на улицы играть, сидели по домам, как пришибленные. А их молодые мамы, словно старушки, повязали полушалки до самых бровей и ходили по деревне не поднимая глаз, испуганные и постаревшие.

Отец сидел молча. Сын прижимался к нему и тоже молчал.

«Недавно арестовали друга и земляка Михаила Дмитриевича Урванцева. Следователи забили его до смерти, выбивая признание в том, что он хотел убить Сталина. Ночью придут за мной — молотобойцем, работавшим с Урванцевым. В чём будут обвинять меня? — размышлял отец. — Может быть, в такой же нелепости, как Ивана Есаулкова...»

— Признавайся, что ты сжёг самолёт!

— Да я ероплан и в небе не видел ни разу, только в кине, — клялся колхозник.

— А ты признайся, подпиши протокол, и мы тебя отпустим, — лукавили душегубы.

Иван, по простоте своей душевной, и подписал. И сгинул, исчез навсегда, как «лагерная пыль»...

Незаметно и необычно рано стемнело. Небо заволокло тяжёлыми тучами. Домой отец шёл быстро, как будто спешил завершить все дела в этой жизни. Сын почти бежал за ним, на ходу поддерживая штанишки и кулачком размазывая слёзы. Он заметил, как отец резко согнулся, сгорбился, словно нёс на плечах тяжкий груз.

Дома спокойно, без истерики, чтобы не напугать детей, мать, украдкой вытирая слёзы уголками платка, заменила в «походном» узелке краюху хлеба на свежую. Подобные узелки на случай ареста были припасены в каждой семье, где ещё оставались мужчины. Спать легли рано, но никто не уснул. Все прислушивались к тягуче-длинной тишине деревенской ночи.

У соседей залаяли собаки. Резкий, тревожный стук в дверь. Детишки нырнули под одеяло.

— Входите! Не заперто, — вскочил с постели отец.

Вошли двое.

— Вы? — Назвали фамилию, имя, отчество.

— Да.

— Вы арестованы.

И увели отца... в вечность.

ПОДУШКА

Оголодавший студент Мишка сидел в раздумье, где бы подкормиться. И тут вспомнил: недалеко от города, в деревне, живёт родная тётка — сестра его отца. Впереди два выходных дня. Полчаса на электричке, пять километров по тропинке через лес — и вот она, деревня.

Тётю Марусю он нашёл утром на птицеферме — она птичницей работала. Оба обрадовались, обнялись, расцеловались и пошли домой.

— Как я рада, что ты приехал! Вон, посмотри, видишь во дворе куча дров? Вчера только машину свалили. Поколот бы дровишек, сколько сможешь...

— С большим удовольствием. Давно топором не махал.

Тётя достаёт из-под лавки топор. Он расхлябанный, тупой и шербатый, рукоять сколота...

— Таким инструментом много не наработаешь — скривился Мишка брезгливой улыбкой.

— Ладно-ладно, сейчас к деду Михею, соседу нашему, сбегая, попрошу. Может, даст. У него и топор хороший, и колун есть.

Племянник, не уверенный в успехе, поплёлся вслед.

Вышел дед Михей. Статный, крепкий ещё старик с окладистой, аккуратно расчёсанной бородой уральских кержаков. Осмотрел Мишку с ног до головы, усомнился:

— Колот ли дрова ране, али совсем городской?

— Что ты, что ты, дядя Михей! — зачастила тётя Маня. — Деревенский он, деревенский! Из деревни-то он уехал только после семилетки, а до того всё в деревне с отцом-матерью жил. А дров-то

переколол за жизнь свою и не сосчитать кубометров сколько! — продолжала расхваливать тётушка племянника, будто жила с ними в одной деревне.

— Да-а-а, — усмехнулся дед, — жизнь-то парня не длиннее хвостика козлёнка твоего Васьки.

Широкий ладонью сгрёб в щепоть ухмылку и спрятал её в бороде. Неспешно развернулся, снял замок с чулана, скрипнул дверью, через минуту вышел и подал Мишке топор. Тот оценивающе посмотрел, подкинул и ловко поймал. Дед оценил финт молодого.

Тонкие берёзовые чурки, расколотые пополам, разлетались в стороны от Мишкиных ударов топором. Он брал половинки и ещё раз колол их. Дед Михей ещё долго стоял и ревностно наблюдал, переживая за топорщице — не разобьёт ли его малец от неумения своего. Потом подошёл и подбодрил парня:

— Ловко у тебя получается, сноровисто, молодец! — и спокойно ушёл в дом.

За субботу Мишка переколол все чурки и вернул Михею топор. При нём обтёр его об штаны, погладил ладошками железные щёчки инструмента, на вытянутых руках передал в руки хозяину с сердечной благодарностью. Дед улыбнулся — оценил крестьянское отношение к орудиям труда.

Пришла тётя Маня. Она вернулась с работы. Увидела высокую гору поленьев, взмахнула руками от удивления и запела, прославляя Бога и племянника. Обошла дрова, желая убедиться, все ли чурки расколоты, не завалены ли полешками, убедилась — работа без обмана, и пуше прежнего принялась хвалить работничка. Мишка смущённо молчал, глупая улыбка удовлетворения маской застыла на его лице.

— Ты вот что, Марья, парня надо отблагодарить, — подал голос дед Михей.

— Да вот я и думаю — как? Ума не приложу... Ну пойдём, Мишка, в дом, я приготовлю что-нибудь на ужин.

В воскресенье, после утреннего чая, Мишка отправился складывать дрова. Смастерил две клетки в торцах поленницы, чтобы дрова не рассыпались, сложил первую поленницу, вернулся в дом попить и передохнуть, смотрит: тётя Маня подушку новую сшила. Помяла её, подбросила, ещё помяла, любитесь.

— Вот решила подарить тебе подушку, да уж больно хороша получилась... Я тебе другую излажу.

Поднялась на чердак и спустилась с фуфайкой. Распоролла её, вынула вату, свернула в рулон — размер на стандартную подушку не тянет. Ещё раз отправилась на чердак, принесла ватные штаны и начала пороть.

Мишка отправился складывать дрова во вторую поленницу, размышляя: «Без подушки из гостей не уйти. И зачем мне подушка? В общежитии постель казённая». И представил, как он с подушкой-подарком под мышкой поедет на электричке, потом по городу на трамвае, и все встречные-поперечные будут смотреть на него с подозрением: «Ты где, парень, подушку спёр?» Позору не оберёшься. И тётку обидеть не хочется...

Вышел дед Михей, он из окна наблюдал за Мишкиной работой, похвалил и спросил:

— Чем же тётка отблагодарила тебя, паренёк?

— Подушку подарила, — ответил Мишка добродушно.

Старик недовольно покачал головой и отправился к соседке. Мишка отдыхал, сидя на толстом чурбане, вдруг услышал тёткин голос:

— Генка! — Это её сосед. — Пойди заколи Ваську, мясо на ужин нажарю!

Генка в ответ:

— А поллитровка будет, тётя Маш?

— Будет, будет!

Уставший Мишка пошёл в дом: наверное, Генке помочь придётся козлёнка ловить. Умылся под рукомойником.

— А ты когда уезжаешь? — спрашивает тётушка.

— Последней электричкой, в восемь.

— А сейчас сколько времени?

— Шесть.

— Генка! Не надо ловить Ваську, не успеем, гостенёк-то уезжает уже! Тебе торопиться надо, — это она Мишке говорит. — Пять километров ещё бежать до станции. Давай хоть чаю попьем, — засуетилась хозяйка.

Возмущению Генки не было предела. Предвкушая жаркое под водочку, он сейчас неистово ругался, и отдельные хлёсткие выражения были слышны через тонкие дощатые стены старого барака. Мария, делая вид, что ничего не слышит, громко гремела чайником на плите.

Близкие родственники любезно распрощались. Тётушка всё-таки, как Мишка ни сопротивлялся, засунула ему под мышку ватную подушку. Он вышел в коридор, положил подарок в угол и пошёл в другую от окон тётушки сторону. За углом он встретил Ваську. Козлёнок щипал последние осенние листья и так, с листиком в зубах, удивлённо уставился на Мишку. В его взгляде читался вопрос: «Ты чего это, парень, прёшь через бурьян и крапиву? Дорога с другой стороны дома...»

— Эх, Васька, Васька... Мы ведь чуть было не съели тебя сегодня. Ладно, живи долго!

Студент улыбнулся козлёнку и весело, с чувством выполненного долга перед родной тётушкой, зашагал по тропинке на станцию. Козлёнок ещё долго смотрел ему вслед: с ним никто ещё так не разговаривал.

ИЗ ВОЛГИ В ЭССКУ

В тревожном напряжении смотрели они в глаза друг другу. Следили за малейшими движениями. Их разделяла маленькая таёжная речушка шириной, в том месте, метра три-четыре. Зверь вышел на водопой, человек — в поисках переправы. На ворсинках губы зверя ещё серебрились капельки влаги. У охотника перехватило дыхание и пересохло во рту. Зверь не испытывал страха, он глядел с любопытством и надеялся мирно разойтись с человеком. Охотнику ещё ни разу не приходилось вот так, лоб в лоб, встречаться со своей жертвой.

Осторожно, не отрывая руки от туловища и взгляда от зверя, нащупал цевьё, взвёл курки и навскидку, не целясь, выстрелил. Ветверогий красавец вздыбился и одним прыжком скрылся в лесу. Ветви прибрежного кустарника сомкнулись, сбитая рогами листва укрыла следы. Природа защищала своего питомца.

Охотник, уверенный, что зверь ранен смертельно и далеко не уйдёт, лихорадочно ищет переправу. Речка невелика, но достаточно глубокая, и вода в ней, даже в жару, холодная. На излучине он увидел упавшую поперёк разлапистую ель. С двустволкой в руках, раздвигая ветви, он спешит на тот берег. Мощная еловая ветвь, отпущенная рукой, ударила по правой ноге, он запнулся и... из голенища нырнул в воду нож... Охотник был потрясён — этот необыкновенный нож был дороже лося.

Через минуту замешательства он вернулся на берег, разделся и, дрожа всем телом, вошёл в воду. Щупал дно ногами, лазил под колючие ветки проклятой ели — безрезультатно: тёмная вода цвета кофе и толстый слой донного ила вперемешку с обломками

деревьев не оставляли никакой надежды на успех поиска. Он выскочил на берег, трясущимися от озноба руками кое-как развёл костёр, обогрелся и повторил поиск... Река поглотила безвозвратно дорогую для охотника часть экипировки.

Минуло немало дней. Условный стук в стену: «Зайди!» Захожу. Сидит мой сосед за столом, перед ним громадная, глубокая, семейная сковорода с жареной дичью. Здесь же поллитровка и два стакана. Он молча разлил водку по самый «маруськин пояс», махом накати и убрал пустую посуду со стола. Я отпил глоток и в недоумении уставился на него:

— Что с тобой, Леонид Денисович? Ты как будто на поминки меня пригласил? Ни тоста, ни чоканья стаканами.

— Ты прав, я пригласил тебя на поминки.

В моём сознании промелькнуло множество версий, по ком он справляет тризну. Он сидел, положив голову в ладони, и безучастно смотрел ничего не видевшими глазами на рисунок клеёнки на столе.

— Я долго не осмеливался признаться тебе, — вдруг заговорил он. — Я потерял твой нож...

И меня отпустило. Как гора с плеч, свалилась напряжённость и сочувствие к нему. Чтобы не нагрубить и немного успокоиться, я отпил водки, долго жевал вкусное мясо и стал его успокаивать. Чем же тяжкая, горькая утрата повергла в уныние моего соседа и друга, что по истечении времени он продолжает оплакивать её и не может смириться с потерей, как будто закончился для него охотничий промысел?

В то лето мы семьёй решили провести отпуск у родственников в Саратове. В Оби, Иртыше я купался, загорал у Чёрного моря, а Волгу видел или под крылом самолёта или из окна быстрого проходящего поезда. И наконец представилась возможность «свои ладони в Волгу опустить»!

Жара в то лето стояла неимоверная. Родственники спешили на работу, жена с детьми отправилась на прогулку по городу — угостить юных северян мороженым, коего на северах в те времена не было. А мне посоветовали отправиться через самый длинный мост в Европе через Волгу, на тот берег, на дикий, но чистый пляж, так как городской замусорен и вода от близости с речным портом, мягко говоря, не совсем чистая.

Раскалённые железные листы пешеходного перехода обжигали ноги через тонкие подошвы сандалий. И вот они — сходни на остров, больше похожие на крутой корабельный трап. Публики мало — рабочий день. Зазываяще раскинув ножки на песке, нежились несколько юных девиц да две-три группы картёжников. Разделся, потянулся и медленно, с опаской вошёл в воды великой русской, воспетой в песнях, реки. Она приняла меня с большей теплотой, нежели моя, уже навеки родная, Обь: вода теплее.

Поплавал до усталости. Обогрелся на горячем солнышке, позагорал и решил понырять, посмотреть на дно — привычка с Чёрного моря, где собирал красивые раковины и для забавы приносил на берег крабов: попугав ими лежащих молодых женщин, отпускал их в родную стихию.

Нырнул в прозрачную воду, осмотрел дно — оно песчаное, чистое и пустое от живности и посторонних предметов. И вдруг что-то блеснуло в лучах полуденного солнца, в преломлении прозрачной воды. Схватил — кожаные ножны с заклёпками по бокам, а внутри — нож! Находка не для всеобщего обозрения. Спрятал в плавки — и на берег. Лёг, укрывшись широким полотенцем, разглядел находку.

Кожаные ножны не успели раскиснуть в воде. Вынул нож — красавец! Ни на нём, ни на заклёпках ножен нет ни единой крапинки ржавчины: он попал в воду недавно. Кто-то, видимо, хотел избавиться от него, как от улики. Не с неба же он упал в прозрачные воды Волги. Быстро, оглядываясь, словно украл что-то,

завернул его в полотенце, положил в сумку, и ничто меня больше не интересовало: ни пляж, ни Волга, ни Саратов.

Жена всё-таки увидела его, попросила рассказать историю находки и потребовала выбросить, так как найденный нож приносит неприятности в семью и даже несчастье. Я пренебрёг её предрассудками и спрятал его дома на антресолях, куда она не часто добирается. Но можно ли что-нибудь в квартире спрятать от женщины? По своему опыту знаю — нельзя!

Как-то на моём семейном празднике Леонид Денисович с супругой по-соседски сидели у нас за столом. Жизненные и профессиональные интересы у меня с ним были различны. Мои темы разговора утомляли его, а я же с интересом слушал охотничьи рассказы. Был он немногословен, и мне постоянно приходилось подкидывать ему дополнительные вопросы, чтобы представить в полноте всю картину его охотничьего мастерства. Женщины слушали его с большим вниманием, искренне переживая все его промашки и рискованные для жизни случаи на охоте. Восхищённая рассказами доблестного охотника, моя благоверная встала из-за стола якобы за очередной закуской — и на протянутых ладонях преподнесла Денисовичу мой нож.

— Извини... Но я хотел поместить его на стену в перекрестье ружей и сабель... — сказал я, пытаюсь превратить жест супруги в шутку. Мне было очень жаль расставаться со своей находкой.

Денисыч вынул нож из, казалась бы, простецких кожаных ножен. Глаза его загорелись азартом человека, знающего цену приобретённой вещи. Это был армейский подарочный нож иностранного производства. На клинке монограмма на латинице. На ножнах — широкие прорезы для поясного ремня. Гарда — крестовина между клинком и рукоятью, предохраняющая кисть руки от удара, состояла из дужки с крестовиной формы латинской буквы «зет» золотистого цвета. Вдоль клинка — два желобка. Рукоять тёплая и необыкновенно лёгкая, с абстрактным орнаментом. Увидеть

такую вещь во времена, когда невозможно было приобрести порядочный охотничий нож, было удачей для любого охотника.

Застолье было нарушено. Сосед со словами благодарности и с трудом скрываемой радостью ребёнка, получившего красивую игрушку, поспешил домой — вдруг хозяин раздумает и всё превратит в розыгрыш.

Вот такая история. Пришёл нож из прозрачных вод Волги и ушёл в мутные воды Эсски.

КОЛОКОЛЬЧИК

Над рекой занималась заря. Косой мягкий свет оранжевого диска заструился среди деревьев. Колокольчиком прозвенела в гуще леса первая песня малиновки.

По-над берегом говорливой в своём верхнем течении реки уже много дней бродил высокий тонконогий лосёнок, радуясь всему окружающему: то он бегал наперегонки с ветром, то бодал толстый ствол дерева... да мало ли что мог надумать годовалый лосёнок-несмышлёныш, счастливый от ощущения своей свободы и полноты открывающейся ему жизни. Счастливый, несмотря на то что он был круглым сиротой.

Случилось так, что отец и мать, дикие лоси, оставили его, беспомощного, на второй день после рождения. Но он этого не помнил. Нашёл его егерь и приютил у себя на дворе с такими же, как он, несмышлёнышами.

И зажилося ему совсем неплохо. Каждое утро получал лосёнок свою порцию тёплой кашицы из отрубей, воды и молока. Потом так же обедал, ужинал. Выпрашивал хрустящие картофелины, тычась носом в твёрдую ладонь светлоглазой, звонкоголосой женщины. Гулял, сколько хотел, но всегда бежал на зов, услышав ставшее привычным ласковое «Соболь». И сейчас шёл он, маленький лосёнок с любознательными глазами, по большому миру природы.

На краю высокого светлого бора повстречал незнакомого горбоносого лося-великана, призывно мякнул, но тот лишь равнодушно взглянул и зашагал куда-то по своим делам. Только упругий куст можжевельника несколько раз качнулся вслед

ему. Обиженно тряхнув головой, лосёнок полез в густой бурелом и весь исцарапался о сухие колючие сучья. Наконец вышел на гарь, розовеющую в румянце кипрея-медоноса. Добравшись до зелёного ковра леса, задремал, подогнув под себя уставшие ноги.

...Тук-тук-тук — сквозь сладкую дремоту уловил со стороны реки тонкий слух лосёнка. Вспомнив былое угощение под такой же звук, побежал к речке через кустарник и высокие злаки. По реке против течения шла тупоносая самоходная баржа, издавая откуда-то изнутри характерный дробный, такой знакомый звук.

С баржи замахали руками. Лосёнок в ответ — «дзинь-дзинь» — вызванивал своим колокольчиком, подвешенным на длинной шее. Баржа к берегу — лосёнок навстречу. У самого уреза воды встретились человек с «крабом» на фуражке и мокрогубый, доверчивый лосёнок. Привычно уткнувшись тёплым носом в жёсткую ладонь незнакомца, Соболь подбирал своим шершавым языком крошки хлеба. А подобрав, выпрашивал ещё.

— Больше нету, дружок, — виновато улыбнувшись, ласково потрепал его по шее речник. — В другой раз!

На ходу пощипывая сочные зелёные ветки ивняка, лосёнок пошёл дальше вдоль берега, вниз по течению, отсчитывая уже четвёртый десяток километров от дома.

Но вот раздался в кустарнике подозрительный шорох. Тревожно пропищала с вершины дерева какая-то птица. Лосёнок заволновался: шерсть на загривке встала дыбом, уши нервно подрагивали, ловя каждый звук из пёстрого лесного хора. Снова шорох, и три волка с глухим рычанием бросились к нему. Лосёнок метнулся к реке, отплыл поглубже, где едва доставал ногами дно. Ошерив клыкастые пасти, волки прыгнули за ним, но течение несло их мимо — лапы не доставали дна. Второй, третий — то же самое.

Лосёнок долго стоял в воде, дрожа от страха и холода. И казалось, уже ниоткуда не могло прийти спасение бедному животному, слабейшему под сильным напором речных струй.

Вдруг волки встrepенулись и, поджав хвосты, затрусили в кусты. «Тук-тук-тук» — выстукивал мотор приближающейся лодки. И снова человек вышел на берег, а лосёнок выбрался к нему, спрятавшись мордой в тёплые подмышки.

— Держись, лосёнок! В случае чего — лезь в воду, — ласково потрепал его человек, отчаливая на своей быстрой моторке, чтобы сообщить о случившемся егерю.

Едва лодка скрылась за поворотом реки, волки вновь бросились к своей жертве. Смертельная игра началась сначала. После нескольких удачных атак хищников, оставивших первые, пока ещё неглубокие, следы волчьих зубов, вокруг лосёнка стала розоветь вода от сочащейся из его ран крови.

И тут где-то далеко затарахтел мотор. Всё ближе, ближе... Спасение! Волки отступили. А лосёнок воспрянул духом и рванулся навстречу своим спасителям, разбрызгивая воду. Сидевший за рулём ухарь-мужик в небрежно сдвинутой на затылок шапке хищно прищурил глаза. Блеснули в злорадной улыбке два ряда белых зубов. Молодцевато прыгнул на берег. Лосёнок — навстречу, благодарно наклоняя голову...

Молнией сверкнуло холодное синеватое лезвие топора, и обезглавленное тело лосёнка пало к его ногам, в лужу крови. Судорожно царапнули жёлтый песок длинные, по-детски голенастые ноги, только что спасавшие его от серых лесных разбойников. Глухо звякнул колокольчик на красной тесёмочке, брошенный на землю равнодушной рукой.

Через час добрался сюда егерь... И только страшные следы на песке рассказали о последних минутах лосёнка по кличке Соболь, любимца всех окрестных ребят.

ДОБРИК

Начало октября. Понемногу идёт снег. Первый ледок на лужицах, мёрзлая земля. Тайга стоит притихшая, сиротливая, оголённая. Горделивые сосны подняли свои кроны в небо и смотрят свысока на пихтач и ельник. А внизу их голенастые стволы в золотистых чешуйках прикрывают от глаза постороннего и мороза лютого кустарники черёмухи, рябины и прочей таёжной мелочи. На фоне серого подлеска горят яркими рубинами ягоды шиповника.

Гошка перебросил ремень ружья с плеча на шею и принялся обсасывать, словно леденцы, подёрнутые морозцем сладкие плоды северного леса. Увлёкся. Спиной почувствовал чей-то взгляд. Насторожился. Осторожно осмотрелся. В кустах сидел пёс и внимательно следил за ним.

Парень успокоился, присел на корточки, улыбнулся собаке, причмокивая губами, похлопал по коленке, призывая к себе. Тот не шелохнулся. Они с недоверием, изучающе, смотрели друг на друга ещё несколько минут. Гошка отломил кусок хлеба и бросил недалеко от себя. Пёс облизнулся, но продолжал сидеть.

— Ну и сиди, а я пошел, — дружелюбно, словно обращался к капризному мальчишке, сказал Гошка и направился вдоль просеки. Он первый год после окончания школы работал помощником лесничего.

Приходит как-то к отцу сосед, старый лесник. Поговорили они о том о сём, тот и заявляет:

— Отдай мне, Николай, парнишку в помощники. Ноги-то у меня совсем не дюжат по урманам-то лазить. К непогоде так

и вовсе спасу нет как ноют. А он у тебя рослый, тайги не боится. Ружьё ему дам, патронташ с патронами. Глядишь, и дичь кой-какую когда в дом принесёт.

Отец был рад предложению. Для солидности поупирался, порассуждал, расспросил о размере жалованья — и согласился.

Наутро Гошка намотал потуже портянки, надел отцовские бродни, высокие, с отворотами, ещё раз жирно смазал их дёгтем, застегнул на поясе патронташ, небрежно перекинул на плечо старенькую берданку, с озабоченным видом взрослого мужика, и не просто рядового охотника-любителя, а облечённого властью лесничего, дважды прошёлся по улице, сожалея, что друзья ещё спят и не видят его. Для полного антуража ему не хватало доброй охотничьей собаки, чтоб бежала рядом и преданно заглядывала в глаза в ожидании команды.

Он шёл по просеке, незаметно оглядываясь, следил за собакой. Та сглотила хлеб, облизнулась и, всё ещё не доверяя, на почетительном расстоянии бежала следом.

Обед разделили поровну и подружились.

— Какой красивый и добрый пёсик, — осторожно поглаживал он незнакомца и почёсывал ему за ухом. — Звать тебя буду Добриком. Согласен?

Пёс облизнулся, вильнул хвостом, лёг напротив, прикрыл глаза в знак полного доверия и преданности новому хозяину.

Белые длинные лапы, приспособленные к глубоким снегам Северного Урала, столь же белый воротничок и мордашка с палевой шапочкой на лбу, пушистый хвост крендельком.

Тайга проводила лето, ещё грустит, мёрзнет, ждёт зимы и большого снега. Некоторые деревья не соглашались с осенью, вызываясь зеленели, а иные кусты ни за что не хотели расстаться с уже пожухлой листвой.

...Утра наступили морозные, ясные. Над крышами изб — розовые, подкрашенные зарёй столбы дыма. Гошка повесил на шею ружьё, широкие, подбитые камусом¹ лося охотничьи лыжи взял наперевес, как винтовку на параде, и неспешным шагом отправился на работу в лес. Впереди бежит, оглядываясь, Добрик. Солнце встало, но ещё не поднялось — зацепилось где-то за верхушки кедрача. Поэтому в тайге сумрачно и холодно. Морозец слегка пощипывает лицо. Мягко скользят лыжи. Медленно плывут мимо запорошенные снегом деревья.

Освирепел мороз после буранов. Гуляет себе по тайге да балует. Даванёт ледяной лапищей то одно дерево, то другое — только треск стоит. Но и бураны погуляли на славу, вон надувы какие наворотили. Хорошо хоть, что промёрзший снег отвердел — легче новую лыжню прокладывать.

Всю ночь зверьё рыскало. Каких только узоров не наплели! В бураны отлёживались, отсыпались и оголодали порядком. Теперь морозище и голод всех из нор повыжили.

Добрик весь день шустро носился по лесу. Его зовущий лай раздавался то в ельнике, то в густо заросших кустах. Гошка спешил на этот лай, и, как только сближался с собакой, та переставала гавкать и лишь попискивала, не спуская глаз с очередного зверька.

Охотник подходит к нему, задирает голову, а Добрик отскакивает в снег, ждёт, поглядывает на охотника. И стоило им встретиться взглядами, он чуть шевелил хвостом, будто провинился. Если уж молодой охотник долго не мог высмотреть белку в густом лапнике ели, Добрик начинал постанывать и царапать дерево, ровно хотел сам достать унырливую белку, подать её хозяину.

Гошка постучал палкой по стволу дерева. Собака, должно быть, видела схватившуюся за сук белку и от переживаний вдруг зарыдала, но тут же смолкла и с немым укором глядела на охотника, который шёпотом поругивался, напрягая зрение.

¹ Камус — шкура с голени оленя или лося.

— Вот она! — удовлетворённо сообщил охотник и, прищурив глаз, обстоятельно прицелился.

Добрик по-прежнему ожидал выстрела. Казалось, охотник целится бесконечно долго и что лес тоже ждёт, затаив дыхание.

Таёжную тишину развалило грохотом выстрела, и, судорожно цепляясь лапками за сучья, от ветки к ветке, всё быстрее и отвеснее, падала белка. Пёс ловит её, и виден был только прыгающий пушистый хвостик. Поначалу Гошка думал — выплюнет собака изо рта раздавленную, никуда не пригодную белку. Но когда раз и другой Добрик положил к ногам перезаряжавшего ружьё охотника, даже слюной не смоченную белку, а сам, облизнувшись, озабоченно убегал в ельник, зорко отыскивая след и обнюхивая коряги, стало ясно — это была промысловая собака из вогульских лаек.

Как выяснилось позже, хозяином Добрика был старый, уже немощный охотник-промысловик, что жил на кордоне на берегу Лозьвы в сорока километрах от места описанных здесь событий. На привязи такую собаку держать нельзя, затухают в ней чутьё и навыки.

В тот день они добыли одиннадцать белок.

Опытный пёс был самостоятельным охотником. Давил в снежных лунках спящих глупых рябчиков. Одного поймал — остальной выводок вспорхнёт со страху и сослепу в яркий солнечный морозный день, на ближайшие ветки. Тут уж, охотник, не зевай. Ловил Добрик в снегу и осторожных тетеревов-косачей, и белых полярных куропаток. Всю пойманную дичь честно отдавал хозяину. Пёс натаскивал своего юного друга, воспитывал в нём охотника.

Гошка начал понимать собаку по голосу. Уже мог определить, кого тот облаивает: дичь пернатую, белку, лося или другого крупного зверя. А тут какой-то другой, злобный, басовитый, беспрерывный лай.

Охотник спешит на зов. Проваливается в глубоком рыхлом снегу, путаются в кустах лыжи. Ветки, слабенькие и гибкие летом,

вымороженные зимней стужей тверды и хрупки. Цепляются за одежду, больно бьют по лицу, ломаются с треском, предательски выдают движение охотника. Пёс лает совсем близко. Впереди, среди плотных зарослей, два куста ольховника. Они обнялись кронами, и лишь внизу небольшой просвет. Гошка стволом ружья поднимает придавленную снегом петлю нижней ветки, локтем прикрывает глаза. Потревоженные верхние ветви с облегчением сбрасывают на него шапки снега, обильно орошая вспотевшую шею.

Добрик бросился ему в ноги, продолжая лаять, но уже более громко и озлобленно — он почуял крепкий тыл. Охотник переде́рнул плечами, стряхивая снег, и неожиданно встретил жёсткий, озлобленный взгляд жёлтых глаз.

Перед ним, в трёх шагах, на склонённой в его сторону верхушке берёзы, распласталась по стволу меж оголённых ветвей большая рыжая кошка — рысь! Она глядела ему прямо в глаза, не обращая внимания на собаку. Перед ней был более страшный враг — человек с ружьём. Её уши, с кисточками на кончиках, по-кошачьи прижались к голове. Короткий хвост, похожий на обрубок, нервно вздрагивал. От малейшего движения берёза раскачивалась, зверь обнял ствол мощными лапами, уцепившись длинными когтями.

На заросшей мелким кустарником поляне не было ни одного крупного дерева для спасения зверя, и рысь метнулась от собаки на высокую, но тонкую берёзку. Та склонилась под её тяжестью.

Гошка медленно потянул руку к ружью и... передумал. Стоял не шелохнувшись, не в силах оторвать глаз от гипнотизирующего взгляда зверя. От напряжения пересохло во рту. Мозг сверлила одна мысль: «Зверь бросится на меня, как только начну поднимать ружьё!» Он сделал шаг назад. Ноги выскользнули из петель лыж и глубоко провалились в снег. На ощупь, не спуская глаз со зверя, он потянул лыжи на себя и закрылся, как щитом, густыми ветками ольхи. По своим следам он вышел на лыжню. И только здесь,

на широкой просеке, отдышавшись, перевёл дух и начал размышлять о своём позорном бегстве и предательстве верного друга.

Рысь не смогла бы прыгнуть на него. Ей надо было для этого сгруппироваться, подтянуть задние лапы к передним, выгнуть для прыжка дугой спину. Чтобы сделать рывок, ей необходима опора. Жидкая, тонкая, качающаяся верхушка берёзы опрокинула бы её, а дальше дело бы закончил опытный пёс. «Не убил бы я её всё равно, — оправдывал себя охотник, — патрон в стволе был с мелкой дробью для белки».

Добрик, как только стихли шаги отступившего охотника, оставил зверя в покое.

В тот вечер они вернулись домой порознь. Им не хотелось встречаться. Одному было стыдно, другому — обидно.

БОРЬКА

С приходом ранней осени многие звери занялись заготовкой пропитания на долгую зиму.

Для меня же наступило время охоты. Каждый вечер, после работы, я с собакой Рексом уходил берегом речки вверх или вниз по её течению, забираться вглубь тайги не было необходимости: дичи попадалось немало и поблизости. Пройдя два-три километра, я добывал несколько рябчиков, а если посчастливится, то и глухаря. Этого нам с Рексом хватало.

Но не об охоте мой рассказ, а о Борьке. Борькой я прозвал лесного бурундука.

Вверх по течению речки, километрах в двух от дороги, находился небольшой сосновый бор. В этом бору Рекс частенько находил и облаивал глухарей. Несколько раз, не доходя до бора, я вспугивал бурундука, не обращая на него поначалу никакого внимания. Но, поскольку он повстречался мне несколько раз в одном и том же месте, я понял, что где-то здесь его норка. Рекс, пробегая мимо бурундука, не удостоивал его даже взглядом. А тому только и оставалось, что недовольным цвырханьем выражать своё негодование: ходят, мол, тут всякие, делом — подготовкой к зиме — мешают заниматься.

Я быстро привык к встречам с бурундуком, захотелось даже подружиться с ним. А помочь в этом могли кедровые орехи. К сожалению, кедры в тех местах были большой редкостью. Поэтому мне стоило немало трудов найти и собрать около двух десятков шишек. И, направившись в следующий раз на охоту в сторону, где обитал Борька, я прихватил с собой десяток орехов, чтобы угостить его.

Он выскочил неожиданно, почти из-под ног Рекса, молнией взметнулся вверх по стволу ближайшей сосёнки, негодуя цвыркая при этом. Рекс же, как всегда, равнодушно протрусил мимо. Рядом с этой сосёнкой находился обросший мхом и брусничником пенёк. «Борька, Борька!» — пропел я ласковым голосом, примял ладонью мох, выдернул мешавший брусничник и, как на блюдечко, положил в сделанную ямку орехи. Затаившись в хвое, Борька наблюдал, очевидно, за тем, что я делаю. «Борька, Борька!» — певуче повторил я свой призыв и, не спеша, удалился вслед за собакой.

Два следующих дня я жил в томительной безвестности: Взяли Борька мой гостинец? И, конечно же, был доволен, обнаружив «блюдечко» пустым. Значит, съел Борька мои орехи или же унёс их в свою кладовую, пополнив запасы на зиму. Я осторожно подходил в пределы его владений, пока не услышал знакомое недовольное цвыркание. Дождавшись, пока он успокоится, я подошёл к пенёку и, пропев снова: «Борька, Борька!» — положив в сделанные мною ранее углубления очередную порцию орехов. И опять, заглянув туда в следующий раз, увидел, что их там нет. В дальнейшем, приближаясь к пню, я не только не видел, но и не слышал Борьку, хотя нисколько не сомневался, что он, затаившись где-то рядом, внимательно наблюдает за мною. Положив, по обыкновению, орехи и произнеся два хорошо уже знакомых бурундуку слова, я сразу же уходил.

Похоже, Борьке пришлись по душе мои визиты, а тем более подарки. Решив проверить, так ли это на самом деле, я, проходя однажды мимо знакомого пня, не остановился у него, не положил, как всегда, орешки, не произнёс волшебные слова. Борька, увидев из своего укрытия такое предательство, обиженно свистнул — как свистят бурундуки перед дождём. Я остановился, огляделся вокруг, но нигде не заметил его. Он же меня, конечно, видел и ждал гостинца. Вернувшись к пенёку, я положил в ямку орехи и, как обычно, ласково пропел: «Борька, Борька!»

Пока были орехи, я ходил к Борьке, и он, без сомнения, рад был моим посещениям. К сожалению, ореховые запасы кончились у меня раньше, чем Борька лёг спать в своей норке. Приходить к нему в гости с пустыми руками я не мог. Но почему-то уверен, что Борька и зимой, просыпаясь, чтобы поесть, вспоминал обо мне, лакомясь кедровыми орешками.

ДЯДЬКА С СЕВЕРА ПРИЕХАЛ

Он приехал ранним поездом и сразу отправился к племяннику-студенту в общежитие, тот обещал ночлег на все дни командировки. Выложил гость на стол домашние гостинцы, попили чаю с товарищами по комнате, вышли в коридор покурить. Дядька достаёт пачку дорогих сигарет фирмы «Philips Morris», студенты из единственной на троих пачки — плоские сигареты без фильтра. Гость презентовал каждому по пачке, и все поспешили по своим делам: студенты — в институт, командированный — туда, куда его, собственно, и послали.

Вечером вваливается в комнату гость, нагруженный пакетами продуктов и вина в расчёте на четверых, студенты встретили его заливистым смехом. Раскладывая продукты и накрывая стол, они сквозь порывы смеха рассказывали, как разыграли сокурсников.

После первой же пары они в курилке все трое небрежно вынули по пачке подаренных сигарет. Это вызвало шок. И все потянулись «стрельнуть». «Угощайтесь, ребята, не стесняйтесь! У нас дома ещё есть. У нас сегодня праздник». — «Это с какого перепуга?» — «Дядька с Севера приехал!» — «Правда? А какой он?» — «Какой-какой... Обыкновенный. С бородой, в медвежьей шубе мехом наружу, в волчьих унтах, в лохматой шапке из росوماхи». — «Игорь, а можно мы к вам вечером заглянем?» — «Ну, я сначала спрошу у него, не устал ли за день, готов ли к приёму гостей», — важничает племянник.

— Вот сейчас только сядем за стол, и жди: то один постучится в дверь и заглянет, то другой.

— Всех, кто заглянет, приглашай за стол, — распорядился дядька. — Сам же сказал, что у вас праздник.

Через полчаса комната была забита студентами. Увидев обильный стол, сходили за стульями в свои комнаты, принесли стаканы и кружки. Кому не хватило места за столом, присели на кровати. Бутербродов хватило всем, несколько раз бегали за кипятком для чая и кофе.

Дядька взглянул на племянника:

— Ну и влипли мы с тобой в историю. Хороши шуточки!

— Ну, извини... — пожал плечами родственник. — Сам не ожидал таких последствий.

Придётся спасать репутацию юнца. Подыграть ему?

По лицам гостей было заметно некое разочарование: дядька молодой и даже без бороды. Шубы, шапки и унтов тоже не наблюдается. Одно успокаивает — бутерброды с вкусной колбасой, чай крепкий и кофе хороший.

И вот один очкарик — видимо, самый умный и смелый — поинтересовался для разминки, задал общий, ни к чему не обязывающий вопрос:

— Скажите, пожалуйста, а как там у вас на Севере?

— На Севере у нас хорошо, — пробасил молодой северянин, напуская на себя важность, словно он уполномоченный представитель всего российского Заполярья. — Воздух чистый, не то что в Москве, пьёшь его полной грудью, и пить хочется.

— Вы где живёте?

— В Комсомольском.

— На Амуре?

— Нет, на Конде.

— А это где?

Так хотелось ответить в рифму. Воздержался.

— В Ханты-Мансийском автономном округе.

— Какова территория вашего округа?

— На землях нашего округа можно разместить Австрию, Бельгию, Швецию и Швейцарию... Но они почему-то не хотят.

— А какие у вас зарплаты? — спрашивает высокий крепкий парень с пробивающимися чёрными усиками. Видно, надоела ему стипендия, и он готов сейчас же поехать на Север.

— Зарплаты у нас хорошие, во много раз больше стипендии. — И тут дядьку понесло вразнос, он решил проверить чувство юмора юных друзей: — Вы же слышали, что на Севере рубли с колесо? Откуда, полагаете, это утверждение появилось? А я вам расскажу. Стоит в нашем профкоме большое колесо от телеги. Получил рабочий получку, идёт в профком и начинает слюной клеить на обод колеса сотенные купюры. Покрыли — довольный идёт отдыхать. Не сомкнулись бумажные деньги — уходит от газовиков к нефтяникам: там зарплата выше.

Кто-то хохотнул. Ребята оживились, и посыпались вопросы. Дядька едва успевал поворачиваться на стуле в сторону очередного любопытного лица.

— Вы встречали белого медведя?

— Раз в неделю приходит. Слышу, собаки дико лают, а потом враз все замолкли, попрятались — значит, гость у двора. Сколько раз говорил соседям, чтобы банки из-под сгущёнки не выбрасывали — смотришь, он опять вылизывает!

— Рыба есть в ваших водоёмах? Не вымерзает зимой?

— Судите сами — летом жена идёт с тазиком под мышкой на речку бельё полоскать, я иду рядом с веслом...

— А весло-то зачем?

— Рыбу разгонять — воды не видно.

— На охоту ходите?

— А как же без дичи? Северянину без дичи никак нельзя. Охочусь я без ружья — милиция двустволку отобрала. Охочусь в основном зимой, когда заяц и куропатка тропок натопчут. Мои орудия охоты просты и необыкновенны, уместаются в одной небольшой сумке: термос с кипятком, бутылка из-под шампанского, кулёк с клюквой да кисет махорки...

Публика напряглась, — что ещё северянин отмочит.

— Выхожу на тропу куропатки. Тропу не топчу, рядом иду, по снегу глубокому, на лыжах широких, охотничьих, подбитых камусом. Гляжу, перекрёсток тропинок, и место изрядно истоптано. Вынимаю бутылку, заполняю кипятком, затыкаю пробкой и втыкаю вниз горлышком в снег. От горячей бутылки конус в снегу покрывается тонким гладким льдом. Беру клюкву и кидаю приманку в ловушку. На следующий день иду — на этот раз с большими сумками, вернее с рюкзаком, — смотрю, а из лунок только хвосты торчат: куропатка увидела ягодку и нырнула за ней, а выбраться не может. Я её за хвост — и в сумку, за хвост — и в сумку...

Удивлённые простотой охоты и радуясь удачам охотника, студенты мысленно шли рядом с ним по тропе и в финале рассказа взорвались радостным смехом, словно он вывалил на стол из своего рюкзака десяток куропаток. Некоторые даже захлопали в ладоши, и лишь один не смеялся.

— А табак зачем брал на охоту?

Все притихли, — действительно...

— Табак, — невозмутимо продолжал охотник, — это на зайца.

Публика притихла, с интересом ожидая, что же ещё наврёт этот затейливый дядька.

— Тут такое дело. Надо знать повадки зверька. Он же целыми днями бегает, путает следы, устаёт и, когда увидит пенёк, непременно запрыгнет на него отдохнуть, — сверху видно всё вокруг, никто не подкрадётся. Охотник идёт заячьей тропой, видит пенёк с шапкой снега. Сметает снег и сыплет на него щепоть махорки, и так на все пеньки вдоль заячьей тропинки. Заяц видит голый пенёк, прыг на него — чем-то пахнет. Понюхал — и начинает чихать. Раз об пенёк носом, два об пенёк носом, после третьего потерял сознание и откинул лапки. На следующий день я иду по тропе, беру его за уши — и в сумку, следующего раз — и в сумку. Всех, кого мне лиса оставила, если пробежала впереди меня.

...Студенты, улыбаясь, покидали комнату со словами благодарности рассказчику, жали руку племяннику и шептали на ухо:

— Клёвый у тебя дядька!

ЗЕРКАЛО ЮГОРСКА¹

Среди неординарных чудес пейзажа нашего города есть ещё одно, природное чудо, создающее особый колорит, без которого картина Югорска была бы не полной. И чудо это — Озеро. Оно по своей — не нашей — воле облюбовало себе место в центральной части поселения горожан.

Мы часто ходим по набережной. Любуемся отражением на его зеркальной поверхности красивого здания профилактория. А бывает, налетит лёгкий, шаловливый ветерок и примется своей мохнатой лапкой размазывать картину на влажном полотне. Озеро — зеркало. Показывает и голубизну неба, и тяжёлые тучи. Умиротворённо оно бывает лишь под толстой бронёй льда, покрытого пушистым одеялом снега.

Спящее зимой и как бы притаившееся летом, оно в пору весенних паводков являлось в течение нескольких предыдущих лет во всей своей необузданности и силе. Разгульно выходило из берегов, затапливало дома, магазин, школу...

Но всё по порядку.

¹ Диплом I степени Всероссийского конкурса Муниципальной академии «Моя малая Родина» в номинации «Дом, в котором я живу» за 2013 год.

Лужа

Пять десятков лет назад первый десант лесорубов ступил на эту благодатную землю. (Да, действительно, современность, успевшая стать историей на глазах одного поколения!) Отдохнули у костра и отправились осмотреть улицы будущего посёлка. Контуры были нанесены геодезистами заранее. На пути к одной, в будущем получившей имя Юрия Гагарина, первопроходцы натолкнулись на лужу. Недоуменно переглянулись: как она могла здесь появиться? Ровное, высокое место. Ни оврагов, ни болотины, как в Пионерском посёлке... Удивила мужиков чёткая окружность диаметром около десяти метров. Но почему не маленькое озерко, а лужа?

— Озеро, — объяснил один из знатоков, — имеет берега.

Заинтересовались глубиной. Опустили шестиметровую еловую жердь — дна не достали... Глубина ещё больше поразила. Кто-то высказал предположение: здесь упал посланец из космоса. Пробил беломошник, а песок ему тем более не преграда. Мужики приняли шутку, но в метеоритном происхождении глубокой воронки больше никто не сомневался. Удивило ещё одно обстоятельство. Не было никаких признаков выхода воды за пределы воронки, ни в пору весеннего половодья от таяния обильного в тайге снега, ни от осенних проливных дождей. Забереги были чисты.

— Значит, — сделали вывод «исследователи», — вода в глубине лужи сообщается с водоносным слоем. И он поддерживает её постоянный уровень. Одним словом, лужа посёлку не помеха, а природный водоём — украшение и источник влаги в летнюю жару.

Болото

Медленно, но упорно, без господдержки, застраивались улицы лёгкими панельно-щитовыми домами с низкими, по-деревенски, деревянными фундаментами. От железной дороги

в сторону улицы Ленина и дальше сформировалась улица Гагарина. Никто и внимания не обращал на Лужу.

И вот она, порождение космоса, видимо, обиделась и решила заявить о своей силе и непокорности. В весеннюю распутицу вышла из своих владений во все стороны десятого микрорайона. От Железнодорожной до Ленина и от Молодёжной (ныне 40 лет Победы) до Мира. Изгнала молодёжь с танцплощадки, подтопила начальную школу, магазин, уронила кирпичную стену строящегося спортзала, поднялась на сорок сантиметров в домах на улице Гагарина и хлопала под полом первого этажа только что построенной конторы леспромхоза. По воде плавали дрова...

Местная власть забила во все колокола. Вынуждена была срочно отселять семьи, переводить учащихся в другую школу, сносить затопленные дома. Председатель поселкового совета Валентина Яковлевна Лопатина в растерянности и с надеждой обращается в райком партии за помощью. «Что же ты с какой-то лужей справиться не можешь! — был дан ответ. — Ищите внутренние резервы!» Так всегда отвечали государственные чиновники того времени. О каких «внутренних резервах» могла идти речь, если малые крохи административных штрафов государство забирало у поссовета в центр!

На помощь в борьбе со стихией пришёл «Тюментрансгаз». Объединению, так же как и Леспромхозу, не разрешалось строить объекты социально-культурного назначения. Но они — два градообразующих предприятия ухищрялись обмануть госчиновников, выдавая соцкультбыт за промышленные объекты.

По заказу газпромцев в 1980 году Донецкий проектный институт разработал проект отвода воды и осушения озера. Жители посёлка уже почти праздновали победу: на месте злополучной болотины уже виделся им спорткомплекс, бассейн, профилакторий...

Проложили коллектор по улице Кирова в сторону Пионерского. Круглосуточно откачивали мощными насосами. Уровень понизился на один-два сантиметра — и всё!

И опять пришла весна, и, просачиваясь сквозь щели проектов, затопляя мечты и планы, болото вновь незвано явилось во всей своей неприглядности. Выяснилось — со дна бьют ключи...

Насосы, высокий уровень грунтовых вод и донные источники оторвали грунт с песочного дна. Он всплыл и покрыл водную гладь. Зрелище было ужасное. Решили плавающий остров взорвать.

Местные милиционеры заложили взрывчатки побольше, чтоб наверняка. Перестарались. Сила взрыва была такой, что вздрогнули здания, а в школе повывлетали стёкла из окон. Дым рассеялся, брызги улеглись, — по озеру плавало множество отдельных больших и малых островков, поросших болотным разнотравьем.

Отцы города больше не обращались к проектировщикам. Объявили водному беспределу непримиримую войну. Поздней осенью, как только лёд смог выдержать вес человека, на него вышли рабочие с бензопилами. Пласты торфа в замёрзшем состоянии вырезали и вывозили на берег. А уж чистую воду, без водорослей, откачивать было легче.

И всё-таки техника оказалась сильнее природы. Круглосуточная работа мощного насоса постепенно стала опережать приток из родников. Блудливая вода с окрестности возвращается в чашу водоёма. Начал просматриваться контур озера.

Лебединое озеро

То раннее весеннее утро старожилы вспоминают с какой-то давней мимолётной радостью и в то же время с горечью и грустью. Они увидели в центре посёлка, среди домов, на озере, плавающих лебедей. Одна пара держалась рядом, а поодаль — третий — в одиночестве.

В народе давно существует легенда о лебединой верности. О ней пишут стихи, поют песни, сравнивают отношения супругов

в благополучных семьях. Если погибла лебедушка, её верный друг, не в силах пережить одиночество, взмывает ввысь и, сложив крылья, камнем падает наземь. В отличие от него, подруга никогда не заканчивает жизнь самоубийством. Она беспокоится о продолжении рода.

Судьба одинокого лебедя стала главной темой разговоров, будоражила общественное мнение населения маленького посёлка. Вскоре выяснилось: две пары птиц сели передохнуть после дальнего перелёта из жарких стран на соседнее озеро. Нашёлся горе-охотник и подстрелил одного лебедя. Птицы поднялись — и в поисках защиты у людей безбоязненно сели на озеро в центре посёлка. Миротвориво настроенная публика окончательно успокоила лебедей. Они доверчиво подплывали близко к берегу, когда дети кидали им кусочки хлеба. Успокоились и люди в надежде на постоянное соседство с красотой природы.

Белый лебедь самый красивый в семействе пернатых. Он привлекает внимание грациозностью движений, гордой осанкой, исполненной достоинства и уважения.

Недели две птицы радовали глаз белизной оперения на фоне серых песчаных берегов. И, как говорится, в семье не без урода. Нашёлся в селе выродок рода человеческого. Вскинул ружьё и выстрелил в лебедей. К счастью, не попал. Тут же возмущённые граждане скрутили подлеца, разбили ружьё, изрядно намяли бока, чтоб впредь неповадно было.

Птицы и здесь не обрели покой. Своим кратким пребыванием они оставили светлую память жителям посёлка Комсомольский. С тех пор местный водоём они называют не иначе как Лебединое озеро.

Почему власть Югорска присвоила водоёму звание «Городской пруд»?



Зеркало лебединого озера

Городской пруд

Борьба за территорию продолжалась. Озеро упорно сопротивлялось, но постепенно сдавало позиции. Строители наступали. В бой пошла тяжёлая техника. На воду спустили земснаряд. Экипажу поставлена двуединая задача: углубить дно и его песком намыть ближайшие окрестности. Задуманное было успешно выполнено. Благодаря этой операции большая площадь освободилась под строительство жилых домов.

Однако до полной и окончательной победы было ещё далеко. В районе закладки фундамента под профилакторий человеку пришлось воевать с подземными источниками. Фонтаны задавили тяжёлыми бетонными подушками. И только после этого началось строительство профилактория, бассейна, спортзала, детского технического клуба «Интеграл», крытого хоккейного корта, центра «Норд», жилых домов.

О коварстве воды жители посёлка отлично помнили. Решили упредить возможный реванш водной стихии. Собрались всем миром на субботники и воскресники, объявили учения по гражданской обороне, привлекли из строительных организаций автотранспорт, тяжёлую технику, подъёмные механизмы и выложили бетонными плитами забереги и набережную. Выставили металлическое ограждение, установили водомерную рейку и смотрителя за уровнем воды, чтобы вовремя запустить насосы.

Написать легко, сказать ещё легче. Но когда видишь Городской пруд, закованный в бетон, несложно представить, какой титанический труд выполнили старожилы совершенно бесплатно, на голом энтузиазме. Именно они создали Лебединое озеро. Оно сейчас нанесено на карту города голубым зеркальцем — как символ бескорыстного труда жителей посёлка Комсомольский во имя красоты и благоустройства малой родины.

С УЛЫБКОЙ ПО ЖИЗНИ

ДУНЬКА

В штате нашего издательства был конюх, а при нём — одна «транспортная единица», лошадь Дунька. Она исправно несла не столь уж тягостную службу: отвезти очередной тираж газеты на почту, иногда со станции привезти бумагу в типографию. Летом дня три поработает на сенокосе. Зимой — то же сено привезти к конюшне. Одним словом, не напрягалась, работала в основном на себя. А чтоб использовать её по прямому назначению — для поездок корреспондентов по району, так ни у кого и мысли такой не возникало.

Непосредственный начальник Дуньки, конюх Фёдор Прокопич, относился к ней ревностно и бережно. Никому в руки её не передавал. Ежели кому дров из лесу привезти, али сена, то ли огород вспахать, — всё сам. Избаловал кобылу донельзя. Никого к себе она не подпускала и ни на кого работать не хотела, окромя хозяина своего.

Прокопич — древний старик с давно не стриженной бородой и жёлтыми от табака усами. Мохнатые старческие брови почти сливаются с мехом облезлой кроличьей шапки, с которой он не расстаётся ни зимой, ни летом.

Первый раз я увидел Дуньку во дворе, запряжённую в телегу. Прокопич грузил пачки газеты очередного тиража «Колхозной правды».

«Уши врозь, дугою ноги, и как будто стоя спит», — всплыли в памяти стихи Некрасова. Лошадь пребывала в полузабытии: глаза полузакрыты, нижняя губа отвисла, обнажив жёлтые зубы, большая тяжёлая голова опущена ниже хомута.

— Коняга, да ты, пожалуй, ровесница Прокопьяча?

— Не обижай коня! — вступился конюх. — По лошадиному возрасту, она, может, и ровесница мне, а по годам — тебе ровня будет.

— Да вы что, Фёдор Прокопьевич, кони так долго не живут!

— Ты прав. Ежели бы в колхозе работала — давно бы сдохла. В колхозе только бабы долго живут, а лошади не выдерживают —дохнут, — засмеялся он хриплым голосом и закашлялся.

— Я её молоденькой кобылкой в колхозе получал по разнарядке райкома, — продолжал старик с гордостью, что обратили внимание на его обожаемую «половину».

— А кто же кличку какую-то бабью прилепил?

— Никому не говорил, тебе скажу, потому, как вижу, коней ты любишь. Была тут у меня в молодости зазноба одна. Ух, хороша девка! — причмокнул старик языком, и аж глаза блеснули. — Любил я её крепко... А она замуж за дружка моего вышла. Вот в честь её, Дуни моей, и прозвал я тогда лошадку мою молодую. Бывает, вспомню Дуняшку-то свою, защемит сердце, и давай лошадь вожжами понужать, словно изменщицу свою! А опосля опомнюсь, одумаюсь, жалко станет тварь бессловесную, ни в чём не повинную — извиняюсь: то горбушку с солью дам, то сенца зелёного выберу. Я ведь с ней всё время разговариваю, а она всё понимает — ушами прядёт, голову поворачивает ко мне, как будто сказать хочет, а не может... Ну да ладно, разболтался я тут с тобой, на почту ехать пора. Но! Дуня, пошла!

Как-то незаметно — собственно, как всегда, — наступила золотая осень. Страдная пора. Полным ходом идёт уборка хлебов. Инструкторы районной власти откомандированы по колхозам. Колхозов много, инструкторов мало — на всех не хватает. Дальние остались без руководящего партийного присмотра. С мест летят телефонограммы о досрочной уборке урожая. Лишь из самого дальнего колхоза никаких вестей: сводки не передают, на телефонные звонки не отвечают — весь район подводят. Рапорт



Дунька

в обком получается не полный, какой-то блёклый, без победных реляций.

Первый секретарь звонит редактору: срочно направить корреспондента в Ломовку. Пусть он разгромит этот колхоз в газете, а уж мы на бюро райкома сделаем оргвыводы!

Редактор приглашает меня в кабинет и как-то по-отечески уговаривает, словно посылает в тыл врага, откуда возврата нет.

— Вы у нас человек новый, района не знаете, и первая же командировка предстоит в самый дальний колхоз. До него восемьдесят вёрст. Как вы будете добираться — ума не приложу. Подводы с хлебом на элеватор придут только через неделю, а вам надо быть на месте завтра.

Он подошёл к окну. Конюх подметал двор. И тут его осенило:

— Фёдор Прокопьевич! Зайдите ко мне.

Тот не спеша вошёл в кабинет, не прикрыв двери, будто обеспечивал себе путь к отступлению. Медленно осмотрел из-под мохнатых бровей помещение и уставился равнодушным взглядом в сучок на полу. Он не знал, зачем его пригласили, но почувствовал что-то неладное.

— Фёдор Прокопьевич, вот молодому корреспонденту надо в Ломовку съездить.

— Пусть едет.

— Спасибо за разрешение, — улыбнулся редактор. — Но ему не на чем ехать, кроме как на нашей лошади. Вы сможете его свозить?

— Он чё, сам не может?

— А и в самом деле, вы можете управлять лошадью?

И тут меня понесло...

— С шести лет верхом. Ещё в школу не ходил, а уже копыны возил, колхозные поля боронил. «У меня отец крестьянин, ну а я — крестьянский сын», — продекламировал в каком-то радостном порыве. Представил себя в седле, на вороном коне с лебединой шеей, мчусь галопом в дальнее село... И тут же осёкся. Подо мной будет не красивый высокий жеребец, а старая кляча. И я сник. Заскучал...

Редактор обрадовался, что проблема решилась сама собой.

Конюх посмотрел на меня искоса, ухмыльнулся и вышел. Я пошёл за ним примерять седло.

— Какое седло? У нас сроду его не было. Да и Дунька под седлом никогда не ходила. Да и я на неё верхом никогда не садился.

Я видел, что он не хочет Дуньку отпускать. Но тут «редактур» сказал, да и в райком поспешил доложить — деваться некуда.

Он вывел Дуньку во двор, положил на место седла потник — кусок кошмы — от седёлки. От частого употребления потник точно воспроизводил контур хребта лошади и никак не заменял седло. Пристегнул чересседельником и с каким-то злорадством сказал:

— Вот тебе и седло!

Я взглянул на это «седло» и вспомнил, как вспоминает человек перед крутым испытанием самые лучшие эпизоды своей жизни. В последние школьные каникулы меня определили учёточником в родном колхозе. В отсутствие председателя мне разрешили несколько дней объезжать поля на гордости нашего колхоза — орловском рысаке. Вставил левую ногу в стремя и молодцевато вскочил в седло. Жеребец с места пошёл лёгкой, широкой и плавной рысью. Пружинисто приподнимаясь в стременах и легко, на мгновение, приседая в мягкое казачье седло в такт бегу лошади, сливаешься с ней в единый организм. Чувствуешь коня, он чувствует всадника. Ощущение радостного и лёгкого полёта охватывает всё твоё существо. Душа поёт. Сердце бьётся, наполняешься какой-то непонятной гордостью. Крепко держишь поводок одной левой рукой, правая должна быть свободной, как и подобает настоящему гусару, кавалеристу, коннику, всаднику...

Передо мной стояла Дуня. Выглядела она отрешённо-усталой, глаза — только что подоенной коровы. Я взял повод, прижал его к резко выступающей холке, другой рукой за столь же рельефный хребет, подпрыгнул, пытаюсь сесть на лошадь верхом. Не получилось. Я повис поперёк лошади, долго сучил ногами в воздухе, пока не вспомнил, что центр тяжести — пуп. Опираясь на брюхо

(не моё, а лошади), я подтянулся, затем развернулся вдоль хребта, опустил ноги и сел. Ноги мои, ноги... Они не висели вниз, как бывает у настоящего всадника, а лежали на широком брюхе, беспомощно и нелепо торчали в стороны.

Мои полушария почувствовали себя очень дальними родственниками, живущими за высоким пограничным частоколом хребта старой клячи, и, казалось, всё дальше и дальше удалялись друг от друга, окончательно разрывая свои родственные связи.

На моём лице появилась маска глупо улыбающегося, сконфуженного клоуна, извиняющегося перед публикой за неудавшийся номер его программы.

Посмотреть на конно-цирковой дебют молодого, ещё мало знакомого корреспондента, высыпал во двор весь списочный состав редакции и типографии. Девчонки так хохотали при виде «конной статуи», что под конец, обессилев, они скрестили ноги и приседали, держась за животы, и, уже беззвучно открыв рты, вытирали слёзы. Что же их так развеселило?

Я взглянул на себя со стороны. Картина оказалась действительно, мягко говоря, неординарная. Сидит пижон, стилига с пышной шевелюрой, в импортном светлом костюме, рубашке цвета бордо, жёлтый галстук с пальмами, за ветки держится обезьяна и бесстыдно хохочет, а внизу под ней крокодил, разинув пасть, исходит слюной в ожидании, когда же эта мартышка сорвётся и упадёт ему в пасть. Брюки дудочкой, жёлтые китайские туфли на толстой белой подошве-манке, сидит верхом на кляче и изображает лихого гусара. Ха-ха-ха!

Не смеялись только двое — Дуня и её хозяин. Дуня понимала: смеются не над ней и пальцами показывают не на неё, а на того чудака, что залез ей на спину непонятно зачем и непонятно что там собирается делать, стояла спокойно и невозмутимо.

Прокопич держал свою ненаглядную под уздцы, поглаживал и похлопывал её по шее, ожидая, когда закончится «концерт», и хмурился: как бы не испортил лошадь этот городской. Путь-то

дальний. Загонит насмерть, не покормит, не попоит вовремя. Загубит животину.

— Ну что, Прокопъич, тронули, — скомандовал я, пытаясь согнать с лица маску клоуна и принять снисходительную мину бывалого ковбоя — укротителя мустангов.

Губы не подчинялись команде разума и в общем веселье бессовестно растягивались в глупую улыбку, с добавлением кислинки идущей снизу ощутимой боли.

— Айда, Дуня. — Он сказал это таким плаксивым голосом, словно провожал её в последний путь. Ласково, напутственно легонько шлёпнул конягу по крупу.

Та поняла, вильнула на прощание хвостом и пошла, понуриив голову. С первыми шагами лошади над селом прокатилась новая волна хохота. И этот хохот не смолкал, пока мы с Дуней не скрылись за поворотом.

Дуня шла тяжело, своим привычным шагом, словно тянула гружёную телегу. Шаг её был какой-то необычный — вразвалочку. Соответственно её шагу моё тело каталось через её хребет из стороны в сторону. Я ехал и гадал, что произойдёт вперёд: или мой копчик перепилит хребет моего мустанга, или хребет перепилит меня по вертикали ещё до того, как мы покинем село. А тут ещё ватага мальчишек увязалась. Бегут, хохочут, кричат, надсмехаются. Те, что посмелее, подбегают ближе, стегают прутиками моего иноходца, пытаясь разогнать его и посмотреть, как этот чудак свалится с бегущей лошади. Но тщетно. Дуня провокациям не поддаётся, снисходительно отмахивается хвостом и продолжает свой торжественный марш вдоль дороги по селу.

— Ну, душа моя Дуняша, с этакой-то скоростью мы с тобой до места доберёмся разве что к Покрову дню, — и пытаюсь прищипорить лошадь. Но куда там — ноги не могут охватить широкие бока.

Село осталось позади. На обочине дороги заросли ивняка. Подъезжаю к ним. Пытаюсь выломить хороший хлыст. Выломил зелёный гибкий прут — «стимулятор скорости».

— Ну, Дуня, или я тебя, или ты меня. Вперёд! Да так, чтобы кустики мелькали! — и вытянул прутom поперёк брюха.

Избалованная «светским» воспитанием сердобольного Фёдора, не знавшая вкуса кнута, она от неожиданности испытала смешанные чувства: боль, обиду, изумление, поправленную гордость редакционной штатной единицы. На мгновение прислушалась к новым неприятным ощущениям, резко, с места, сиганула через придорожную канаву и встала как вкопанная.

Ездок продолжил полёт по инерции, — по пути разбив промежность о костлявую холку — и со всего маху сел истерзанным задом на стерню свежескошенной ржи. Разноцветные искры праздничным фейерверком брызнули из глаз, и казалось, осветили радужным светом залитые солнцем окрестные поля.

Очнувшись от нестерпимой боли, я оглянулся и захохотал: Дунька стояла в прежней позе, словно продолжая полёт. Она напоминала детскую деревянную лошадку-качалку. Широко раскрытые глаза выражали полное недоумение: «И как это меня так угораздило?» — и в то же время она как бы спрашивала: «А ты, ездун, как оказался впереди лошади?»

Смеялся я до колик и слёз. Стиснув зубы от боли, пытаюсь шагать так, чтобы не тревожить штанами «былые раны», с большим трудом забрался на лошадь. О гусарской осанке не могло быть и речи. Сполз на бедро. Развернул своего Росинанта в сторону поставленной цели и с какой-то мстительной жестокостью «угостил» прутom.

Дуня рванула с места в галоп. Невзирая на все мои усилия направить её на путь истинный, она сделала большой полукруг по полю и что было сил в её брюхе понесла меня обратно в село, к своей конюшне.

Её бег невозможно классифицировать ни под один из видов аллюра. Она резко подбрасывала зад. Я вместе с ним взмывал вверх и больно падал на её острый хребет, каждый раз пытаюсь менять точку прикосновения — только бы не попасть разделительной

линией. К сожалению, это не всегда удавалось. Я лёг на лошадь животом, обнял её за шею, как никогда не обнимал самую любимую девушку.

Я уже не обращал внимания ни на баб, медленно приседающих от смеха с полными вёдрами на коромыслах, ни на улюлюкающих пацанов, бегущих следом. Мой модный жёлтый галстук выдуло на спину, и он трепетал на ветру, как полковое знамя Первой конной.

На подступах к редакции я всё же принял вертикальное положение. Дунька, не сбавляя скорости, влетела в конюшню. Низкие ворота со всей силой ударили меня в лоб. Пересчитав своим копчиком все позвонки старой клячи до хвоста, ездок закончил свой спор с лошастью жёсткой посадкой у ворот её конюшни. В результате появилась ещё одна болевая точка — на этот раз вверх и спереди.

Широко раскинув ноги, как гуттаперчевая кукла, совершенно обалдевший и обескураженный, ездец сидел не шелохнувшись, боясь потревожить доселе непорочный и отцом не поротый целомудренный нижний бюст.

ГРЕШНИЦА

— Наставили, слышь-ка, Демидовы по Указу Петра-царя по всему Уралу заводов-городов, да все по рекам. И названия поселеньев-то с рек списали. Одна только Тура в скольких городах прославилась: тут тебе и Краснотуринск, и Верхотурье, и Верхняя Тура, и Нижняя Тура, и просто Туринск. И по всем другим рекам — то же самое. Тавда, Ревда, Салда... На все реки перед заводами запруды-плотины наставлены, чтоб вода, значит, в заводах не переводилась круглый год. А Урал-то, сам знашь, — горы. И реки его промеж гор текут. Вот и наш город стоит на горе, да вокруг горы. И улицы наши все по-горному названы. Внизу, под горой, у пруда самого, Подгорная называется, верхняя улица — Нагорная. Ну и, конечно, главная улица, где дома большие да каменные, что первыми хозяевами — заводчиками ставлены, а потом, при Советах, комиссарами заняты, Лениной называется...

— Ладно тебе, дед Кузьма, про улицы-то рассказывать. Расскажи-ка ты мне что-нибудь интересное из жизни своей али города, о чём я не знаю, — пытаюсь подстроиться под уральский говорок.

— А что я тебе, паря, расскажу? По тебе видно, ты и так знашь больше меня, старика... Старуха! Поддай-ко на стол что ни есть. Гость всё-таки за столом. А ты всё чаем да чаем потчуеть. Да и голова трещит — спасу нет.

— Вчера напотчевался, как дурак, на поминках, — незлобно отозвалась старушка. Погремела посудой, видать из укромного, только ей известного закутка достала бутылку и вместе с чашкой квашеной капусты поставила на стол.

— Кабы не гость, в жисть бы не дала опохмелиться: знамо ли дело — на поминках пьяным напиваться?

— На поминках-то я пьяным не был, — оправдывался дед. — Это мы уж опосля с мужиками добавили, — подмигнул мне и разлил по стаканам. — Чокаться не будем — помянем душу грешную Агафьи. — Он прикрыл глаза от удовольствия, затих, прислушиваясь, как по кишочкам бежит живительная влага. — Опа! Упала. — Блаженная улыбка добавила его сухому лицу в глубоких морщинах ещё десяток складок.

— Так о чём это мы? — прихватив шепотью капусту, отправив её в почти беззубый рот, оживает дед.

— Да о вчерашних поминках, что баба Фёкла тебя упрекала.

— А! — рассмеялся дед. — И смех и грех.

— Нашёл над чем смеяться! — перекрестилась бабка, сидя на лавке. — Богохульник ты эдакий.

— Нет, ты погоди, старая! Расскажу я всё-таки человеку, — закурил дед.

Уселся поудобнее и, улыбаясь, поведал следующее:

— А дело обстояло так. Жила у нас на Подгорной Агафья...

— Уж больно издалека начал, — встряла опять супруга.

— Иди-ка ты к чугункам своим! — рассердился старик. — И неча тут прислушиваться да в разговоры мужицкие вступать!

Старуха обиделась, прижала платок к губам и ушла на кухню.

— Давай-ка ишо по единой, — расстроился дед. Оглянувшись на кухню и уже не так громко продолжил рассказ.

— Так вот, Агафья та старухе моей, пожалуй, ровня по годам, а выглядела в последнее время старше намного. А отчего всё это? — задал себе вопрос. — А всё оттого, что жила как-то не полюдски. Грешница, одним словом.

— Ведьма, что ли?

— Не... Ведьмы-то — они красивые. Мужиков с ума сводят, а бабы на них лютуют — всё боятся, что мужей уведут. И сказывали старики, что самых красивых девок по бабьему наущению

ведьмами называли да на кострах жгли. Эта красота особо никого не покоряла, а мужики всё же часто к ней по ночам заходили.

Сосед-то наш, Ванька Клюев, часто видеть, в том доме бывал. Жена его, Маняшка, об этих приворотках догадывалась, да только застать никак не могла, но хотела. Вот и в этот вечер ребятишек уложила, свет пора тушить да самой спать ложиться, а мужика-то всё нет. До ветру, сказал, пошёл, да как сквозь землю провалился. Баба шаль на голову, тужурку на плечи, полено в руки — и айда к Агафьиной избе. Подкралась по снегу к окошку на передней стене и при тусклом свете закопчённой лампы увидела любовную картину во всей красе. Тут-то нервы у неё и сдали. Саданула поленом по окну и с бранью: «Ах ты!..» — бросилась к дверям.

То ли снег оказался глубоким, то ли Гутька была бойчей и проворней, но из дома она успела выскочить быстрее, чем жена законная к дверям подскочила.

Бросилась разлучница за угол, а жена с поленом — за ней, и начали они круги наматывать вокруг дома. Застигнутый во грехе Ванька сначала растерялся, но когда в щель двери приоткрытой заметил, что женщины на новый круг пошли, выскочил незаметно из дома и что есть духу огородами, огородами припустил домой.

...Когда, вконец измотанная гонкой по глубокому снегу, жена вернулась домой, то застала мужа всю хлопчущего со скотиной. На гневные выкрики о распутстве муж ответил ласково: «Да что ты, Маняша. Вовсе и не бывал я там. Это тебе причудилось али привиделось. Я уже второй час тут управляюсь...»

Побушевала-побушевала жена, заплакала, но толку что? Гоняла вокруг дома не мужа, а свою соперницу. Мужа в лицо она и вправду не видела, а сзади, да в сумерках, попробуй-ка узнать — попы-то у всех одинаковые! — рассмеялся старик.

— Давно это, правда, было, да бабы-то народ злопамятный. В гости к Агафье никто из них не ходил, да и она никого не приглашала. А на старости совсем одичала — словом ни с кем не обмолвится. Осерчала на весь белый свет. А тут как-то соседка

смотрит — нету дыма из трубы избушки Агафьиной — ни вечером, ни утром. Позвала соседок, зашли, перекрестясь, в дом-то её. Лежит она на койке в нетопленном доме, а ноги-то уж холодные.

Как ни сердились соседки на неё, а обряд-то христианский справили. Деда Гришку — водовоза снарядили гроб везти. Тот скатил свою обледенелую бочку с саней-дровней, таких же обледенелых, и отправилась наша Агафья в последний путь в домовине, открытая — крышку-то впереди несут. Только эт-то мы Подгорную нашу миновали — влево, в гору, дорога пошла, а плотина-то справа, — глядим, матушки-светы! Гроб-то с Агафьей соскользнул с саней, да и под горку, да с берега пруда вниз по льду, да в полынью... Только старухи перекреститься успели, а он уж плывёт... Старики рукавицами рты закрывают, чтоб смешок-то не выпустить, да от баб отворачиваются. Запричитали старухи: «В миру ты грешницей была, и померла ты не вовремя, зимою лютою, да ещё и тут-то фокусы выкидывашь! Прости нас, грешных! Худо об усопших плохо говорить. Грех-то какой...»

— Действительно. Как же так получилось?

— А очень просто. Говорю тебе, под горой живём. Ребятишки с Нагорной по этой дороге на лыжах, санках да лежанках катаются, да прямо на пруд скатываются. Завод-то на зиму воду спускает, чтобы она на уровень ушла, а в этом годе что-то проворонили, думали, что растает ещё, и спустили воду уже из-под льда. Лёд зацепился за берег-то, а середина пруда осела. У плотины полынья образовалась от течения быстрого.

— Всё, я понял. А что дальше-то?

— А дальше-то ещё смешнее. Агафья в своей «лодке» уже к шлюзу подплыла, покачивается на волне. На берегу шум, с Нагорной народ привалил, бестолковые советы дают, и никто ничего не делает, только гадают: утопнет Агафья вместе с домовиной или перевернётся. На завод, видно, кто-то сбегал — пожарники с лестницами да баграми прибежали. Выудили грешницу. Молодые мужики на плечах на гору вынесли. Гришке-коновозчику чуть

было сопатку не свернули: «Чё, мол, не вровень с санями идёшь, а впереди лошади шагашь?»

Уже поздно вечером, потемну, добрались мы до погоста. Схоронили по-людски. А вчера вот сороковины справляли. Душа-то её сегодня, чай, уж в ворота апостола Петра стучится: «Пусти, мол, в рай», а мы все сорок дней её поминаем, да последний путь вспоминаем, и долго, видать, ещё вспоминать будем.

ПАРТИЗАНЫ

Было это давно. Ещё при советской власти. Мы, офицеры-«заочники», проходили курс «молодого бойца» в институтах на военной кафедре. По окончании нам вместе с дипломом присваивали звание лейтенанта и через каждые три года призывали на переподготовку.

Из всех сборов мне запомнился один. Привезли нас в сосновый бор на широкую поляну. Тут же принялись устанавливать взводные палатки, полевую кухню, прочие лёгкие сооружения солдатского быта. И стали обживать «партизанский» лагерь.

Первое построение. Из гарнизона прибыл майор Прохоров — наш «главнокомандующий». Капитан, как положено, отдал рапорт. Майор прошёл вдоль шеренги, едва сдерживая улыбку, глядя на «российское воинство», и скомандовал «вольно».

Перед ним стоял не офицерский корпус доблестных советских войск, а партизанский, изрядно потрёпанный, отряд. Через одного у каждого сквозь полугалифе блестели белые коленки. Руки, неестественно отведённые назад, скрывали драные на уровне локтей рукава. Не одну сотню километров, видимо, перепахали в этой робе локтями и коленями несколько поколений дембелей.

На левом фланге — двухметровый богатырь, красавец Борис Горкунов. Чтобы малая, не по размеру, пилотка не соскользнула с головы при команде «смирно», он натянул её так, что пикантный желобок, отличающий её от других воинских головных уборов, раскрылся до бесстыдных размеров. Рукава его гимнастёрки, без погон, едва прикрывали локти. Галифе заканчивались там, где начинались сапоги. Боря внутренне клокотал от смеха, на минуту

представив, как бы смеялись его многочисленные поклонницы, покажись он перед ними в этом наряде советского партизана.

На правом фланге замыкающим стоял шупленький Кузьма Мунькин. Всегда грустный, с потухшим взглядом отца многочисленного девичьего семейства. У него, напротив, гимнастёрка почти закрывала колени, а то место, где раздваиваются штаны, висело на сапогах.

В середине шеренги ещё одна колоритная фигура — Григорий Гоцко. Холёное, с двойным подбородком лицо — сковородой не накроешь, круглое брюшко, выступающее не только из-под ремня, но и из строя. «Партизаны» при построении шутили: «Лейтенант Мунькин! Равнение на пузо Гоцко!» Солдатские штаны, пошитые на первогодков-салажат, явно малы тридцатилетнему располневшему дядьке. Он пытается незаметно от глаз командиров прикрыть гимнастёркой расстёгнутую ширинку.

Майор сказал несколько напутственных слов, пожелал успехов в боевой и политической подготовке и уехал.

...Жаркий солнечный день. Сегодня тактические занятия. Роту разделили повзводно на «синих» и «зелёных». Развели по кварталам леса, у просеки дали «боевое» задание. Ракета в небо — наступление началось! Впереди «смертоубийственное» сражение. Прячась за кустами и деревьями, мелкими перебежками противники упорно продвигаются вперёд...

Навстречу широким махом, подминая кусты и подлесок, вылетает крупный рогатый зверь! Напуганный шумом, он на мгновение опешил, увидев и здесь людей; напролом, сквозь наши боевые порядки рванул в расположение лагеря.

Мы, движимые древнепещерным охотничьим азартом, с криками и улюлюканьем, расстреливая холостые патроны, бросились вслед. Ах, как жаль, что ни одного боевого патрона!

Внезапно впереди раздалась автоматная очередь. Пули просвистели над головами. Сверху посыпалась хвоя и мелкие чешуйки

сосновой коры. Солдаты залегли. Опомнились: «Мы же бежали с линии фронта!» Но любопытство — кто стрелял боевыми? — пересилило воинский Устав. Соблюдая маскировку, перепуганные не на шутку, приближаемся к лагерю...

На краю поляны лежит «наш» лось! Рядом, опустив автомат, стоит бледный и растерянный Гоцко. Вскоре, не обнаружив на рубеже противника, подтянулись «синие», а за ними запыхавшиеся разводящие — кадровые офицеры.

— Кто стрелял? — едва переводя дыхание, крикнул ротный.

— Я, товарищ капитан, — уныло ответил Гоцко.

Бойцы столпились вокруг туши, рассматривая лося и с интересом прислушиваясь к диалогу командира с «ворошиловским стрелком».

— Зачем убил лося?

— Так вин, товарищ капитан, дивлюсь, пре, як танк, и напрямки на кухню. Пид танк я бы ще бросився, хочь промеж гусениц перележав, пока пройде, а це ж шо, зверюга сохатая! Чи рогами пидкинет, чи копытами забье... Шо у него в голови? Та и кухню бы опрокинул... Я его промеж рог — длинной очередью...

Ротный после такого пространно-неуставного, чисто гражданско-партизанского рапорта немного обмяк, успокоился. Офицеры переглянулись, заулыбались. Братьев по оружию так и подмывало поддеть «героя дня»:

— Гоцко! Ты же был поставлен на пост у штабной палатки. Как ты у кухни оказался?

— Да ты что, — отозвался второй шутник, — забыл старую солдатскую мудрость: «Держись подальше от начальства, будь всегда поближе к кухне!»

Несчастный стрелок всё ещё стоял по стойке «смирно».

— Ну вот что, Гоцко! — сказал командир строго. — Лося освежевать. Мясо съесть сегодня же. Кости, шкуру, рога и копыта закопать, чтоб ни одна собака не нашла! У нас лосей не стреляют.

— Товарищ капитан, — взмолился Гоцко, — зысть-то я, мобудь, и зыл бы лося, но кто ж мени дасть? Хлопцам тэж перловка поперек горла стоить!

Тут взорвался такой гром хохота, что с соседних сосен посыпалась хвоя, а перепуганные вороны с криком улетели подальше в лес от этого беспокойного хозяйства.

— Приступайте к выполнению задания! — скомандовал капитан, расстроенный срывом тактических занятий.

— Не могу понять, — жаловался он офицерам, — кто здесь виноват? «Синие», «зелёные», лось или Гоцко?

Мужики навалились на тушу, подсмеиваясь и нахваливая Гоцко.

— Ну, Гриша, спасибо, удружил! Всю роту свежей дичью накормишь. Жаль, что холодильников нет, а то на всю службу хватило бы.

— Ишьте, хлопцы, зараз, завтра не буде.

Хлопцы забили мясом полные котлы полевой кухни, развели дополнительно костры, разыскали где-то листы железа и жарили на них большие куски. Любители шашлыков жарили на берёзовых шампурах. Одним словом, задание командира было выполнено чётко и в срок. От лося не осталось ни волосинки. Над лесом плыл аромат варёного и подгорелого мяса.

...Раннее утро следующего дня. Никто не вышел на физзарядку. Не дождался командир «гвардейцев» и на построение. Призыв к завтраку никого не вдохновил. Рота стонала. То и дело из палаток выскакивали бойцы и, мелко семеня ногами, словно со связанными коленями, забрасывая на ходу ремень на шею, устремлялись к ближайшим кустикам. Сидя в позе орла, они ещё и хохмили.

— Зачем солдату шея? — спрашивал один.

— Чтобы ремень вешать, когда под куст садишься, — отвечал другой.

За соседними кустами раздавался вымученный хохоток.

Наш тщедушный Кузьма Мунькин положил поперёк окопа две берёзовых палки, лёг на них, спустив галифе. Комары серым бархатом облепили голые ноги. У Кузьмы не было сил, чтобы даже «кыш!» сказать. Его руки безжизненно висели над окопом.

— Да прикройте ему пилоткой передок! Отгрызут ведь! — крикнул кто-то на бегу к ближайшему кусту.

— Старшина! Выдать каждому по столовой ложке соли и запить водкой! — приказал ротный. — Это самое эффективное средство от медвежьей болезни.

— По полной кружке?

— По сто пятьдесят офицерских грамм!

— Так где же столько соли возьму? А водки так и вовсе нет..

— Соберите деньги, возьмите двух человек — и в ближайшую деревню, живо!

— Горкунов! — позвал командир Бориса. — Возьмите себе напарника, да хоть того же Гоцко, и отнесите в медсанбат.. Какой там медсанбат — в ближайший медпункт Мунькина, а то уйдёт из него весь дух солдатский!

— Гриш, а ты почему такой бодрый, не как все? — подтрунивает Борис над товарищем.

— Так я ж варёное мясо ел. С котла. Не то шо хлопцы — жареное на цинковом железе.

— Ну и хитер же ты, Гриш! Одно слово — хохол.

Борис расстелил шинель, положил на неё облегчённое тело полуживого Кузьмы, просунул палки в рукава, застегнул на все пуговицы — получились мягкие носилки. Друзья во главе со старшиной отправились в ближайшую деревню.

...Молодая медичка — заведующая сельской амбулаторией издалека увидела «скорбную процессию». Трое весело вбежали на крылечко сельпо, а двое с носилками направились к ней, в здравпункт. Она в тревоге вышла навстречу:

— Что с ним? Он тяжёлый больной?

— Да яки ж вин тяжёлый? Бараний вес.

— Так что же у него? Может, в районную больницу отвезти?

— Туды ж далеко. Нехай у вас полежить. Мабуть, живым останется, — шутовал Григорий.

— Куда его положить?

— Проходите, пожалуйста, — она открыла дверь. — Положите его на кушетку. Объясните же толком, что произошло? — строго спросила девушка.

— Та лось его забодал, — продолжал шутить Гоцко и засмеялся своим утробным смехом так, что его живот ходил ходуном.

Борис молчал. Прожжённый бабник, он любовался этой юной перепуганной девушкой. Та перехватила его масляный взгляд, вспыхнула румянцем.

— Вы не волнуйтесь, — наконец подал он голос. — Больной вам сам всё расскажет. Ничего страшного, — пытался он успокоить молодого медика. — Мы за ним придём. Каждый день навещать будем, — заверил Боря и лукаво подмигнул, чем окончательно смутил девушку.

«Санитарная бригада» вернулась с «лекарством» к обеду. Рота ждала с нетерпением. Капитан вышел из кустов навстречу крайне недовольный. Он вполголоса ругался, тряс в воздухе и скоблил о траву правый сапог...

...На следующее лето к местному егерю нагрянули охотники с лицензиями на отстрел лося. Угостили хозяина тайги как следует, и он поведал им по секрету свою тайну: «Километрах в пяти от моего кордона есть странная поляна... Вокруг неё плотными клумбами всё лето цветёт ландыш серебристый!»

Ночь напролёт охотники ломали голову над загадкой природы.

ДАЧНИЦЫ

Утро. Автобусная остановка. В ожидании дачного маршрута — человек двадцать. Подходит красивый и длинный, как сарай, битком набитый вагон на резиновых колёсах. Распахнул все три двери, но в них трудно протолкнуться.

И тут раздаётся жалобный стон:

— Граждане, кто сколько может... — публика напряглась, — ...пройдите вперёд!

Общий смех над шутником поднял настроение. А на переднем сиденье древняя старушка всё вскакивает, вытягивает шею и оглядывается назад.

— Ты чё, бабка, егозишь? — Это молодой человек, нависший над ней всем телом, держится за верхний поручень.

— Да вот, старик в заднем проходе застрял...

Пассажиры опять негромко хохотнули.

Вокруг знакомые добрые лица земляков. Живём в небольшом городке, а видимся, после ухода на пенсию, редко. Все весёлые, возбуждённые, в элегантных брючках с блёстками, откровенных кофточках, модных шляпках — явная память о курортных денёчках во время прежних отпусков, — в современных бейсболках; с лёгким макияжем...

Взгляд споткнулся.

— Сколько лет, сколько зим! — На меня смотрела с доброй улыбкой радости от встречи коллега по прежней работе.

С трудом протискиваюсь к ней через лёгкий аромат приятных духов. Прежняя смущённая улыбка, и лишь «птичьи лапки» мелких морщинок у глаз выдают возраст. Толпа так плотно прижала

нас друг к другу, а перепрыгивая через «лежачих полицейских», автобус создавал горизонтальные толчки.

Она шепнула мне на ухо:

— Я, наверное, от тебя рожу.

— Поздно! Надо было раньше думать об этом. Лет этак ...надцать назад.

И мы оба рассмеялись, чем, несомненно, привлекли внимание окружающих.

После взаимных дежурных вопросов «за жизнь» я спросил:

— Скажи, пожалуйста, твои подружки, нынешние старушки, всегда так нарядно одеваются для поездки на дачи?

— Мы не хотим отдавать на съедение моли свою прежнюю роскошь. Моль не дожждётся от нас аплодисментов! Одним словом, донашиваем.

— Я смотрю на пассажиров, и создаётся впечатление — этот автобус везёт группу туристов-пенсионеров на отдых.

— А мы и есть туристы, — объясняет с улыбкой моя спутница. — Каждое утро спешим на автобус. А вечером, уставшие от «отдыха», еле плетёмся опять на остановку.

— Труд на даче украшает человека — до неузнаваемости! — подкинул реплику в наш разговор стоящий впереди мужчина.

И я вспомнил слова какого-то философа от земли: «Если человек владеет землёй, земля владеет человеком».

Наше внимание привлекла сидящая в кресле молодящаяся дамочка. Она с лукавой улыбкой громко рассказывала своей соседке, явно работая на публику:

— Я в субботу оставила внуков детям, а сама решила отдохнуть от них — осталась ночевать на даче. И что вы думаете? — заинтриговала она невольно слушателей вопросом. — Не могла уснуть... Всю ночь не давал покоя девичий истеричный смех. Вышла во двор. Белая ночь. Красота. Тишина. И опять чьи-то смешки со стороны цветущей калины. Обошла тихонько вокруг

куста — никого... Приподнимаю ветку, а там!.. Не поверите — тля заливаётся хохотом до икоты! Это ей муравьи своими усиками брюшки щекочут, а тля, не в силах воздержаться, непроизвольно выпускает капельку. Муравьишки-шалунишки подхватывают капельку — она, видимо, для них деликатес — и несут её в норку, кормить свою мамку, в просторечии её почему-то называют маткой. Показывали её по телевизору. Сама видела — глаза у неё большие, красные, а потом оказалось, что это была... пчела!

Притихшие было, с улыбкой слушавшие страшный детектив пассажиры разразились таким громовым раскатом хохота, что заглушили шум двигателя, а водитель, взглянув в зеркало заднего вида, невольно нажал на педаль тормоза. Публика повалилась — то ли от смеха, то ли от толчка автобуса.

— Нет, правда! — не унималась юмористка. — Я слыхала, что садовые муравьи уносят своих «дойных коровок» — тлю на зиму к себе в норки, а весной выносят их на свет божий и сажают на нежные верхушечные листики кустарников.

Но её лекцию слушали уже вполуха. Так и выходили старушки на своих остановках с улыбкой на устах.

Подкупает атмосфера общения дачниц. Из года в год складывалось сообщество огородников-садоводов — наших горожан из различных товариществ, объединённых совместными поездками на общественном транспорте. Многие за эти годы перезнакомились и встречаются как старые друзья уже не по работе, а по занятию возделывания земли. Обмениваются опытом, семенами, саженцами и просто бытовыми радостями, а подчас и горестями. Разговаривают громко, открыто, не таясь, зная: их поймут и не осудят за лишнее сказанное слово.

Смотрю я на женщин, своих попутчиц, с лаской, любовью и уважением. Все они романтичны, молоды душой и находятся в том великолепном возрасте, когда дети уже выросли, болезни ещё не наступили и есть возможность пожить для себя.

Тут и моя остановка подоспела. Кивком попрощались. По пути к даче я был ещё под впечатлением. Улыбался. Гневался. Рас-суждал.

Вот мои давние подружки, ныне старушки-хохотушки — пенсионерочки жили, работали, рожали и воспитывали детей в северном холодном краю. Дожили до прекрасного возраста, когда можно отдохнуть, заняться любимым делом и не надо спешить на работу. Им ничего не нужно от государства, кроме одного — чтобы цены на продукты не опережали добавки к пенсии. Они прекрасно помнят жизнь матерей, поднявших на своих плечах разрушенную войной страну, и в сравнении с той эпохой какой-то там далёкий кризис, о котором кричат московские крикуны, им до лампочки.

Во все времена Россию поднимала с колен русская баба. Не даст она и сейчас в обиду ни детей своих, ни внуков-правнуков. Пока жить можно — будет выращивать на своих грядках цветочки, доведут до ручки — посадит картошку. «Голод пережили — изобилие переживём! — шутят старушки. И добавляют: — Богато не жили, нечего и привыкать».

Не обращайтесь внимания, дорогие мои старушки, на свои морщинки. Улыбнитесь в зеркало и увидите — это не морщинки, а следы прежних улыбок.

Я сочувствую твоей увядающей красоте, самая добрая, трудо-любивая и красивая русская женщина.

ЦВЕТНИК

Минувшим летом мой друг пригласил меня с ответным визитом в свой сад. Гордостью своей он считает цветник. Отобрал у картошки изрядную долю земли и всю прилегающую к дачному домику площадь засеял цветами. Любит он вечерами посидеть на высоком крылечке, полюбоваться детищем рук своих и понаслаждаться букетом неповторимых ароматов.

Дорожки ведут нас вокруг клумб и альпийских горок. Он, как заправский экскурсовод, знающий цену своим сокровищам, обращается к цветам чуть ли не по имени-отчеству.

— Я, — говорит, — после высева семян пакетики выбрасываю, а то, что зацветает, получает моё название, в зависимости от внешнего вида. Здесь, например, сидят «Революционеры» и «Коммунарки».

— Это же красные гвоздики! — вырвалось у меня.

— А я что говорю? — ничуть не смутившись, соглашается цветовод. — Разве не напоминают они старушек в красных косынках на шествиях поздней осенью с портретом вождя-учителя? — И продолжает путь по узким дорожкам благоуханного рая. Осторожно, с нежностью касается бутонов, поправляет заломленные ветром листочки.

— Ах, вы мои «Революции» бесшабашные! Если бы вы дальше моего сада не выходили!

«Бархатная»... Вот обрати внимание: все из одного пакетика, на одной земле растут, а поди ж ты! Развалились на две половины: одна сторона горит ярким пламенем, благоденствует, а вторая — хилая, чуть-чуть над землёй поднялась.

А вот «Оранжевая»... Приглядишь: у этого цветка так и закручивается косичка вокруг темечка, а рядом какой-то рябой... И тоже из одного пакетика и на одной земле живут.

«Революция Роз»! Эти стоят в ряд, как хор известных стариков. И чуть ветер дунет из-за океана, так они в пляс — лезгинку танцевать.

А здесь у меня «Реформаторы». Первые выскочили чуть ли не из-под снега. Зацвели, но быстро увяли. Проклёвывается вторая волна «Реформ», правда, только четыре набрали бутоны.

А вот смотри: «Неувядающие реформы России» и «Рыдания гибнущих надежд».

— А этих красавцев-пионов каким именем нарёк?

— «Олигархи», конечно! Ишь, стоят, разлапушились. И всё за границу клумбы пытаются сбежать. Семена свои они там уже посеяли, сейчас их отпрыски там корни пустили. Осенью верну всех на место. А вот у бортика клумбы скромно растёт «Ипотека». Капризный цветок: то глаз и душу радует, то вдруг завянет, то опять бутон обнадёживает, а до цвета не доходит. Видно пырей ползучий все соки высасывает.

Ярко выраженный островок соцветий на альпийской горке хозяин назвал «Медвежье ушко». Вокруг вьётся разноцветная и мелкотравчатая «Оппозиция».

— Нет, ты только посмотри, — возмущается садовод, — три дня назад как подрезал верхушки и боковые отростки, а они опять, обгоняя всех, прут вверх без стыда и совести!

— О чём это ты?

— Да всё о них же — «Ценах» и «Тарифах»! Будь они неладны! Цвести не цветут, а затрат требуют всё больше и больше.

— А это что за «фрукт»? — показываю на высокий стебель осота.

— А-а! Это же «Батка», — улыбается мой друг. — Он остался здесь после бульбы. Крепко, видно, укоренился. На четвёртый срок пошёл. Пусть растёт. Он же за границей моего цветника.

— Да, дружище, надо отдать должное трудам твоим и буйной фантазии. Названия своим любимцам ты даешь не в бровь,

а в глаз, соответствующие социально-политической обстановке. Не цветник у тебя, а сплошная цветополитэкономика.

— Чем тебе не нравятся мои названия? — лукаво прищурился, спрашивает и, не ожидая ответа, с напускной обидой заявляет: — Ты в своём саду можешь хоть на каждый в отдельности цветочек этикетки привязывать с ботаническими названиями сортов и всё равно не запомнишь...

— Ну хорошо, хорошо, не сердись. А где же всё-таки лирика, поэзия сада?

— Лирики захотел? Пойдём, пройдем к моей любимой клумбе. Полюбуйся — «Весёлые ребята», «Губошлёпки», «Носопырочки одухотворённые», «Носопырочки расквашенные», «Синекудрые слюнявчики», «Синеглазки похотливые»...

Здесь же я увидел розы и хризантемы. Интересно, что же он для них придумал?

А он продолжает:

— Это певицы, а это актрисы.

— А почему безликие?

— Тут у меня свой секрет. Приедет к нам с гастролями певица — срежу для неё букет хризантем, прилетят актрисы с антрепризой — подарю розы. Их именами цветы и назову. Вон, смотри, куст белой сирени растёт. Знаешь, с каким именем продали мне его в питомнике? «Галина Уланова»!

Насмотрится вечерних новостей мой друг о жизни нашей несуразной, сядет на крылечко, обхватит голову руками, покачается из стороны в сторону, словно просеивая негативную информацию, потом взглянет на цветник — и лицо старика расплывается блаженной улыбкой: его приветствуют лёгким поклоном бутончиков «Весёлые ребята», «Синекудрые губошлёпки» и прочая скромная мелочь, далёкая от социальных проблем.

ЮРАШКА

Это мой сосед. Юрашкой его мама зовёт. А как мама назовёт, так мы всю жизнь и носим это имя, иногда на потеху друзьям детства. Мы с Юрашкой давние друзья. С того дня, когда его впервые вывели на прогулку.

— Ты кто? — спросил он.

— Я твой сосед, — и назвал своё имя-отчество.

— Здравствуй, — поприветствовал он.

— Здравствуйте, молодой человек!

Мама сделала ему замечание о том, как надо разговаривать со взрослыми. Но мы с ним по-прежнему на «ты».

Сейчас он уже школьник. Весёлый шаловливый мальчик, как и все мальчишки в его возрасте. С улицы возвращается в снег с ног до головы и частенько получает за это трёпку от мамы. И не только за снег, что сыплется с него как с ёлки в лесу, но и за потерянный ключ от квартиры. Папа так часто меняет замки, что пришлось в конце концов заменить саму дверь.

Переполненный впечатлениями после просмотра по телевизору очередного диснеевского мультика, он, заслышав мои шаги на лестнице, выскакивает на площадку и с горящими глазами спрашивает:

— Ты смотрел сейчас по телику, как сражались рейнджеры?

— Нет, — оправдываюсь, — я за почтой ходил...

— Эх, прозевал такое кино! — тянет он с сожалением и сочувствием. — Не переживай! — успокаивает. — Я тебе сейчас всё расскажу.

— Юрашка, ты пойдй надень тапочки, что ж ты стоишь босиком на бетонном полу?

Он вернулся через мгновение ока, на бегу цепляя пальцем тапочек, который, видимо, не очень хотел выходить за порог.

И начался спектакль одного актёра. Юрашка изображал всех героев обеих противоборствующих сторон. Он делал хук левой и правой, выпады ногами так, что мне приходилось бегать вслед за летящими тапочками вниз по лестнице. И даже в эти моменты спектакль не останавливался, не признавая никаких рекламных пауз.

Артист вспотел. Его щёки горели румянцем, широко раскрытые голубые глаза излучали азарт, радость победы и закрывались шторками длинных, густых ресниц, зависть девчонок, когда надо было показать страдания положительного героя. Я искренне переживал, зримо представляя обстановку борьбы, и невольно двигался сам, чтобы не угодить под удар распалённого рассказчика. Сюжет исчерпан. Артист устал. Переведя дух, посоветовал мне не пропустить очередную серию. И мы расстались.

В один прекрасный, солнечный и тёплый день после обильного снегопада во дворе барахтаются мальчишки. И, конечно, среди них был мой юный друг. Я вышел на лестничную площадку, чтобы встретиться с ним, поговорить. Эти встречи всегда дают мне большой заряд бодрости, оптимизма.

Громко хлопнула входная дверь подъезда, разгорячённый, тяжело дыша и перепрыгивая через ступеньку, Юрашка бежит весело вверх. Вдруг останавливается на предпоследней площадке. Меня пока не видит. Снял шапку — волосы мокрые. Сморщил лоб, изобразил гримасу безутешного горя и стал потихоньку хныкать, настраиваясь на громкий плач незаслуженно обиженного мальчишки. Поднимаясь по последнему маршу из десяти ступенек, он постепенно добавлял громкости рёву и жалостливых ноток. Увидев меня, на мгновение сбавил тон и, отвернувшись, с ещё большей силой завыл. Это был не плач, а рёв с завыванием. Перепуганная мама настезь распахнула дверь, и Юрашка, не

прекращая плача, падает головой ей на грудь, размазывая слёзы мокрой от растаявшего снега шапкой.

— Что случилось?! — кричит перепуганная мама.

— Двойка... — воет Юрашка.

— Господи, как ты меня напугал! — и гладит сына по голове.

Тот сразу успокаивается и, даже не всхлипывая, снимает, чуть ли ни весело, ранец и раздевается. Мама успокоилась:

— Сейчас же за уроки! Нет, сначала мыть руки — и за стол. Покушаешь — и за уроки.

Юрашка нехотя поплескался у раковины, ополоснул лицо, улыбнулся себе в зеркало: «Как удачно я сегодня избежал маминной взбучки за очередную двойку!»

ДЕНЬ ПЕНСИОНЕРА

Так называют старики день выдачи пенсии. Это день встречи на почте, день клуба весёлых и находчивых...

Входит старик:

— Кто последний?

— За мной будешь.

— Ну, как живёшь?

— На три «дэ»!

— А это как?

— Доедаем, донашиваем, доживаем...

В очереди даже самый близкий друг встаёт к тебе спиной. Друзья ждут очередную жертву своих шуток и подковырок. Постепенно очередь растёт. Дышат друг другу в затылок только женщины, мужчины стоят поодаль, кружком, и продолжают свою бесхитростную игру, вскользь наблюдая за продвижением очереди.

— А ты как живёшь?

— Сначала было ничего, а потом... опять ничего...

После удачного ответа раздаётся приглушённый хохот, на них оглядываются с улыбкой: развеселились что-то мужики, деньги почуяли, вот и настроение поднялось.

— А ты, одессит, хорошо ли живешь?

— Шоб да — так нет! Шоб они так жили! — показывает пальцем вверх.

Треп «за жизнь» продолжается.

— А у тебя как жизнь? — продолжает балагур, задавая один и тот же вопрос, как в детской считалке, обходя по кругу друзей и знакомых.

— Жизнь как в сказке — чем дальше, тем страшней! А конец... — пауза, — хороший...

— Про конец-то ты напрасно. На грустную волну переводись... — сник заводида.

— А что? В нашей стране умирают легко, потому что жить трудно, — подхватил бойкий старичок.

— Старость нас ожидает хотя и тяжёлая, но не долгая. Вон каждый день дорога на погост словыми лапками обозначена...

— Вот скажите, мужики, хочу уточнить: прожиточный минимум — это показатель уровня жизни или её продолжительность? — лукаво задаёт вопрос самый хитрый, прищулив глаз.

— А ты вот мне ответь, — задаёт хитрому встречный вопрос стоящий напротив, — что такое продовольственная корзина в России?

— Два яйца и батон колбасы, — мрачно отвечает кто-то из толпы.

Лёгкий смех пробежал по кругу.

— Да я не то имел в виду, о чём вы подумали, — обиделся знаток благосостояния. — В неё правительство ещё и «ляжки Буша», овощи, фрукты положило...

— А что такое потребительская корзина? — перебивают вопросом без ожидания ответа.

— Что вы к корзинам привязались?! Государство наше столько коробов обещаний наделало... А корзины мелкие плетёт.

— Лучше стакан в зубах, чем зубы в стакане, — сострил один и пошёл: — Моя очередь подошла...

— А что такое инфляция? — продолжает нытик и, не надеясь получить вразумительный ответ, отвечает как бы сам себе, но чтобы его слышали: — Вот говорят: инфляция — это когда у людей много денег, а от их избытка растут цены на рынке. А они, цены, растут и когда денег мало. Вот вы посмотрите: только какой-нибудь министр пообещает президенту повышение зарплаты или

пенсии, и на завтра цены на рынке уже подскочили, не дожидаясь намеченного срока. Вот Гайдар отпустил цены на самотёк, а потом десять премьеров остановить их не могут... — Оратор, видя, что интерес к его монологу пропал, направляется в свою очередь.

— Ой, — стонет он, наклонившись назад, — проклятый лесоповал... Опять радикулит донимает.

— Ты, паря, видно, гимнастикой не занимаешься? — говорит ему уже из очереди всё тот же шутник, лукаво улыбаясь. — Даю тебе комплекс упражнений для пенсионеров: согнуть спину, опустить руки, протянуть ноги... Всё!

По очереди прокатился лёгкий смешок.

Отступив на шаг от кассы, бабулька разложила на стойке купюры, смотрит на них с недоумением, прикидывая расходы.

— Ну никак расходы с доходами не сходятся, как ни крути. Не успеешь обернуться, а они уже растаяли, — рассуждает она вслух, ни к кому не обращаясь.

— А ты, подружка, не пыталась хранить деньги в холодильнике? Может, они не будут так быстро таять, — не унимается никак хохмач.

В очереди опять закричал радикулитик, ворчит и жалуется на здоровье.

— Не жалуйся на здоровье — оно может обидеться и уйти!

Получив пенсию, мужики кучкуются: кто вдвоём, кто «на троих» весело покидают зал. Да, большинство пенсионеров не попали за обильный стол праздника жизни. Оптимизм у бывших «строителей коммунизма» иссяк, энтузиазм развеялся на заснеженных лесных делянках, в топких болотах строительства газопроводов. Они оставили в наследство следующему поколению красивый благоустроенный город, не получив взамен ничего, кроме пачки почётных грамот. «Мои года — моё богатство» — это же насмешка над стариками России. Шутят старики, бодрятся, но

в их глазах просвечивают грусть, обида и безысходность. Такова уж она, наша Россия-матушка.

Вот и я около кассира. Она улыбнулась мне, я — ей. Жить стало лучше, жить стало веселей! Шея стала тоньше, но зато длинней!

Содержание

ЭХО ВОЙНЫ	5
ВОЕВАВШЕЕ ЗАПОЛЯРЬЕ	37
Вступление	39
Обманутое доверие	40
Планы фашистов	42
Тыл стал фронтом	45
Героизм полярников	47
Трагедия в Карском море	52
На самолёте по волнам	58
Рогатые бойцы	64
ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ	67
Ошибка штурмана	69
Поспешность И. В. Сталина	71
Мыс Каменный	75
Внук адмирала в ледовом плену	78
ОКАЙМЛЁННАЯ ГОРИЗОНТОМ	117
Заштопанный самолёт	119
Фуражка	121

Золотая рыбка	124
Держи самолёт за хвост	128
Цветы тундры	130
Феномен тундры	141
Люда-мила	144
Авка	147
По оленьему следу	151
Вожак	170
По морю... на тракторе	175
Морской волк	191
 ПЕРЕКРЁСТКИ	 197
Последний поход советской эскадры	199
Заповеди деда	243
Глухой телефон	255
Крест	267
Подушка	271
Из Волги в Эсску	275
Колокольчик	280
Добрик	283
Борька	289
Дядька с Севера приехал	292
Зеркало Югорска	296
 С УЛЫБКОЙ ПО ЖИЗНИ	 303
Дунька	305
Грешница	314
Партизаны	319
Дачницы	325

Цветник	329
Юрашка	332
День пенсионера	335

100р

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Победители литературного конкурса
«Георгиевская лента»

Пудов Сергей Павлович
ОКАЙМЛЁННАЯ ГОРИЗОНТОМ

Ответственный редактор Т. Войлокова

Корректura: Л. Подистова
Компьютерная верстка: О. Гостева
Дизайн обложки: С. Кошевой

Подписано в печать 12.04.2020
Формат 60х90/16
Бумага офсетная
Тираж 100 экз.

ООО «Издательство РСП»
127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1
Тел.: +7 (495) 215-14-25
www.izdat.ru



201663566

100р



Сергей Пудов родился в 1936 году в таёжной деревне на севере Свердловской области. С двадцатилетнего возраста занимается журналистикой. Работал в газетах и на радио Северного региона, был главным редактором районного телевидения. Живёт в городе Югорске ХМАО – Югры.

Публиковался в российских и зарубежных журналах и альманахах. Автор пяти книг. Член Российского и Международного союзов писателей. Лауреат пяти всероссийских литературных конкурсов.

В 2018 году Сергей Пудов стал победителем литературного конкурса «Георгиевская лента», эта книга издана Оргкомитетом конкурса.

ISBN 978-5-4477-3038-3



9 785447 730383



ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОГО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ